С. И. Николаев

МОРСКОЙ КОСМИЧЕСКИЙ ФЛОТ

ЕГО ЛЮДИ, РАБОТА, ОКЕАНСКИЕ ПОХОДЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге автор рассказывает о непростой службе на судах Морского космического флота, океанских походах, о встречах с интересными людьми. Большой любовью рассказывает о своих родителях-тружениках села – честных и трудолюбивых людях; с грустью вспоминает о своём полуголодном военном детстве; о годах учёбы в военном училище, о начале самостоятельной жизни – службе на судах МКФ, с гордостью пронесших флаг нашей страны через моря и океаны. Автор размышляет о судьбе товарищей-сослуживцев и судьбе нашей Родины.

- Сергей Иванович Николаев
  - ○
  - ○
  - ○ Об авторе
  - ○ От автора
  - ○ Мечте навстречу
    - ■ Ожидание распределения
    - ■ В оккупации
    - ■ О подвиге сельской учительницы
    - ■ Освобождение от фашистов
    - ■ Возвращение к жизни
    - ■ К новой жизни
    - ■ Начало военной службы
    - ■ Встреча с Министром обороны Индонезии
    - ■ Случай «неповиновения»
    - ■ Академия
    - ■ К новому месту службы
    - ■ О первом начальнике службы
    - ■ Встреча с начальником экспедиции
    - ■ Подготовка в НИИ
    - ■ Черноморский судостроительный завод
    - ■ О партийном бюро
    - ■ О замполитах
    - ■ О марксистско-ленинской учёбе
    - ■ О некоторых из нас
    - ■ Подготовка к рейсу
    - ■ О вычислительном центре
    - ■ О группе баллистиков
    - ■ Группа дешифровки
    - ■ Впереди пролив Босфор
    - ■ Во власти Средиземного моря

- О морской болезни
- На квасок и сальце
- Гибралтарский пролив. Курс на Канары
- Канарские острова
- Курс на Кубу
- Впервые на Кубе
- Немного о Кубе
- О пожаре на траулере
- Первое знакомство с Гаваной
- У советского посольства
- Переход Гавана – Галифакс (Канада)
- Работа по космическому кораблю «Союз-10»
- Порт Галифакс
- Работа по КК «Союз-11»
- Об ответственности и волнении
- О традиции
- Стыковка на орбите
- Об В.А. Иванове
- Внештатная ситуация на борту
- Вновь Галифакс
- За кораллами и ракушками
- Встреча с барракудами
- Прощай, Гавана!
- Заход в Гибралтар
- Вперёд, на Одессу
- В Москву, к дому
- О подарках
- Работа по программе «Союз – Аполлон»
- Встреча с В.М. Саблиным
- В новой должности
- Адъюнктура
- НИС «Космонавт Павел Беляев»
- Госпиталь
- Научно-исследовательский институт
- Тяжёлый опыт выживания

○ Морской космический флот
- История морского космического флота
- Отдельный плавучий командно-измерительный комплекс (ОПКИК)
- НИС «Космонавт Юрий Гагарин»
- НИС «Академик Сергей Королёв»
- НИС «Космонавт Владимир Комаров»
- Тихоокеанская гидрографическая экспедиция
- «Спасите наши души»

- Арест судна
- Провокация в Средиземном море
- Ох, эта лектор
- Музей Морского космического флота
- Музей МКФ

- Вместо эпилога

Сергей Иванович Николаев Морской космический флот. Его люди, работа, океанские походы

© С. И. Николаев, 2015

* * *

Посвящается 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, Дню космонавтики и моим друзьям-сослуживцам

Об авторе

Автор этой книги Сергей Иванович Николаев принадлежит к послевоенному поколению советских людей, пережившему тяжёлое военное детство. На долю этого поколения выпало продвигать нашу страну на передовые научно-технические и экономические рубежи. В биографии Сергея Ивановича прослеживаются типичные этапы жизни этого поколения и те свершения, к которым были причастны наиболее активные и достойные его представители. Родившийся и выросший в рабоче-крестьянской семье, проживавшей в Подмосковье, где расположены знаменитые курсы «Выстрел», выпускник средней школы избрал для себя военную стезю. С отличием окончив Пушкинское радиотехническое училище, он служил в Учебном Центре войск ПВО преподавателем по переподготовке офицеров как нашей, так и дружественных нам иностранных армий на новые образцы вооружения.

В 1964 году он поступает в Военную инженерную артиллерийскую академию имени Ф.Э. Дзержинского (ныне – Военная академия РВСН имени Петра Великого). После окончания академии, в 1969 году Сергей Иванович получает направление в Морской командно-измерительный комплекс на должность начальника отделения на научно-исследовательское судно «Академик Сергей Королёв». С этого времени судьба связывает его с одним из самых передовых направлений научно-технического прогресса – освоением космического пространства.

В декабре 1970 года на НИС «Академик Сергей Королёв» был торжественно поднят вымпел Академии наук СССР, и оно было приписано к Черноморскому морскому пароходству.

НИС «Академик Сергей Королёв» для Сергея Ивановича и других членов научной экспедиции стал не только местом службы и работы, но и вторым домом. Быстро освоил специальность обработки телеметрической информации пилотируемых космических кораблей типа «Союз», орбитальных станций «Салют», «Алмаз» и других космических аппаратов. Группа обработки телеметрической информации, возглавляемая С.И. Николаевым, успешно провела работы по стыковке КА «Союз 10», «Союз 11» с орбитальной станцией «Салют-1» и многим другим космическим аппаратам. Позже Сергей Иванович был назначен на должность начальника отделения автоматизированного управления корабельным радиотехническим комплексом. Деловой авторитет по достоинству был оценен руководством экспедиции и Центра.

В 1975 году его назначают возглавить и подготовить к работе группу дешифровки телеметрической информации по программе стыковки космических аппаратов «СОЮЗ-АПОЛЛОН». Отлично завершив работы по стыковке «СОЮЗ-АПОЛЛОН», Сергей Иванович назначается начальником отделения ЭВМ, баллистического обеспечения и автоматизированной обработки телеметрической информации на вновь строящееся судно НИС «Космонавт Павел Беляев». Это был горячий период развития космических средств в интересах обороны, науки и народного хозяйства, напряжённое время для тружеников космоса. Участвуя в организации и проведении научно-исследовательских, опытно-конструкторских работ, принятии в эксплуатацию ЭВМ и программном обеспечении для управления новых космических аппаратов и пилотируемой орбитальной станции «МИР», Сергей Иванович вкладывает в работу все свои знания, творческие способности и умение. Далеко не полное перечисление проектов, в которых он самым активным образом участвовал, даёт представление о напряжённости и продуктивности этого периода.

В 1982 году его приглашают на работу в Центральный научно-исследовательский радиотехнический институт, где он осваивает новое научное направление – автоматизация проектирования электронной и цифровой аппаратуры. Спустя год Сергей Иванович Николаев назначается на должность специального научно-производственного отдела, который требовалось доукомплектовать научными сотрудниками и подготовить их к решению стоящих перед отделом задач. Эти проблемы были успешно решены. В 1985 году С.И. Николаев успешно сдал Госкомиссии НИР, научным руководителем которой он являлся.

Служебная и производственная деятельность автора этой книги отмечена государственными наградами и медалями Федерации космонавтики России.

Выйдя на пенсию, Сергей Иванович активно трудился в Производственном Объединении ВДОАМ, будучи заместителем директора Объединения, позже освобождённым секретарём парткома Объединения, членом Москворецкого РК КПСС.

Составной частью его большой общественной деятельности является членство в Союзе ветеранов Морского Космического флота. В коллективе он пользуется заслуженным авторитетом, с ним приятно работать и общаться. Сейчас, когда открылся новый его талант писателя-мемуариста, мы горячо желаем боевому товарищу больших успехов в творчестве и общественной работе.

В.А. Пятыгин *– полковник в отставке, доктор,*

профессор, член Международной академии информационных технологий, принимал участие в экспедициях на НИС «Академик С. Королёв»

От автора

Первая моя книга «О Морском космическом флоте, о сослуживцах, о себе», изданная в 2007 году тиражом 100 экземпляров, была принята читателями с большим интересом. Их замечания и пожелания убедили меня эту книгу переиздать, существенно переработав и добавив больше информации о людях, причастных к тем событиям.

Рассказать обо всём, что испытал, пережил, будучи участником тех далёких событий, нет необходимости.

При написании книги я не преследовал цели удивить читателя чем-то необычным, тем более представить себя и моих сослуживцев людьми героическими, избранными судьбой для исключительно важного и ответственного дела. Отнюдь нет. Хотелось шире раскрыть одну из страниц истории освоения космического пространства, непосредственными участниками которой были моряки космического флота, с честью выполнившие вдали от Родины, возложенные на них задачи.

В настоящее время в периодической печати, на экранах телевизоров всё больше появляется материалов по ранее закрытым темам, в том числе и о Морском Космическом Флоте. К сожалению, мало рассказывается о моряках этого флота, об их трудной работе, быте и обеспеченности. Офицерский состав, на котором лежала основная тяжесть экспедиционных работ, льгот по службе не имел, жилплощадью не обеспечивался.

В Москве действуют два музея МКФ и его филиалы в Санкт-Петербурге и Одессе. Московские музеи расположены в Культурном центре «Митино» и в школе имени космонавта В. Комарова.

Жизнь быстротечна, особенно на завершающем этапе. Многих из ветеранов МКФ уже нет в живых, не все ныне здравствующие могут посетить музей и ознакомиться с его экспозицией. Прочесть же книгу о МКФ, увидеть фотографии и вспомнить свою молодость доступно каждому.

Перечитывая материалы о Морском космическом флоте, его научно-исследовательских судах, об океанских походах, участники тех событий с волнением вспомнят пройденное и пережитое, ощутят свою причастность к истории России.

Не сомневаюсь, что с нескрываемым интересом прочтут предлагаемую книгу внуки наших ветеранов. И тогда, нежно обняв дедушку, с волнением скажут: «Дедушка, милый, да ты у нас герой. Мы гордимся тобой!» Расстроится дед, незаметно смахнёт упавшую на уставшие руки скупую слезу и, поймав себя

на мысли, что втайне всегда гордился сделанным, сбивающимся от нахлынувших чувств голосом скажет: «Что вы, какой я герой. Таких, как я – тысячи. Героями будете Вы, если возродите Россию и сделаете её вновь могущественной и уважаемой».

Успокоившись, уединится ветеран, откроет шкаф, расправит медали на висящей без дела тужурке и, предавшись теплу чувств от только что пережитых воспоминаний, мысленно поблагодарит всех тех, кто вспомнил и написал, собрал и сохранил всё то, что причастно к истории Морского космического флота.

А я, вложивший хоть немного информации в общую копилку памяти о тех исторических событиях, считаю, что не зря потратил на это время.

Мечте навстречу

Ожидание распределения

Я и мои однокурсники по Военно-инженерной академии им. Дзержинского, защитив дипломы, с надеждой и некоторой настороженностью ждали распределения. В нашей группе обстановка была относительно спокойной. По просочившейся информации мы знали, что специалисты по ЭВМ и программисты, в основном, будут распределены в НИИ-4, ГРУ, ГШ, ГВЦ, ГУКОСа и подмосковный командно-измерительный комплекс. О Морском командно – измерительном комплексе с центром управления в городе Москве информацией мы не располагали. Но скоро всё прояснилось. Неожиданно слушателей нашего отделения, среди которых был и я, пригласили на беседу к начальнику факультета. Беседа проходила индивидуально с каждым. Беседу вел майор И.Н. Поздняков. Илья Никитович представлял морской командно-измерительный комплекс, в состав которого входили научно-исследовательские суда, предназначенные для контроля работы бортовых систем пилотируемых космических кораблей и аппаратов из различных точек Мирового Океана.

Ознакомившись с личным делом, он предложил мне продолжить дальнейшую службу в морском комплексе. Я принял данное предложение. Стать моряком – была моя мечта, и я шёл к её реализации все эти годы. После окончания средней школы закончил в городе Москве годичные курсы судовых радистов. Пройдя практику на рыболовных судах и береговой радиостанции в городе Приморске Ленинградской области, получив диплом радиста второго класса, я понял, что остановиться на достигнутом было бы непростительной ошибкой. Условия работы, в которых я оказался, были, мягко говоря, сносными. Небольшой рыболовецкий совхоз, располагавший пятью траловыми ботами, два из которых еле держались на плаву, редко занимался выловом рыбы. Большую часть времени на этих ботах вывозили с островов заготовленное сено. Подсобное хозяйство позволяло совхозу не только сводить концы с концами, но и обеспечивать своих работников продуктами питания. Поэтому окончательно пришёл к решению, что с рыбацкой экзотикой надо заканчивать и поступать на учёбу в высшее инженерное мореходное училище им. Макарова. Специальность радиста – пусть останется моим хобби.

Однако плану не суждено было сбыться. В ноябре 1955 года я был призван на действительную военную службу. Почти год службы радистом во 2-й гвардейской артиллерийской дивизии, дислоцировавшейся в городе Пушкине Ленинградской области,

затем учёба в военном училище пять лет службы в должности преподавателя в 12-м Учебном Центре войск ПВО страны, учёба в академии им. Дзержинского – и мечта стала былью.

Участие во многих длительных заграничных экспедиционных рейсах, работа по многим космическим кораблям и аппаратам, стоянки в различных иностранных портах, знакомство с жизнью и культурой посещаемых стран сделали мою жизнь интересной и полезной.

Ожидание Приказа Министра Обороны СССР о назначении на новую должность было томительным и в отдельные моменты вызывало чувство беспокойства. Хоть я и дал согласие продолжить службу на научно-исследовательских судах МКФ (морской космический флот), полной уверенности, что Приказом буду назначен именно туда, не было.

На службу приходилось приходить ежедневно, но заняться было нечем. Учебный класс, ставший за годы учебы родным, стал недолгим пристанищем в желанном храме науки.

Сидя частенько на подоконнике раскрытого окна, предавался воспоминаниям о прожитых годах, бежавших то строкой, то четкими кадрами в моем сознании. На улице было нестерпимо жарко. В классе было комфортно. Толстые стены учебного корпуса, построенного в петровское время, надежно сохраняли прохладу. Окна класса выходили в академический дворик, в центре которого был уютный садик. Густая крона старых лип хоть и укрывала от солнечных лучей, но не спасала от духоты. Даже воробьи, купающиеся в лужицах, оставшихся после утреннего полива, выглядели растрепанными и не выражали особой радости от получаемой процедуры.

Дни тянулись мучительно долго. Вспомнил многое… Хочется поделиться воспоминаниями о военных и послевоенных годах, о трудностях, выпавших на долю простых людей, работавших в тылу, особенно о крестьянах, чей изнурительный труд обеспечил продовольствием не только фронт, но и тех, кто в цехах заводов и фабрик, в шахтах, в лабораториях институтов и конструкторских бюро ковали общую победу.

В оккупации

Ноябрь 1941 года был особенно тревожным. Фашистские войска все ближе и ближе подходили к Москве. Заняты города Руза, Калинин, Клин. В прифронтовой полосе оказались Солнечногорск и Дмитров. Ночное небо, подсвечиваемое полыхающими пожарами, все чаще вспарывалось лучами прожекторов, вырывавших в ночном небе немецкие бомбардировщики, рвавшиеся к Москве. Громче и отчетливее слышалась орудийная канонада.

Жители деревни Тимонова, руководимые моим дедом – Киселевым Иваном Филипповичем, бывшим в то время председателем колхоза, прятали в тайниках муку, зерно, соль, сахар, мясо мелкого скота, птицы и многое другое. Крупный рогатый скот колхоза и некоторых селян был эвакуирован с отходом частей Красной Армии. Временно, как председателю колхоза, покинуть деревню пришлось и моему деду. Иван Филиппович прожил трудную жизнь. Двенадцать лет шагал трудными дорогами трёх войн, организовал колхоз и был его первым председателем.

Деревня, словно вымершая, в ночное время погружалась в глухую темноту. Люди боялись зажечь свет, лишний раз протопить печи. Все ожидали неминуемого прихода немцев.

И это случилось. Примерно 20-го ноября первая немецкая разведгруппа на трех танкетках вошла в деревню. В тот день мы гостили у бабушки, дом которой находился в северной части деревни. Маленького брата, которому было чуть больше месяца, мама оставила с дальним родственником – дедом Федором, гостившим у нас и не уехавшим в связи со сложившейся обстановкой.

При возвращении домой в боковом прогоне деревни мы увидели небольшую толпу сельчан, которые возбужденно махали руками, кричали и кому-то кланялись. Некоторые были с иконами. Подойдя чуть ближе, мы увидели немецких солдат. На ломаном русском языке они что-то выясняли, показывая руками в сторону Москвы. Одна из старух, держа в костлявых руках икону и неистово крестясь, не скрывала радости приходу новой власти, надеясь, что она отомстит прежней за доставленные ей унижения и вернет все, что у нее было отнято. Ее можно было понять. Раскулаченная в тридцатые годы, она затаила злобу на советскую власть. Найти себя в новых условиях не могла и не хотела.

Ее семья не была кулацкой. Обычные середняки, которые любили свою землю и умели на ней работать. Им, как и многим в

то суровое время, не повезло. Каток всеобщей коллективизации подмял и сломал их. Затаенная обида как внутренний нарыв душила и озлобляла, изматывала им нервы. Даже врага, топтавшего коваными сапогами священную русскую землю, разорявшего наши города и села, убивающего тысячами ни в чем не повинных стариков, женщин и детей, она приняла с радостью и надеждой, что наконец-то наступит жизнь, о которой мечтала.

Увидев нас, эта старушка торопливо направилась к нам. Ее сморщенное лицо выражало злобу, выпученные глаза горели ненавистью. Угрожающе размахивая клюкой, она вплотную подошла к маме и прошипела:

– Ты, председательская су…… беги отсюда со своим щенком, а то ненароком привяжут к танкам и разорвут как бешеных собак.

Легко понять, что чувствовала мама в этот момент. Боялась не за себя, за меня. Подхватив меня на руки, она ускоренным шагом направилась к дому. Отдышавшись, мама рассказала деду о происшедшем. От слов старухи она долго не могла успокоиться. Насторожился и я, словно повзрослев, хотя мне было всего пять лет. Слова «война и враг» стали для меня не просто звуком, а приобрели конкретный смысл. Война – это горе, голод и смерть. Немец – это враг, который пришел убить нас. Такое осознание вскоре выразилось в моем поступке, который чуть не стоил мне жизни.

Вскоре после появления передового отряда фашисты заняли нашу деревню. Наш дом находился на ее окраине. Дом был небольшим, но чистым и уютным: две комнаты, отдельная кухня с русской печью, веранда и дворовая пристройка, в которой содержались овцы, куры и гуси. Комнаты буквально утопали в кружевах. Мама до войны работала на одной из московских швейных фабрик и занималась машинной вышивкой. Помню, что швейная машина «Singer», подаренная ей на свадьбу, строчила постоянно. Эта машина находится в рабочем состоянии и сейчас.

В нашем доме расположился немецкий штаб. Первое, что они сделали, загнали нас в маленькую комнату. Затем затопили печь, нагрели воды, натаскали в кухню соломы и устроили настоящую баню. Голые, обильно поливая себя водой, они довольно долго мылись, периодически выскакивали на улицу и валялись в снегу. В то же время солдаты, перебив кур и гусей, в большом чугуне, в котором мама варила скотине корм, приготовили на разведенном возле дома костре какую-то еду. Закончив помывку, «квартиранты» устроили в большой комнате ужин. Опьяненные успехами на фронте, подогретые шнапсом, они долго распевали песни и играли на губных гармошках. В какой-то момент один из немецких офицеров, долговязый и рыжий, завалился к нам в

комнату, держа в руках что-то из продуктов. Подойдя к маме, он показал на зыбку, подвешенную к потолку, дал продукты и на ломаном русском языке и сказал:

– Киндер? Матка, кушать много надо.

Мама, испугавшаяся прихода немца, ожидала от него всего, но только не этого. Дед Федор свободно говорил по-немецки. В Первую мировую войну он несколько лет провел в немецком плену, работая на одной из ферм. Подойдя к немцу, он обменялся с ним несколькими фразами. Тот, дружелюбно похлопав его по плечу, неторопливо вышел.

Этот немец был поляком. Очевидно, война ему была чужда. Оказавшись в кровавой мясорубке, он не мог не выполнить приказа, и выполнял его, как подсказывала совесть. Воспоминание о доме, об оставленной семье размягчали его душу. И он, как бы оправдываясь за содеянное, пытался сделать что-то доброе. В удобные моменты передавал маме то колбасу, то сгущенку.

Немцы находились в нашей деревне восемнадцать дней. Но и этого срока хватило, чтобы понять всю трудность и отвратительность положения. Главное – это голод. Запасов продовольствия не было. Выживали, как могли. Дед Федор аккуратно собирал брошенные немцами продукты и остатки пищи. Мама их использовала. Однажды он принес большой кусок мороженой конины. Хоть с отвращением, но мы ее съели. В другой раз он принес целый мешок мороженых яблок. Немцы их выбросили, а нам они были в радость.

Мелкие подачки не растопили во мне вражды к немцам, которую я чувствовал постоянно. Как-то, одев фуражку, офицерский ремень с кобурой, вооружившись детским ружьишком, стрелявшим пистонами, я спрятался в сенях за входной дверью. Весь этот реквизит был оставлен офицером, квартировавшим у нас до прихода немцев. Ждать врага долго не пришлось. В первого вошедшего немца с криком «Ура!», «За Родину!» я выстрелил несколько раз. Ошеломленный неожиданностью происшедшего, немец схватил меня за ноги и готов был разбить об угол дома. Дед Федор, случайно увидевший эту сцену, буквально вырвал меня из его рук. Извинившись и объяснив немцу, что это еще глупый мальчик, за смелый поступок он не должен быть жестоко наказан, а наоборот, заслуживает уважения. Немец, польщенный тем, что русский «Иван» свободно говорит на его родном языке, отпустил меня и даже дал шоколадку.

Первые дни захвата деревни немцы вели себя спокойно. На южной стороне ускоренно сооружали огневые точки.

Чувствовалось, что они готовятся к скорому наступлению. Части Красной Армии, отошедшие на линию Рогачевского шоссе, активных боевых действий не вели. Лишь однажды в деревню ворвался танк, который был подорван немцами, а экипаж расстрелян. Чуть позже в деревне появился эскадрон красноармейцев, очевидно заблудившийся или не знавший реального положения линии фронта. Увидев опасность, уйти он уже не смог. Немцы окружили и расстреляли его, не пожалев лошадей.

В школе немцы развернули полевой госпиталь. Школьный двор, окруженный кустами сирени, еще недавно любовно ухоженный и благоухавший гроздями сирени и россыпью различных цветов, был превращен в скотобойню. Скот сельчан, не эвакуированный с отходом частей Красной Армии, был согнан немцами на школьный двор и забит. Кругом валялись головы, шкуры, конечности и внутренности животных. Стаи голодных собак и ворон, слетевшихся со всей округи, рвали и растаскивали это добро по укромным местам. Большинство яблонь и вишен в саду были вырублены. Ульи, убранные на зимнее время в один из коридоров школы, были частично сожжены, оставшиеся – выброшены на улицу. Учительница Лидия Александровна, интеллигентная женщина, в своё время окончившая институт благородных девиц, была выгнана из школы, её приютили сельчане. Единственной коровой, оставшейся в деревне, была корова моей бабушки. Забрать немец ее не смог, не далась. Но и не застрелил, пожалел ее за красоту и буйный нрав. Действительно корова была хороша, но бодлива. В народе говорят, что бодливой корове Бог рогов не даёт. Ей дал. Да ещё какие! Бабушка нарекла её – «Красоткой». Она соответствовала этому имени. Крутые рога, бело-красный окрас, большое вымя и крупные габариты выделяли ее из всего стада. «Красотка» еще долгие годы преданно служила бабушке, радуя ее хорошими надоями молока.

Зверств немецкие солдаты не проявляли. Не до этого было. Один из стариков преклонных лет, назначенный старостой деревни, к исполнению обязанностей приступить не успел. Деревня 12 декабря была освобождена частями Красной Армии.

О подвиге сельской учительницы

О подвиге молодой учительницы Новаковой Анастасии Федоровны хочется рассказать особо. Ася, как любовно звали её товарищи, преподавала географию в школе рабочей молодежи в городе Солнечногорске. Накануне вероломного нападения гитлеровской Германии на СССР Анастасия Федоровна переехала в деревню Вертлино, где в сельской семилетней школе преподавала немецкий язык и географию. С захватом гитлеровцами Солнечногорска она намеревалась уйти в лес к партизанам. Однако сразу осуществить задуманное ей не удалось. Вскоре в деревню ворвались немцы.

Анастасия Федоровна проживала в доме колхозницы А.Ф. Шароновой. С приходом в село немцев хозяйка дома ушла в соседнюю деревню. Ася в доме осталась одна. Как – то темным поздним вечером в дверь осторожно постучали.

– Кто это, свои или гитлеровцы? – мгновенно мелькнуло у Анастасии Федоровны. Она вышла в сени. Прислушалась. За дверью было тихо.

– Кто? – решительно спросила Ася.

– Откройте. Свои, русские, – … почти шепотом попросил из-за двери молодой мужской голос.

Ася открыла дверь. На крыльце, прижимаясь к стене, стояли три лейтенанта. Впустив их в дом, она спросила:

– Кто вы и чего хотите?

Офицеры просили указать дорогу к нашим войскам в обход фашистских постов. Она согласилась им помочь. В первую очередь, хоть и скудно, но накормила. Затем, разыскав штатскую одежду мужа хозяйки дома, который в то время сражался на фронте против немецких захватчиков, их переодела.

– В таком – то пройти будет безопаснее, – заметила Ася.

Глубокой ночью, выведя лейтенантов за околицу деревни, она указала им дорогу. Расставаясь с Анастасией Федоровной, один из лейтенантов сердечно поблагодарил её и попросил передать партизанам небольшую записку.

– Это будет для них очень ценно! Только имейте в виду – записка больше никому попасть не должна.

Анастасия Федоровна взяла записку и бережно заложила ее за подкладку пальто.

– Потом зашью, – подумала она.

Проводив офицеров взглядом, пока их силуэты не скрылись в темноте зимней ночи, она пошла домой.

– Завтра уйду в лес или в соседнюю свободную от немцев

деревню, а там и найду партизан, – размышляла она, подходя к тёмной избе.

Но намерению Анастасии Федоровны не суждено было сбыться. Шестого декабря 1941 года рано утром к дому Шароновой подъехал грузовик. Выглянув в окно, Ася догадалось, что это немцы. В голове невольно промелькнула мысль: «Изверги. Кто-то видел и предал». И ей припомнилось, что накануне вечером под окнами промелькнула какая-то женская тень.

В сенях уже тяжело топали сапогами немецкие солдаты. С шумом распахнулась дверь. Окружив хрупкую женщину, они направили на нее автоматы. Один из эсэсовцев, цепко схватив Асю за плечо, подтолкнул ее к двери. Ася успела набросить на себя пальто и прикрыть голову платком.

– Шнель! Пошел, – злобно кричал он пропитым и простуженным голосом. Выведя её на улицу и грубо подталкивая дулом автомата, втащил в кузов. Машина направилась в сторону деревни Осипова. Ася знала, что в доме колхозницы Карелиной находится немецкий штаб. Она поняла, что везут её именно туда. Подъехав к штабу, тот же эсэсовец внимательно обыскал ее. Увидев подпоротую подкладку, немец достал оттуда спрятанную записку. Но он, и опомниться не успел, как Ася выхватила у него записку и, разорвав её на мелкие клочья, пустила по ветру. Сильный ветер, подхватив маленькие клочки бумаги, развеял их по глубоким сугробам и кустарникам. Собрать их было уже невозможно.

Избитую, почти теряющую сознание, Анастасию Федоровну втащили в дом. В тускло освещенной комнате за крестьянским столом сидел генерал. На печке, чуть прикрытой занавеской, Ася заметила хозяйку дома Карелину, испуганно смотревшую на нее.

Допрос проходил на немецком языке. Хозяйка дома не поняла, чего требовал от деревенской учительницы генерал. Но в деталях запомнила все, что там происходило.

Генерал кричал, топал ногами, угрожал расправой. Ася стояла спокойно и молчала. Молчала, словно у нее не было языка.

Устав от допроса, молодая женщина с презрением бросила ему по-русски:

– Отвечать не буду. Делайте со мной что хотите!

Фашист не ожидал от молодой женщины такой твердости и стойкости. Рассвирепев окончательно, он крикнул: Вегнемен! («Убрать!»).

Старая колхозница запомнила, как два здоровых эсэсовца, заломив Асе руки за спину, вытолкнули ее на улицу. Больше её она не видела.

Солдаты провели Анастасию Федоровну по деревне. Соседский мальчик Вася Касаткин, оказавшийся в тот момент с двумя сверстниками у избы, видел, как вели мимо них учительницу. Ася узнала их. Обернувшись, она крикнула им:

– Ребята, милые, прощайте!

Немцы вывели Анастасию Федоровну за деревню. Там в низине, заросшей кустарником и молодыми березками, её казнили.

Никто из сельчан не знал, где и как погибла героическая девушка. Зима надежно укрыла ее изувеченное тело белым пушистым снегом и надежно сохранила до весны. И только весной, когда стал подтаивать снег, жительница деревни Осипова Ксения Ивановна Юдина, собирая хворост, обнаружила обнаженное тело изуродованной женщины. Это была Новакова Анастасия Федоровна. Тело Аси представляло кровавое месиво. Грудь была исколота широкими ножевыми штыками, череп проломлен.

Новакову Анастасию Федоровну с почестями похоронили в деревне Вертлино возле школы, в которой она учила деревенских детей. На её могиле лежит мраморная плита, напоминающая людям о героическом подвиге простой сельской учительницы.

Освобождение от фашистов

Двое суток потребовалось нашим войскам, чтобы выбить фашистов из города Солнечногорска и близлежащих деревень.

Ранним утром 11 декабря 1941 года начался мощный артиллерийский обстрел, который продолжался до поздней ночи. Фашисты, оказывая сильное сопротивление, несли большие потери в живой силе и технике. Северная часть деревни полыхала пожарищем. Зловещее пламя перебрасывалось с одного дома на другой. Фашисты методично поджигали дома, освещая тем самым вероятное направление наступления наших войск.

В это время мы прятались в погребе, вырытом в огороде бабушки. В какой-то момент возле погреба разорвался тяжелый снаряд. Посыпалась земля, погас керосиновый фонарь. Боясь прямого попадания снаряда в погреб, пришлось срочно его покинуть. Под свист трассирующих пуль, грохот рвущихся снарядов мы перебежали в дом. Остаться в нем не решились. Соседний дом уже полыхал. Сильный ветер раздувал пламя. Ясно было, что загорится и бабушкин дом.

Собрав необходимые пожитки, запасы продуктов, укутав детей в теплые одеяла, мы с соседями направились в военный городок, надеясь надежно там укрыться. По дороге фашистов видно не было. Очевидно, они ее покинули, поняв бессмысленность сопротивления. Не было их и в военном городке. Подойдя к погребу, расположенному возле церкви, поняли, что он уже переполнен ранее ушедшими из деревни сельчанами. Выхода не было. Потеснившись, кое-как расположились в нем и мы. От большого скопления людей лед в погребе вскоре начал таять, было тяжело дышать, с потолка, по стенам текли струйки воды. Стало ясно, что дальше в погребе оставаться нельзя. День был на исходе. Артиллерийская канонада прекратилась. Изредка слышались автоматные очереди и винтовочные выстрелы.

Покинув погреб, укрывавшиеся в нем люди, направились к поповскому дому. На тот момент он представлял жуткую картину. Повсюду валялись окровавленные бинты, простыни, разорванные одеяла и поломанная мебель. В печах еще тлели угли.

Моя мама решила нас полусонных положить на кровать. Увидев какие-то провода, торчащие из-под матраса, она его откинула. Под ним лежала мина. Немцы, убегая из городка, заминировали поповский дом, в нескольких комнатах заминировали и мебель. Мама немедленно сообщила об этом деду Федору. Дед Федор вместе с другими стариками,

находившимися рядом, осторожно обследовали дом, близлежащие постройки, внимательно осмотрели мебель. Несколько обнаруженных мин обезвредили и вынесли за церковь. Только после этого разрешили сельчанам размешаться. Счастье, что мама увидела провода. Не произойди этого, горя бы не миновать.

Ранним утром следующего дня в городке появились красноармейцы. Они сообщили, что деревня освобождена и можно вернуться к своим домам. Радости не было предела. Двенадцатого декабря был освобожден город Солнечногорск.

Тринадцатого декабря на несколько минут забежал домой мой отец. В то время он служил в авиационном полку, аэродром которого располагался возле деревни Строгино. Позже отец рассказывал, что он увидел на дороге Солнечногорск – Тимоново. Картина была страшной: сотни немецких трупов, большое количество разбитой военной техники валялись по обеим сторонам дороги. Особенно много всего этого было на дамбе. Поспешно отступая, немцы вынуждены были двигаться в район города Солнечногорск по дамбе, насквозь простреливаемой нашими войсками со стороны деревень Загорье и Вертлино. Другого пути для отступления у них не было. С восточной стороны дамбы было еще слабо замерзшее озеро Сенежское, с южной стороны – река Сестра и заболоченная низина. Дамба стала для фашистов дорогой смерти.

Возвратившись в деревню, сельчане увидели удручающую картину… Из шестидесяти домов более десятка были сожжены, многие – изрешечены пулями и частично разрушены прямым попаданием снарядов. Остовы печных труб, обгоревшие деревья, дымившиеся развалины и крики подавленных горем женщин заставляли содрогнуться от осознания нанесенного ущерба. Все живое замерло и попряталось, и лишь голодные собаки, очумевшие от страха, метались от одного дома к другому в поисках пищи.

Возвращение к жизни

Фашисты из деревни выбиты. Возвратился мой дед и приступил к исполнению обязанностей председателя колхоза. Деревня, совсем недавно радовавшая прохожих своей ухоженностью и порядком, была осквернена и частично сожжена. Первое, что надо было сделать, это расселить и накормить погорельцев. Многих приютили родственники, часть поселили в школе, оставшихся расселили в военном городке. Труднее было с продовольствием. Но и эта проблема как-то решалась. Большая часть селян до прихода немцев надёжно спрятала продовольствие, овощи, зерно и многое другое. Такие меры были приняты и колхозом, что помогло не только выжить, но и в первую военную весну частично засеять пашни, посадить овощи и собрать урожай. Трудней было со второй проблемой – трупы погибших красноармейцев и немецких солдат валялись повсюду. Сильных мужских рук не было. Остались четыре старика да несколько подростков. Конюшня была пуста – лошади, угнанные с отступающими нашими войсками, пока не были возвращены.

Немецкое командование не особенно заботилось о захоронении своих погибших солдат. Свидетельством тому было то, что часть их трупов были свалены в наскоро вырытую в центре деревни яму, другие – были разбросаны по всей деревне. Пришлось селянам предать их земле.

Представьте картину: молодые женщины, наши мамы и сестры, еще полные сил бабушки, впрягшись в сани, загруженные трупами, везут их к могилам. Двенадцать погибших красноармейцев похоронили в центре деревни, в братской могиле. Немцев – в силосной яме возле свинарника. Красноармейцы погибли в скоротечном бою за деревню. Не много ли? Много! К сожалению, в начале войны в Красной Армии применялась тактика лобовых атак, используемая в Гражданской войне. Такая тактика в то время была оправданной. Она приносила успех наступающей кавалерии. В войне с фашистами, вооруженными автоматическим оружием, наступающая пехота в лобовых атаках несла большие потери. Эта тактика была запрещена лишь в 1942 году.

На месте захоронения красноармейцев стоит памятник, ежегодно в День Победы к нему приходят участники тех далёких событий, ветераны, местные жители, военнослужащие воинских частей. За братской могилой заботливо ухаживают: установлена ограда, заасфальтированы дорожки, на клумбах до поздней осени цветы. Берёзки, когда-то посаженные вокруг памятника, выросли

и теперь надежно прикрывают могилы от палящих солнечных лучей. Небольшие стайки птиц в тенистых аллеях нежно щебечут и поют только им понятные песни. Здесь царит покой и умиротворение…

Разорение, нанесённое фашистами, не сломало дух и не ослабило воли селян наладить жизнь заново. С чего начать? Естественно – со строительства домов на месте сгоревших. Но нет! Были другие, более важные задачи. Не за горами весна, а там и полевые работы. В ближайшее время власти обещали вернуть колхозный скот. Куда поставить его? Конюшня была частично разрушена. Разорвавшимся снарядом снесена крыша коровника, стойла занесены большим слоем снега. Навалившись всем миром, восстановили и коровник, и конюшню. Помогали все и чем могли. Дед Степан, до войны работавший конюхом и кузнецом в колхозе, вместе с дедом Захаром отремонтировали в конюшне котельную и душевую комнату. Вскоре был возвращён колхозный скот и часть лошадей. Вовремя восстановленный скотный двор помог в ту суровую зиму сохранить животных и облегчить проведение весенне-полевых работ.

Бежали дни, жизнь медленно налаживалась. Открылся небольшой магазинчик, в котором можно было купить хлеб, соль, керосин или взять в долг на неопределённое время. Огорчало одно – стали приходить похоронки. То в одном, то в другом доме слышался плач женщин и детей, скорбящих по потере мужа, отца, сына или брата. Одну из первых похоронок получила моя бабушка. Под Москвой погиб её сын Василий, старший брат моего отца. Перед войной он закончил академию и командовал стрелковой ротой.

Первая военная зима была особенно трудной. При всех тех бедах, свалившихся на плечи людей, требовалось помогать фронту. Эта помощь выражалась в заготовке берёзовых дров и доставке их на железнодорожную станцию. Завизжали пилы и зазвенели топоры в слабых женских руках. Сводились берёзы, распиливались на метровые поленья и вывозились в деревню. Далее подростки, одетые в отцовские тулупы, переправляли их в город. Заготовка дров продолжалась весь год.

Общее горе сплачивало людей. К осени 1942 года на месте сожжённых домов были построены новые. Строили всем колхозом, руками женщин, стариков и подростков. Большую помощь оказывал город. Его предприятия выделяли пиломатериалы, гвозди, скобы и многое другое. Столярный цех металлического завода изготовил двери и рамы.

Деревня Тимоново расположена на высоком холме в пяти километрах от города Солнечногорска. Рядом реки Сестра, Истра

и озеро Сенежское. Сама деревня уникальна не только по расположению, но и по планировке. Когда-то она представляла сборище убогих деревенских лачуг, беспорядочно теснившихся друг к другу. В годы советской власти деревня была построена заново и приняла современный вид. Скотные дворы, амбары были вынесены за черту деревни, вырыты три пруда, в которых разводилась рыба.

Гордостью деревни была школа. Под железной крышей, обитая тёсом, утопающая в кустах сирени и вишен, она напоминала барский дом. Удивительно, что фашисты её не уничтожили, не разграбили, а лишь только осквернили.

Школа долгие годы оставалась культурным центром, источником знаний для многих поколений деревенской молодёжи. В этом огромная заслуга её первой учительницы Ярцевой Лидии Александровны. Она до преклонного возраста передавала свои знания крестьянским детям.

Местоположение деревни наложило определённый отпечаток на жизнь и быт её жителей. Окрестности города Солнечногорска очень живописны. Здесь расположено множество санаториев и домов отдыха. Озеро Сенежское и огромные лесные массивы издавна привлекали сюда москвичей. В районе Солнечногорска бывали и жили известные деятели русской культуры и искусства: А.М. Горький, поэты А.М. Майков и А. Блок, историк 18-го века В.Н. Татищев. В селе Тимоново в 1898 году жил художник И.И. Левитан. В своём письме к А.П. Чехову он писал: «Вернулся из-за границы и тотчас же приехал в деревню. Живу я здесь в великолепном месте: на берегу очень высоком громадного озера, кругом леса, а в озере кишит рыба, даже бывают крокодилы (это для тебя, я думаю, заманчиво). Предлагаю приехать сюда ко мне погостить. Все удобства обещаю. Привези удочки и лови себе на доброе здоровье всякую рыбину».

Перезахоронение, дер. Тимоново 4 мая 2009 г.

Озеро Сенежское

Озеро Сенежское – водоём искусственный. Когда-то это было болотистое место, расположенное в ложбине равнины клинско-

дмитровской гряды. Протекающие вблизи озера полноводные тогда реки натолкнули на мысль соединить реки Москву и Волга. В 1825–1844 годах этот замысел пытались реализовать, но осуществить проект не удалось. Тогда был сооружён канал и ряд шлюзов, а также построена плотина-дамба у северо-западного берега озера, преградившая путь реке Сестре. Так образовалось озеро Сенежское. Позже на дамбе построили небольшую гидроэлектростанцию, которая снабжала электроэнергией город Солнечногорск и близлежащие деревни. В 70-е годы 20-го столетия выше по течению реки Сестры соорудили вторую плотину, образовавшую второе озеро. Ныне оно является частной собственностью. Платная рыбалка, организованная на нём, простому труженику и заслуженному пенсионеру недоступна.

Вот так! Наши предки, ценой жизни ради лучшего будущего уничтожили царизм, победили в Великой Отечественной Войне, из пепла возродили многострадальную Россию и вновь сделали её великой, как вдруг в лихие 90-е кучка хапуг и выскочек, молчавших до поры и времени, довели ЕЁ до состояния, когда те, кто создавал её могущество, оказались за чертой бедности.

Берег озера Сенежское планомерно захватывается. Вернее, давно захвачен. Просто владельцы ждут удобного времени, чтобы выгодно реализовать эти дорогие земли. В «Доме творчества художников» людей с мольбертами давно уже не видно. Зато плакат с сексуальной русалкой открыто призывает посетить сомнительное учреждение. И что? Соответствующие органы об этом не знают? Знают! Почему мер не принимают – понятно. Рядом с «Домом творчества» за высокими заборами стоят элитные коттеджи, вплотную подходящие к воде. Не простой передовик труда построил такой барский дом. Не он соорудил пристань, нагло нарушив закон об охране природных водоёмов и запрете строительства любых объектов в непосредственной близости к ним. Однако кто-то строил и продолжает строить, не обращая внимания на недовольство простых людей. Чего ждут? Революции? Она будет, если эта вакханалия будет продолжаться.

Дом творчества художников превращён в увеселительную ночлежку. Большие прибрежные полосы земли занимают Водоканал и сомнительно действующий Рыбхоз. Понятно, что эти земли выкуплены и ждут благоприятного момента для продажи.

Два пляжа в купальный сезон не могут вместить всех желающих. Первый, расположенный у городского парка, минимально обустроен. Имеется автостоянка, лодочная станция, спортивные площадки. Но место для пляжа выбрано неудачно. Мелководье, застойная вода непонятного цвета и отвратительного запаха отпугивают многих отдыхающих. Второй пляж –

полудикий. Ни туалетов, ни автостоянки. В летний период подсыпается речной песок, вручную очищается акватория пляжа от зарослей. Предусмотрительно установлены таблички «Купаться запрещается». Вот и всё. Можно было сделать больше, но не делается. Не работает Рыбхоз. Явно, что земля, занимаемая им, кем-то выкуплена. Лакомый кусок, протяжённостью свыше четырёхсот метров. Раньше Рыбхоз процветал. В любое время года не пустовали домики для рыбаков. К услугам желающих было достаточное количество лодок и рыболовных принадлежностей.

…Начальная школа, расположенная в деревне, давала ученикам не только знания, но и воспитывала их, приучала к труду. В трудные военные годы многих приютила, обогрела и накормила. Возглавляла школу Лидия Александровна Ярцева. Кроме неё работали молодая учительница и техничка, которая убирала помещения школы, топила печи и готовила обеды. Колхоз выделял школе продукты: молоко, мясо, зерно и овощи. Многие семьи колхозников в то время нуждались в материальной помощи. Эта помощь приходила не только от колхоза, но и от добрых людей.

Очередной звонок – и вот она долгожданная большая перемена. Сорвавшись с места, толкая и опережая рядом бегущих, возбуждённые мальчишки и девчонки бежали к большому обеденному столу. Тарелки, наполненные только что сваренным супом или щами, куски свежевыпеченного хлеба ещё больше возбуждали аппетит. Наконец рассевшись, приступали к еде. И только стук ложек, да характерные звуки поглощаемой пищи нарушали временную тишину.

Четыре года учёбы в начальной школе пролетели быстро. Наступил новый, наиболее трудный этап в жизни тех, кто смог продолжить учёбу дальше. Многие такой возможности не имели. Получив начальное образование, вынуждены были помогать родителям и работать в колхозе.

В пятый – седьмой классы приходилось ходить за четыре километра в соседнюю деревню. Прямого сообщения с этой деревней не было. Тропинка пролегала по полям и небольшому смешанному лесу.

Вот Я – «мужичок с ноготок» упорно пробираюсь вместе с моими сверстниками в школу, которая находилась в соседней деревне. Ни четыре километра бездорожья, заболоченная низина, раскисавшая в весеннюю распутицу и осеннюю непогоду, зимняя стужа и метели, пронизывающие ветхую одежку, не могли остановить нас в стремлении к знаниям. Учеба давалась мне легко. Окончив семилетку с отличием, я был рекомендован на учебу в среднюю школу. Ближайшая средняя школа была только в

городе Солнечногорске, что в семи километрах от деревни. Ходить в школу приходилось одному. Транспорта не было. Деревенские сверстники, получив начальное или семилетнее образование, оставались работать на селе. Немногим удавалось закончить ПТУ. В те годы молодежь из деревни не отпускали. Не хватало рабочих рук. Трудности, пережитые за время учебы в семилетней школе, притупились или вовсе стерлись в памяти. Остались яркие воспоминания, особенно шалости, присущие тому возрасту.

Зима. Иногда решали в школу не ходить. Трудно было уговорить на это девчонок, но мы шли на хитрость. Выйдя из дома чуть раньше и добравшись до леса, прятались в кустах. Предрассветная темнота надежно укрывала нас. Увидев, что девчонки подходят к лесу, зажигали фитильки и, изображая волков, негромко воя, перебегали от одного куста к другому. На девочек это действовало устрашающе: постоят, посоветуются, но дальше идти боятся. Конечно, они понимали, что идти на занятия смысла уже нет, а вернуться же домой так рано, они не решались, так как родители могли заподозрить в обмане. Раскрыв нашу хитрость, девчонки решили присоединиться к нам, их желание было принято нами с радостью.

Укрывшись в еловой чаще от пурги и пронизывающего ветра, мы разжигали костер и запекали картофель. Сало и приготовленные на обед бутерброды, пышущий жаром картофель с большим аппетитом съедались. Отдохнув и повеселившись, неохотно возвращались домой.

Были и другие поступки, связанные с прогулами. Вот один из них. Глубокая осень. В ночные часы случались заморозки, сковывая мелкие водоемы и протоки тонким льдом. Домашние гуси, привыкшие летом плавать в них, не покидали их и в холодные дни, свободно плавали в полыньях, вылавливая мелкую рыбешку. Зная об этом, мы пользовались случаем и удовлетворяли спящую в нас страсть к охоте и добыче пищи. Увидев отбившийся от дома выводок, вылавливали одного из гусей и удалялись в лес. Приготовить фаршированного яблоками гуся мы умели. Этому научили нас старшие товарищи.

Рецепт прост. Подготовленная тушка гуся натирается солью, шпигуется яблоками и тушится на специальном кострище (это ямка в земле, которая выкладывается опавшими листьями). В эту ямку закладывается тушка гуся и очищенный и слега посоленный картофель. Сверху все это укрывается листьями и небольшим слоем земли. Затем над этой искусственной духовкой разводится костер. Два часа ожидания – и кулинарный шедевр готов.

Рассевшись вокруг собранных в кучу догоравших углей,

приступали к нехитрой трапезе. Дымящиеся куски мяса, яблоки и тушеный картофель приятным ароматом возбуждали аппетит. Кипяток с заваренными листьями черной смородины или малины с мятой, разлитый в солдатские кружки, приятно обжигал губы и согревал ладони. Кто-то выкладывал краюху свежеиспеченного пшеничного хлеба. Коля Рига доставал баночку меда. Под смех и веселые шутки незаметно опустошался нехитро сервированный стол. Помню, что все было необыкновенно вкусным. Очевидно, что свежий воздух, аромат хвойного леса и слегка уловимый запах дыма от тлевшего костра усиливали это ощущение. Даже пугливые синички, слетевшиеся к кострищу, нежно попискивая, терпеливо ожидали угощения. Иногда мышка-полевка, напуганная громкими голосами и треском ломаемых веток, осторожно выглядывала из-под валежника. Убедившись, что ей никто не угрожает, незаметно возвращалась к своей норке. И только дятел, увлеченный своей работой, не обращая на нас внимания, терпеливо стучал по стволу высохшего дерева, добывая себе корм.

Отдохнувшие и посвежевшие, мы охотно возвращались домой в маленькие и слабо освещенные керосиновыми лампами комнаты, к желанному деревенскому уюту и теплу протопленных печей, где пахло свежеиспеченными пирогами и парным молоком, где одинокий фикус царствовал в окружении простой мебели.

Заметных воспоминаний об учёбе в средней школе нет. Обучение было платным. Ученики, проживавшие в сельской местности, обязаны были представить справку о заработанных в летние каникулы не менее чем тридцати трудоднях. Успехами в учёбе похвастаться не мог. Времени на выполнение домашних заданий почти не было. Учился во вторую смену. Домой возвращался в 7–8 часов вечера. Семь километров до школы, семь обратно. Транспорта не было. Приходилось добираться своим ходом. Придя домой, не до уроков было. Приходилось чем-то помогать маме: натаскать воды, надёргать из стога сена, принести дров.

Обычно плохие воспоминания в памяти с годами стираются. Но что-то остается. Остались воспоминания об унижениях, которые я испытывал в те годы. Не школа их порождала, а отдельные люди, окружавшие меня. Иногда я чувствовал себя изгоем, хотел бросить учёбу и уйти работать на завод. Я проклинал, что родился в деревне, что живу в ней и испытываю постоянное недоедание и обездоленность. Завидовал одноклассникам, живущим недалеко от школы, которым не надо было заготавливать сено для прожорливой скотины, носить воду и многое другое. Меня тошнило от запаха бутербродов,

заполнявшего класс во время большой перемены. Как назло эти розовощёкие девицы и ухоженные юноши именно в большую перемену демонстрировали свои припасы, со смаком уничтожая их. В такие минуты я со своим другом, с которым сидел за одной партой в семилетней школе, уходили подальше от этой пресыщенной толпы, доставали кусок солёного сала, чёрный хлеб, солёные огурцы и наслаждались этой трапезой.

В трёхстах метрах от моего дома, на живописном берегу озера располагалась воинская часть. До войны там был летний лагерь военного училища им. Верховного Совета. В городке были зимний и летний кинотеатры, стадион. Деревенские жители этим достоянием пользоваться не могли. Городок надёжно охранялся. Только от кого и зачем? Прожекторная часть, основной задачей которой было участие в салютах, не была засекреченным объектом. Нужды офицерские семьи не испытывали. Жили в финских домиках на две семьи. Детей школьного возраста было чуть больше десяти человек. Все они учились в городских школах. Грузовой автомобиль, крытый брезентом и оборудованный лавками, служил автобусом для перевозки школьников. Мне это счастье было недоступно. Не подвозили до города, ссылаясь на перегруженность транспорта. Обидно было до слёз. Но почему так, кто распорядился, кто проявил равнодушие и подлость, запрещая подвести до школы всего лишь ещё одного человека? Почему никто не возмутился, не настоял на том, чтобы подвозили и меня. А в кузове были и взрослые, матери тех же учеников.

Я понимал, что я человек не их круга. Да и сам себя я стеснялся. Одет был плохо: пальтишка не было, носил офицерскую шинель и китель, хромовые сапоги сшил деревенский сапожник дядя Вася Конев. Рубашки, брюки мама шила сама. Материал был: те же офицерские жёны выменивали его на молоко, мясо и яйца. Дарами деревни они пользовались сполна, но сельчан в магазин к себе не пускали.

Ходить в школу в такой форме было стыдно. Со временем привык и перестал обращать внимания на косые взгляды. Мне шёл шестнадцатый год. Одноклассницы внимания на меня не обращали. В классе были другие ребята, хорошо одетые и в меру раскрепощённые. В деревне я был своим. Хорошо играл на тульской гармошке. Мне купил её отец, когда вернулся с фронта. Сам он играл на ней легко и красиво. В доме у нас был граммофон, купленный ещё до войны. Мама надёжно сохранила его и большое количество пластинок. Музыкой мы не были обделены. Она звучала постоянно. Отец особенно любил песни в исполнении Лидии Руслановой. С особой и непонятной мне грустью он слушал песню «Заиграли, загудели провода…». Часто

вспоминая о войне, он говорил, что песни Лидии Руслановой помогали им выжить. Жаль, что тогда я не записал его рассказы. Сколько было в них правды о той войне, о тех жертвах, которые порой были напрасны. С какой любовью отец рассказывал о Василии Сталине, о его скромности и простоте в общении с простыми солдатами, о его боевых сражениях. Долго об этом умалчивалось и стало известным только в настоящее время.

Закончилась учёба в школе, а на выпускной вечер мне нечего было надеть. Не в кителе же! Мама нашла выход. У кого-то позаимствовала костюм. Хоть и великоват был, но выбора не было. С болью смотрю на выпускное фото нашего класса. Скромно, как-то смущённо стою в верхнем ряду. Костюмчик явно не для моего плеча. Смотрю в сторону, то ли ища кого-то или сторонясь чьего-то пытливого взгляда.

С брезгливостью вспоминаю учителя физики – Тимофея Кузьмича. На выпускном экзамене он поставил мне «тройку», сказав во всеуслышание: «Родители твои колхозники и тебе быть колхозником». Жестоко обидели меня эти слова. Но я сдержался, не ответил, но затаил обиду. Что унизительного быть колхозником? Благодаря труженикам села, обделённым в те годы во всём, была накормлена Страна и обеспечена Великая Победа.

Мой отец был рабочим человеком. До войны работал в ЦАГИ механиком по авиационным двигателям. С первых дней войны и до её окончания служил в авиационном полку под командованием Василия Сталина. Награждён боевыми орденами «Великая Отечественная Война» 1-й и 2-й степеней, медалью «За Отвагу» и многими другими медалями.

Моя мама до войны работала швеёй на фабрике «Большевичка». С началом войны переехала жить к своей маме в деревню Тимоново. В деревне было легче прожить (в то время у мамы был я и годовалый брат). Не знал Тимофей Кузьмич, что моя мама, хрупкая и милая женщина, в 32 года вынуждена была работать дояркой. Не снят был в то время кинофильм «Председатель». Посмотреть бы Тимофею Кузьмичу тот фильм, понял бы, каким тяжёлым был почти неоплачиваемый труд крестьянина, не бросил бы тех слов в мой адрес. Да Бог с ним, Тимофеем Кузьмичом!

После окончания средней школы я поступил учиться на годичные курсы судовых радистов. Эти курсы готовили специалистов на суда торгового и рыболовного флота СССР. По окончании курсов, я был направлен на работу в рыболовный совхоз, в городе Приморске Ленинградской области. Работал радистом недолго. В ноябре 1955 года был призван в армию.

К новой жизни

Начало 90-х. Конец застоя. Жить так, как жили раньше, «низы» не хотели, «верхи» же не могли вывести страну из тупика и обеспечить народу достойную жизнь уже сегодня, а не завтра или в недалеком будущем.

Унизительно так жить народу – победителю, спасшему мир от фашизма, в бедности и ограниченному во многих конституционных правах. Богатейшая страна, а народ жил за железным занавесом и питался догмами ложной политической пропаганды о превосходстве социализма и неизбежной гибели капиталистической системы. Жизнь опровергла эти лозунги. Последние десятилетия показали, что капитализм развивался, принимал все новые и новые формы, совершенствовал демократические и правовые основы государственного устройства, межгосударственных отношений. Социализм же во многом себя исчерпал. Страна жила, добивалась определенных результатов, была привлекательна для многих слаборазвитых стран. Мы гордились достижениями в космосе, бесплатным обучением и медицинским обслуживанием, бесплатно представляемым жильем. Не все было плохо. Было много хорошего и доступного простому человеку.

Шли годы, но обещанных перемен не было. Пустели прилавки магазинов. Были деньги, но нечего было купить. Любой высокооплачиваемый товар становился дефицитом. Армия простых тружеников, выстаивая длинные очереди в магазинах и переплачивая спекулянтам за дефицит, вынуждена была покупать его – с рук можно было достать все. Даже, как говорили в Одессе, атомную бомбу. Не до балета было тогда! Балет был, хоть и не лучший в мире, но и он доступен был не всем. О какой доступности балета могла идти речь, если огромные территории Сибири, Крайнего севера, Дальнего Востока не были электрифицированы, не было телевидения и радиосвязи. О неотложной медицинской помощи люди могли только мечтать. Народ работал и не роптал, не устраивал пикетов и забастовок, принимал активное участие в выборах, верил, что обновленная власть повернется к нему лицом и на деле станет народной.

Пока же все было по-прежнему: новые пятилетки, новые почины и призывы «догнать и перегнать». Но не догоняли и не перегоняли. Застой проникал во все стороны жизни общества, душил инициативу и обрекал народ на жалкое существование. Почему в стране, богатой лесом, газом, нефтью и другими полезными ископаемыми, простой селянин не мог приобрести

досок, гвоздей и других строительных материалов, необходимых для ремонта полусгнивших домов и дворовых построек? Почему строитель коммунизма не мог позволить себе хотя бы дешевенький автомобиль, а мог лишь рассчитывать на велосипед или на инвалидную коляску? Почему автомобильная промышленность не обеспечила своих же граждан простыми и дешевыми автомобилями? А если счастливчик и приобретал долгожданного «коня», то обрекал себя на поиск бензина, запчастей. И это в стране, располагающей богатейшими запасами нефти и газа. Где власть, где ее обещания? Власть была, но интересы были разными. Власть – для себя, народ сам по себе. Вот и дожили, что не коммунизм, а реальный капитализм уже шагал по нашей земле и все глубже проникал в сознание людей.

Вспоминаю случай, потрясший меня безразличным отношением колхозной власти к положению своих сельчан, возродивших колхоз из послевоенной разрухи и отдавших все силы на становление его в послевоенные годы. Это было в конце 90-х годов. Мои родители проживали в деревне Тимоново Солнечногорского района Московской области. Как-то приехав в отпуск к родителям, я обнаружил, что наш домик, построенный еще в 1920 году, заметно покосился, что не только крыше, но и всему дому требовался капитальный ремонт. Отец – ветеран войны, мать, работавшая в колхозе с малых лет и до пенсионного возраста, сказали мне, что обращались к руководству колхоза за помощью, но получили отказ. Самим же сделать ремонт было не подсилу. Я же, служивший в то время в Вооруженных Силах СССР, помочь родителям по известным причинам не мог.

Решили вновь обратиться в колхоз за помощью. Написали заявление, обосновав необходимость такой помощи. Заявление было рассмотрено на заседании правления колхоза. На правление пришлось привести мать и отца, к тому времени тяжело болевшего. Родители просили выделить им 16 шестиметровых бревен и оказать помощь в покупке материалов для крыши. В помощи формально отказано не было. Было простое издевательство: деревья предложили самостоятельно спилить и вывести из леса, находящегося в 20-ти километрах от нашей деревни. Путей подъезда не было. Конечно, от такой помощи родители вынуждены были отказаться. В то же время рядом с правлением колхоза находилась пилорама, заваленная штабелями строевой древесины и готовых пиломатериалов. Видя и зная об этом, отец не стал унижаться и просить у председателя помощи. Морально убитый и раздраженный несправедливостью, он тяжело поднялся и неуверенно вышел. Помню его слова: «Сергей, не теряй напрасно время, ничего не добьемся, они

"заелись" и нас – стариков принимают за отживающий материал». Обидно было, что члены правления, сами хлебнувшие трудностей сельской жизни, не помогли ветеранам, своим же односельчанам.

Не привыкли старики просить и добиваться желаемого. Хоть и нищими, но гордыми были. Много лет позже дом был отремонтирован. Жаль, что отец и мать этого не увидели. Колхоз был преобразован в совхоз и получил название «Солнечный». Его бессменный директор, немец по национальности, в крутые 90-е годы был убит. Недолго проработал директором совхоза «Солнечный» и его сын, погибший при невыясненных обстоятельствах.

Конец 90-х. Общество приходит в движение за действительно демократические отношения и справедливость в распределении предоставляемых государством благ, за мирную передачу власти. Власть должна служить народу, а не народ обслуживать власть. Момент настал. Классический марксистский тезис «низы не хотят, а верхи не могут» сработал. Революция, которую нерешительные власти упорно стеснялись признать свершившимся фактом, произошла. Но не было ни разработанной теории, ни обоснованных и проверенных на практике других стран принципов перехода к капиталистическим отношениям. К новой власти пришли крикуны-экономисты, шустрые юристы, преподаватели-философы, лаборанты из Госплана СССР и многие другие, не имевшие ранее никакого отношения ни к власти, тем более к политическому и хозяйственному управлению мощными государственными структурами, но готовыми отхватить лакомый кусок в царившем в стране хаосе и неразберихе в перераспределении госсобственности.

Началась глобальная приватизация, названная народом «прихватизацией». За бесценок распродавались государственные заводы и фабрики, стадионы и шахты, гостиницы и большинство культурных объектов. Обещанная властью владельцам ваучеров скорая и весомая прибыль, достойное жилье и другие блага жизни, осталась пустым обещанием. Общество расслоилось на кучку богатых и массу обнищавших и обездоленных. Тысячи ученых, инженеров, квалифицированных специалистов, рабочих были выброшены на улицы.

В труднейшем положении оказались сельские жители, пенсионеры. Происходило массовое разорение и уничтожение совхозов и колхозов, не остановившееся и по настоящее время. Деградировала и распадалась армия. Народ вынужден был искать средства для выживания. Сформировалась новая социальная прослойка – «челноки». Как грибы после дождя возникали стихийные рынки. Торговые палатки, наскоро сколоченные

навесы изуродовали улицы городов и поселков. Толпы наших граждан, здоровых и инициативных, зачастую с высшим образованием и научными степенями, превратились в торгашей и колесили по дорогам нашей необъятной страны, предлагая по доступным ценам товары, привезенные из Китая, Турции, Вьетнама и других стран, еще недавно задавленных собственными проблемами. Трудно и опасно было заниматься бизнесом. Царили бандитский «беспредел» и чиновничьи поборы. Власть не могла навести порядок в стране и защитить своих граждан. Добиться справедливости было невозможно.

Бедное крестьянство! Получив при советской власти земельные наделы в вечное пользование, они годами не могли бесплатно переоформить ее в свою собственность. Везде надо было платить: администрации, земельному комитету, регистрационной палате и адвокатам. С поборами столкнулся и я, оформляя наследство на землю и недвижимость. Печально, но вынужден был и я заплатить за мои же мытарства и бесконечную беготню по кабинетам чиновников свыше 150 тысяч рублей. Не заплатил бы, не дожил бы до решения этого вопроса.

Надо отдать должное «челнокам». Именно они, а не государство, одели, обули и прокормили население нашей страны, не дали многим морально и физически опуститься, пополнить армию нищих и бомжей. Именно они стали прообразом современных и честных бизнесменов, которые пытаются вывести страну из тупика.

О сельских тружениках хочу сказать особо. Во многих краях и областях страны крестьянство исчезло как класс. Старое поколение сельчан вымерло или доживало свои не лучшие годы. Сельская молодежь покидала родимый кров и уходила на поиск лучшей жизни. Тысячи деревень, все ещё значащихся на картах России, фактически были заброшены или постепенно вымирали. Большинство колхозов и совхозов, совсем еще недавно кормивших всю страну, перестали существовать. Проезжая по подмосковным землям или землям других районов России, видишь одну и ту же картину – кругом запустенье, безысходность. Ни хлебных нив, радующих глаз и волнующихся при легком дуновении ветерка, ни пасущихся на обширных лугах коров… Фермы заброшены, сельскохозяйственная техника разбита и валяется под открытым небом, словно фашистская техника, уничтоженная в битве под Москвой. Вокруг лишь коттеджи вычурной архитектуры, поглотившие пахотные крестьянские земли и жалкие деревеньки, задыхающиеся в окружении белокаменных дворцов, построенных на деньги (вряд ли заработанные честным путем?)

Кто распродал совхозные земли, кто разрешил капитальное строительство на них? С чьего позволения было уничтожено сельское хозяйство? Что, не было закона, запрещающего распродажу сельхозугодий под частную застройку? Был закон, да обходили его, не боясь последствий и юридической ответственности. Да и чего бояться, если сами власти активно участвовали в этом процессе. Где были прокуратура и независимые суды? Почему не прекратили царящий в государстве беспорядок? Не могли, власти не хватало? Могли, власти было предостаточно. Желание было другим. Слишком открытой была государственная кормушка и велик соблазн легкого обогащения. Воровали многие и по-разному. Тащили все, что можно было утащить или присвоить. Наживались и тратили так, что даже воротилы капитализма удивлялись разгулу воровства и взяточничества в России.

И вот эта «жадная толпа, стоящая у трона», сколотив огромные состояния, бросилась за рубеж скупать все, что представляло интерес. Приобретали виллы, яхты, земельные участки, оставляя миллиардные вклады в зарубежных банках. Общество разделилось на два лагеря: с одной стороны – богатая кучка соотечественников, алчных до наживы и развлечений, с другой – простой народ, доведенный до отчаяния и не верящий в лучшее будущее.

В качестве примера приведу совхоз «Солнечный». Не миллионер, но в советские годы был успешным хозяйством, сдававшим государству все, что рожала подмосковная земля. Было мощным и прибыльным мясомолочное производство. В настоящее время этого совхоза фактически нет. Деревни остались, но их почти не видно из-за высоких заборов коттеджей, построенных на их же землях. Деревня Тимоново, расположенная вблизи озера Сенежское, одна из красивейших деревень Подмосковья, ныне переведена в разряд поселка городского типа. Что дало это селянам? Ничего! Как не было дорог, телефона, так и нет. Жители деревни вынуждены были продать часть своих земельных участков, чтобы как-то поправить свое материальное положение. Газ и тот подвели за собственные деньги. Питьевой воды – и той нет. Кто – то пробурил скважины, но их единицы. Остальные жители берут воду из скважины, когда-то пробуренной совхозом для животноводческой фермы. Единственный колодец, которым многие годы пользовались сельчане, в настоящее время обвалился.

Вспоминаю одну из встреч, которая произошла в один из зимних дней 2010 года. Я возвращался от друзей, которые жили на противоположной стороне деревни. Погода была скверной:

сильный мороз, пронизывающий ветер. Единственная дорога, проходящая вдоль одного ряда домов, была занесена снегом. К другим домам дороги не было вообще. Смотрю, какая-то пожилая женщина, опираясь на клюку и сгорбившись почти до самой земли, тяжело несла пятилитровую бутыль с водой. Подойдя к ней, я узнал эту женщину – то была Мария Сергеевна, бывшая подруга моей мамы, также отдавшая совхозу лучшие свои годы. Поинтересовавшись ее здоровьем, я спросил: «Не святую ли водичку несёте, Мария Сергеевна? – Да нет, Сережа. Водичка простая, с колонки. Да добираться до неё тяжело стало. Годы-то ушли, мне уже 84! А дорога – сам видишь, какая? Не дай бог, упаду! Заметет, никто не схватится, не увидит и не поднимет. Живу я одна. Сын обещал и что-то не приехал. Видно работы много. А так-то, когда приезжают сыновья, и продуктов привезут, и воды принесут. Не жалуюсь, не обижена, не забыта. Что касается воды, и в этом проблемы большой нет. Мы же привычные. Помню, как в военные годы вместе с твоей мамой сорок коров водой поили, да три раза в сутки. С кормом было плохо, приходилось водой подпаивать. Разрубим лунку на пруду, поставим две бочки на санки и вперед, в любую погоду. Сильными мы были. И впрямь, любую лошадь могли наскоку остановить. Так что, Сережа, и сейчас не пропаду. Снега-то много вокруг. Растоплю и пользуюсь».

Что-то ёкнуло у меня в груди, надорвалось и отозвалось болью. Представил, что на месте Марии Сергеевны могла быть и моя мама. Мария Сергеевна рано осталась без мужа. С фронта он вернулся инвалидом, без одной ноги. Для деревенского жителя это было катастрофой. Прожил он недолго. Вскоре, то ли от ран, то ли от трудности своего положения и тоски по крестьянскому труду, он умер. Детей Мария Сергеевна воспитывала одна. К счастью, выросли порядочными людьми, получили образование и хорошие специальности.

Позже я узнал, что Мария Сергеевна в один из зимних дней поскользнулась, упала на проклятой «дороге» и сломала ногу. Скорая помощь к её дому подъехать не смогла. Врач сделал ей обезболивающий укол, наложил тугую повязку и уехал, отказав в госпитализации. Ради успокоения сообщил, что утром придет участковый врач. Врач не пришел ни утром, ни вечером, ни в последующие дни. Пришлось детям и соседке заниматься ее лечением.

Городской власти до сельчан дела нет. Почему эта деревня, чьи пахотные земли были распроданы властью под индивидуальное строительство, ничего не выделила из полученных средств на прокладку в этом «поселке городского

типа» хотя бы грунтовой дороги, установке двух-трех водопроводных колонок? Скважину бурить не надо. Она есть. Требуется лишь заменить насос. Хочется верить, что действующая районная власть решит эти вопросы. Что касается предыдущей власти, то мягко говоря – не справилась. Конкретнее – проворовалась и разбогатела. Время было такое. Кого-то освобождали от должностей или переводили на другую работу, но не сажали и не отбирали награбленное.

Администрация района успела продать «Дом творчества художников» то ли армянину, то ли азербайджанцу, поскольку – её интересовала прибыль, которую могла принести эта собственность. И она её получает, сдавая помещения новым купчишкам и любителям сомнительных развлечений. Продан был и рыбхоз, который вскоре как рыбхоз был ликвидирован. Земля же, принадлежавшая рыбхозу, обнесена капитальным забором. Пройдет немного времени и на этой элитной земле будут возведены коттеджи, как были построены таковые рядом со домом творчества художников, владельцами которых являются якобы чиновники администрации района. Не сомневаюсь, что со временем простой гражданин не сможет ни искупаться, ни порыбачить на озере. Уже сейчас 2/3 его береговой черты занимают воинские части, расквартированные в этом районе. Часть побережья является территорией завода. По западной стороне озера на 500 метров протянулась дамба, окаймленная бетонными плитами. Огромное озеро, а подойти к нему, отдохнуть и полюбоваться прекрасными пейзажами простому туристу и местному жителю почти негде. Два пляжа, расположенных в заболоченных частях озера, не могут принять всех отдыхающих. В разгар купального сезона вода в них грязная и пахнет отвратительно.

Куда податься молодежи? Ни библиотеки, ни клуба! При советской власти они были и действовали. Ныне бывший клуб перестроен, надстроен, обнесен высоким забором и напоминает барскую усадьбу. Кто там живет, неизвестно? Одинокий пес волчьей породы тоскливо сидит у ворот, ожидая хозяина. Лишь иногда по вечерам пахнет дымком от мангала да будят ночную тишину полупьяные крики гуляющей молодежи. Местных сельчан вечером в деревне не встретишь. Прячутся в своих покосившихся домиках, уткнувшись в телевизоры. Попивают чаек, заваренный на листьях черной смородины, восторгаются жизнью героев мыльных сериалов и проклинают свою жизнь, не оцененную и не обеспеченную по достоинству. К ночи деревня почти замирает. Лишь толпы наемных рабочих, униженных работодателями, возвращаются к своим ночлежкам, сопровождаемые истошным

лаем своры собак. Даже птицы и те покинули деревню. Нет ни ласточек, ни стрижей, совсем недавно стаями рассекавших вечернее небо. Лишь ворон-одиночка, опустившись на ветку погибающего дуба, надрывно каркнет, то ли возмущаясь увиденным, то ли безнадежно зовя свою подругу. Вековой дуб повидал за свою жизнь многое: войну, разруху, становление колхоза, непосильный труд селян. Под его кроной в теплые летние вечера девчонки водили хороводы, пели простые, но близкие сердцу песни. Заиграет парнишка-гармонист на тульской гармошке вальс, закружатся девчонки, кокетливо подмигивая ребятам. А они, хорохорясь, горделиво пригласят на танец свою единственную и несравненную. Все было просто, мило и спокойно: ни брани, ни спиртного, ни хулиганства.

Напляшется, нагуляется молодежь и по домам. И только лампочка «Ильича», чуть разрывая ночную темноту своим неярким светом, дает возможность ночной мошкаре вдоволь накружиться в своём хороводе. Старушки, кого-то осудят, а кого-то не поймут, но ещё раз вспомнят свою прожитую, такую нелёгкую, но правдивую жизнь, а потом перекрестившись, с трудом поднимутся и направятся на покой, кряхтя и грозя не в меру разгулявшейся молодежи.

Только в соседских коттеджах жизнь идет на широкую ногу: бесшумно откроются автоматические ворота, пропуская дорогую иномарку, и та скроется за высоким забором от «недобрых» глаз сельчан, припаркуется в тени благоустроенного двора с прудиками, фонтанами и альпийскими горками. Забегают таджики или узбеки, ревностно ухаживающие за барским садом и изумрудным газоном. И лишь до уродства откормленный пес бойцовской породы, лениво потягиваясь, прорычит, давая знать о себе. Выйдет господин, устало потянется, снимет неумело завязанный галстук, небрежно сбросит охраннику импортный малинового цвета пиджак и уверенной походкой, гремя толстенной золотой цепью на толстой шее, скроется в тиши и прохладе своего дома.

Земля многострадальная! Извечный вопрос цивилизаций. Каждая страна, каждый народ решал его по-своему. Лишь крестьянин, живший и работавший на земле, редко испытывал удовлетворение своим положением и ощущал заботу государства о его благополучии. Не была исключением и наша многострадальная страна. После революции 1917 года земля конституционно была передана крестьянству в вечное пользование. Передана была, да только крестьянин самостоятельно распорядиться ей не мог. Время было трудным: разруха, гражданская и вторая мировая войны. Крестьянство было

задавлено непосильными налогами. Не роптали, не возмущались, понимая, что трудности временные. Нужно выжить и победить. Выжили и победили!

Шли годы, страна возрождалась, улучшалась жизнь трудового народа, но только не крестьянства. Крестьянского горя сполна испытал и я. Среднюю школу закончил в те годы я, единственный, среди моих сверстников. Каким трудом это далось, знал только я и мои родители. В старшие классы ходил за семь километров один, учился я во вторую смену. Домой возвращался поздно, транспорта не было. Одет был плохо: офицерская шинелька, китель, мамой сшитые брюки и плохонькая обувь. Портфель заменяла мне противогазная сумка, в которой кроме книг лежал скудный обед в виде куска хлеба с салом и несколько взрывпакетов на случай нападения волков. К счастью, с волками встретиться не пришлось.

А вот девочке нашей школы не повезло. Она была разорвана волками буквально на куски. Случилось это так: в тот трагический день в её классе были отменены два последних урока. Девочка, не дождавшись родителей, пошла домой одна. Она проживала в воинской части, которая находилась за озером в трех километрах от города. И беда – случилась. Она не успела дойти до противоположного берега буквально несколько сотен метров. Отец, вышедший встречать дочь, на месте ее гибели увидел лишь куски разорванной одежды и портфель.

Учиться было трудно. Только благодаря природным способностям я получил среднее образование. Эти годы я частенько вспоминаю и отчетливо вижу их во снах. Пятнадцатилетний «мужичок с ноготок», плохонько одетый и далеко не сытый, пробиваясь через зимнюю пургу и стужу, весеннюю распутицу и проливной дождь, упорно шел к знаниям. Ныне, проживая в деревне, с сожалением вижу, как местная молодежь прожигает свою молодость. Ребята, которым от роду 20–25 лет, выглядят на полных сорок. В большинстве случаев нигде не работают, довольствуются временными заработками. Что ждет эту молодежь? Почему почти ничего не предпринимает государство в области молодёжной политики?

Этим бы молодым и сильным рукам и работать на земле, возрождать ее. Создай государство необходимые условия и молодежь откликнется, станет работать на земле. Но не задаром, а с выгодой для себя и общей пользой для народа. А пока таких попыток со стороны государства не видно, сельское хозяйство не возрождается. Не будет крестьянин трудиться на земле, пока цена солярки сравнима с ценой бензина марки АИ-92, при этом она повышается ежегодно именно в период полевых работ.

Правительство принимает меры по наведению порядка в этой области, но результата пока нет.

Земля, отвоеванная у природы непосильным трудом наших предков, до сих пор распродается и застраивается порой сомнительными объектами, нужными лишь для отмывания денег. Когда-то на берегу озера «Сенежское» стояла действующая церковь. Нет её. Сравняли с землей, построив на ее месте военный госпиталь. Стоит он на костях наших предков. Больные прогуливаются буквально по захоронениям. Не кощунство ли это? В этой церкви венчались мои родители, был крещен в ней и я.

Начало военной службы

Конец октября 1955 года. Обстановка в странах Варшавского договора накалена до предела. В ГДР, Польше, Чехословакии, Венгрии отмечены случаи проведения несанкционированных митингов, призывавших к прямому свержению действующей власти. Мне 19 лет – призывной возраст. Со дня на день ожидаю повестки из райвоенкомата. Отсрочка от военной службы как радисту, подготовленному для работы на судах морского флота, в данной ситуации уже не действовала.

Такой день наступил. Прибыл в райвоенкомат и получил направление на службу во 2-ую артиллерийскую дивизию резерва Верховного Главнокомандования, расквартированную в городе Пушкине Ленинградской области. В этот же день прибыл в город Пушкин.

Не спеша добрался до военного городка, любуясь открывшимися мне видами Царского Села, лицеем, в котором провёл свои юные годы А.С. Пушкин. Моё сердце было переполнено нахлынувшим волнением и осознанием того, что мне выпал счастливый случай прослужить три года в райском уголке и познакомиться с творениями великих художников и архитекторов, ландшафтных дизайнеров и скульпторов.

Дежурный по КПП, выслушав меня, с удивлением сказал, что в таком виде новобранцы к нам ещё не поступали. После звонка кому-то, он сопроводил меня в штаб дивизии. Спустя некоторое время старшина, пришедший за мной, сообщил, что службу буду проходить в дивизионе обеспечения штаба дивизии, а о подробностях мне расскажет командир взвода связи. В этот же день были соблюдены все необходимые формальности – пострижен, помыт и переодет в военную форму. Товарищи по взводу помогли приспособиться к новой обстановке и влиться в новый коллектив.

На следующий день для меня началась реальная военная служба: недельный курс молодого бойца, освоение табельного оружия, стрельба и принятие военной Присяги. Чуть позже командир отделения ознакомил меня с радиостанцией, на которой я должен был работать. Это был автомобильный вариант, используемый командиром дивизии на военных учениях, боевых стрельбах и в других ситуациях. Расчёт радиостанции состоял из 4 человек – командир отделения, два радиста и водителя автомобиля. Начальник отделения был опытным радистом. До службы в армии он окончил школу радистов и работал на судах рыболовного флота. Два других товарища специальной

подготовки не имели и готовились непосредственно во взводе связи. Опыта работы в эфире у них не было, да и качество подготовки страдало.

Радиостанцию я освоил в короткий срок. Пригодился опыт, приобретенный во время стажировки на береговой радиостанции и работе на рыболовном сейнере. Спустя некоторое время по приказу начальника связи дивизии я привлекался к обучению молодых радистов работе на ключе и приёму на слух.

Служба мне нравилась. Казарма располагалась в здании, построенном в петровские времена. Кроме учебных классов и спальных комнат, в казарме был небольшой спортивный зал, в котором находились перекладина, брусья, конь и площадка, на которой тренировались любители штанги и гиревого спорта. Удручало одно, не хватало солдатского пайка. Постоянно хотелось есть. Денежное довольствие, выплачиваемое солдату, а оно составляло тридцать рублей и плюс семь рублей на махорку, тратилось на лимонад и сушки. Всё это хранилось в рундуке на радиостанции. До сих пор помню то блаженство, когда придя на радиостанцию, мог в какой-то степени удовлетворить разбушевавшийся желудок.

К Новому году моё финансовое положение заметно улучшилось. Я сдал на второй класс, что давало мне дополнительно пятьдесят рублей. Ко Дню Советской Армии я стал специалистом первого класса и получал за классность семьдесят пять рублей. Денежное содержание в сто двенадцать рублей позволяло мне купить не только лимонад с сушками, но и побаловать себя колбаской и булочками. На радиостанции у нас была общая касса, в которую члены отделения вносили равные суммы. Был и ответственный за кассу, который не только вел учёт, но и закупал продукты, готовил нехитрый стол к праздникам. Спиртных напитков никто не употреблял, да и речи о них не могло быть, дедовщины не было. Вспоминаю старшину нашего дивизиона, его уважали и побаивались. Он с дивизией дошёл до Берлина, был награждён многими боевыми орденами и медалями.

Служба солдатом продолжалась менее девяти месяцев. В июле 1955 года я был направлен для поступления в военное училище по рекомендации начальника связи дивизии. Об этом человеке у меня остались самые тёплые воспоминания. Я проникся любовью и благодарностью к нему за его душеные качества и почти отцовское отношение ко мне. Особенно я почувствовал это во время зимних учений, проводимых дивизией в морозные февральские дни под Псковом и на летних лагерных сборах войск Ленинградского военного округа.

Работы на радиостанции было много. Обеспечивали связь командира дивизии с командованием Ленинградского военного округа и другими войсковыми частями, принимавшими участие в общевойсковых учениях. Начальник связи дивизии в трудные моменты всегда находился рядом с нами, старался ободрить и в некоторых случаях помочь. Иногда забежит к нам, попьёт чайку из привычной для него солдатской кружки, расскажет о некоторых моментах боевых сражений во время войны с фашистами, поблагодарит за горячий чаёк и скажет:

– Не раскисайте. Это не война, а ученье. Трудно на ученьях, легче в бою. – Эту, почти суворовскую, фразу он произносил с особой гордостью. Приятно было нам необстрелянным слышать этого человека и общаться с ним. Мне льстило, что я знал его гораздо ближе, чем другие солдаты. В его семье не было детей. Почему? Не знаю. Задать такой вопрос я не имел морального права.

Несколько раз он выписывал мне увольнительную в Ленинград и приглашал к себе. У него была очень приветливая и добрая жена. Она создавала такую обстановку, что я невольно чувствовал себя как дома, и относилась ко мне, как к сыну. Ей не хватало такого общения. Интуитивно я понимал, что у них был сын, но который погиб или рано умер. Хотел спросить, но не мог. Бывало, украдкой взгляну в её глаза, а там затаённая печаль и грусть, какие бывают у людей, потерявших близкого человека.

В такие минуты я вспоминал свою маму, которая при удобном случае рассказывала о моей сестре, которая умерла, когда ей было всего пять лет. Все дети для родителей хорошие. Для мамы она была красавицей и певуньей, любила танцевать и наряжаться. В один из праздников зацепила скакалкой кипящий самовар и опрокинула его на себя. Пять дней врачи боролись за её жизнь, но спасти не смогли. Позже от менингита умер мой старший брат. Ему было чуть больше одного года.

Случилось это так. Конец июля, от раскалённого солнца высохла и растрескалась земля. Созревшая рожь требовала немедленной уборки, чтобы спасти урожай, на жатву выходили все, кто мог держать в руках серп или косу. На уборку урожая вышла и моя мама. Оставить маленького сынишку с кем-то возможности не было, его пришлось взять с собой. Покормив, она уложила его спать в тени под копной сжатой ржи. Всё было хорошо, ребёнок крепко спал. Слабый ветерок, слегка обдувая его, создавал прохладу и уют. Ничто не грозило бедой. Вечером у малыша резко поднялась температура. Утром вызвали врача. Маме пришлось лечь с ребенком в больницу. Усилия врачей к успеху не привели. Через несколько суток малыша не стало…

Первые месяцы службы убедили меня, что терять три года нельзя. Закончу службу в двадцать два года. Что дальше? Можно пойти работать на торговый, рыболовецкий или пассажирский флот. Перспектива – заманчива. Мечта каждого моряка – это работа на круизных судах, ходивших на заграничных линиях. Я был молод. Длительный отрыв от родины, привычных устоев жизни не ограничивали и не пугали меня. Экзотика дальних стран манила и притягивала. Но я выбрал другой путь – стать офицером и целиком посвятить себя служению Родине и её защите.

Принять окончательное решение о поступлении на учёбу в военное училище рекомендовали начальник связи дивизии и командир взвода. Вскоре я подал рапорт о поступлении в Высшее военно-морское училище в городе Пушкине. В июле меня вызвали в райвоенкомат и предложили два учебных заведения на выбор: Военно-медицинская академия и радиотехническое училище. Пришлось выбрать второе. Разнарядки в другие училища не было.

Июнь 1955 года. Дивизия находилась в летних лагерях в районе города Выборга. Работы было мало, и всё свободное время я использовал для подготовки к вступительным экзаменам. Наконец пришёл вызов. Вызывают в санчасть – необходимо сдать анализы. Анализы сданы, а на второй день срочно вызывают в санчасть. Оказалось, что показатель сахара в крови «зашкаливает». Выявить причину в полевых условиях возможности не было. Врач санчасти спрашивал, что из пищи принимал последние дни перед сдачей анализов. Отвечаю, что принимал то, что давали в столовой, но после приёма пищи в столовой уходили в близлежащее болотце и до отвала наедались черники. Причина была понятна, и через несколько дней анализ был в норме. Путь к мечте был открыт.

Позже я жалел, что не выбрал Военно-медицинскую академию. Работа врача меня всегда привлекала. Как-то, сидя у постели моего безнадёжно больного друга, я познакомился с замечательной женщиной. Доктор медицинских наук, она обладала даром целительницы. Жила в городе Ленинграде и была широко известна за его пределами. В то время ей было 90 лет. Младший брат моего друга Виктор Алексеевич Казаков, доктор технических наук, профессор, в то время работавший главным конструктором на Ижорском заводе, отыскал эту женщину и привёз её к умирающему брату в надежде на помощь. Но было слишком поздно. Многократные сеансы временно помогали больному, но болезнь не была побеждена. Сергея Алексеевича положили в клинику для ветеранов войны, где он мужественно переносил все муки и до последней минуты верил в исцеление.

В последний день его жизни я более четырёх часов был рядом с ним. Лето было знойным, окна палаты выходили на южную сторону, и в палате было жарко и душно. Смотреть на Сергея было больно. Я понимал, как ему тяжело. Высохшее тело напоминало мумию. Он постоянно просил пить, но утолить жажду уже не мог – раковая опухоль сдавила пищевод. Пища и даже жидкость уже не проходили. Он был обречён на мучительную и голодную смерть. В какой-то момент он буквально выдавил из себя слова: «Сергей, поезжай. Ты устал, тебе ещё долго добираться до дома. Сейчас должна подъехать Валя». Я ответил, чтобы не беспокоился, что я обязательно дождусь Валентины. Вскоре приехала его супруга. Выглядела она уставшей и измученной длительной болезнью любимого мужа. Уходя, я подал ему руку, которую он крепко сжал и долго не отпускал, чувствуя, очевидно, прилив моей энергии. Он всегда это делал при каждом моём посещении. Мне приятно было осознавать, что хоть так я могу ему помочь.

В тот вечер Сергея не стало. Ушел из жизни мой лучший друг, которого я боготворил и которым гордился. Обидно, что он много не успел сделать, но сделал бы, работая в должности зам. главного инженера Центрального научно-исследовательского радиотехнического института.

С уважением вспоминаю целительницу, женщину преклонного возраста, которая всеми силами пыталась вылечить моего друга от смертельного недуга. Как-то после очередного сеанса, за чашкой чая, она попросила меня показать ладони. Внимательно рассмотрев их, она сказала:

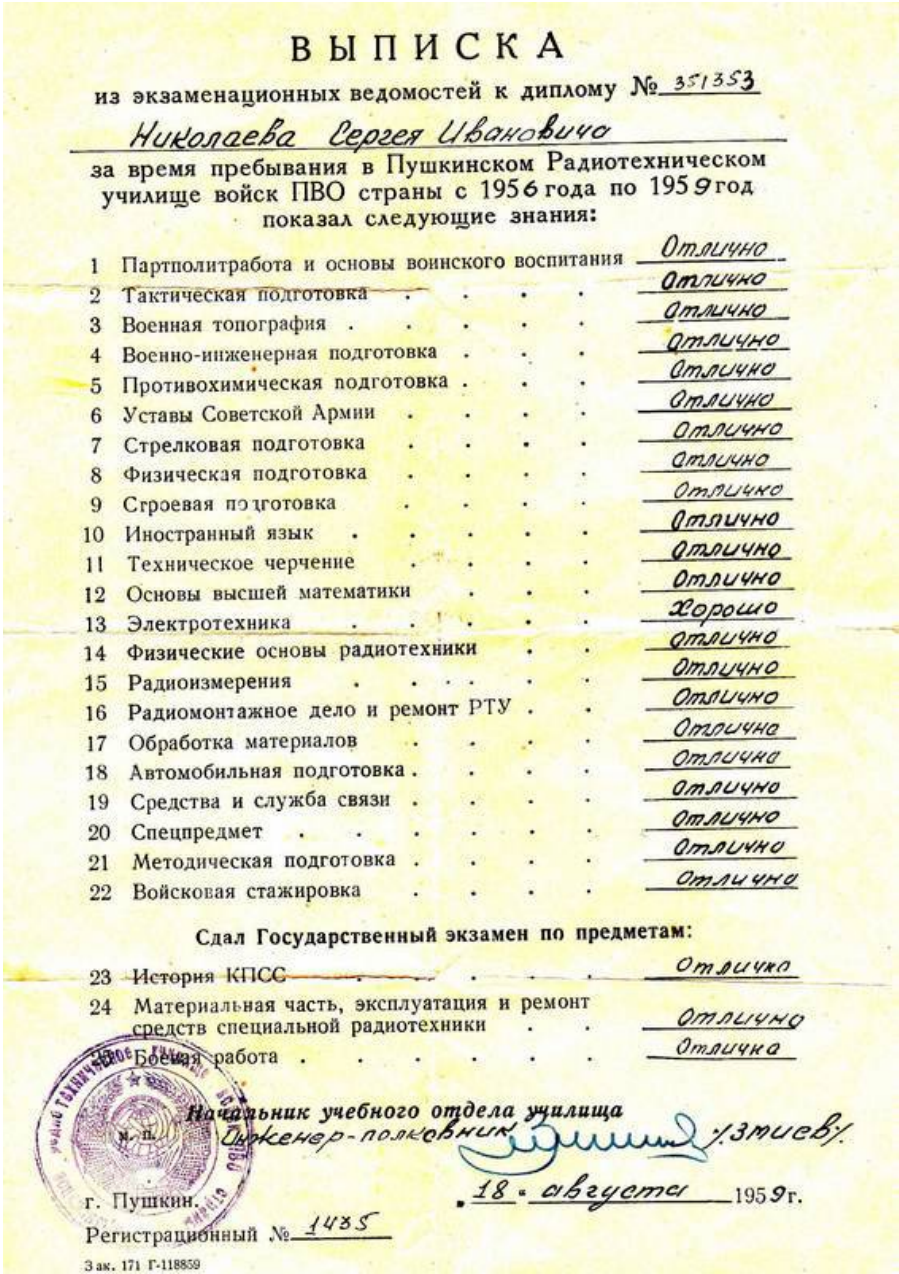
– Серёжа, ты неправильно выбрал специальность. Твоё призвание – медицина. Затем она попросила фотографию моих ближайших родственников. При мне оказалось фото нашей дочери, моей жены и её родной сестры. Изучив фото, она сказала, что у сестры тяжелое заболевание, и она проживёт недолго. О дочери она сказала, что дочь ходит по краю пропасти и кончит плохо и очень скоро. У жены серьёзных осложнений она не нашла. К сожалению, её предсказания сбылись. Сестра жены вскоре тяжело заболела, перенесла операцию по удалению раковой опухоли на вилочковой железе и через несколько лет ушла из жизни. Дочь стала наркоманкой. Семь лет принудительного лечения не спасли от рокового конца – она умерла от передозировки.

Вступительные экзамены сдал легко. Помогла месячная подготовка, проводимая непосредственно в стенах училища. Назначен был на должность заместителя командира взвода с присвоением звания младшего сержанта. Учился на «отлично». В

дипломе оказалась всего одна «четвёрка» по электротехнике. Случилось это так. Во время сдачи экзамена в учебный класс зашёл заместитель начальника училища по учебной части. Преподаватель «подсунул» ему меня. Мой ответ на вопрос о работе трансформатора под нагрузкой для него оказался недостаточно убедительным. Он выставил мне оценку «четыре». Обидно было. В тот момент я не знал, что данный начальник хорошо знал этот предмет. Много лет он его преподавал.

Учёба в военном училище оставила глубокий и приятный след в моей памяти. Училище дало мне путёвку в жизнь, подготовило к службе в войсках. Моя судьба сложилась удачно.

Красный диплом мне давал право выбора места дальнейшей службы. Этим я воспользовался, выбрав Московский военный округ. После отпуска получил направление на должность преподавателя в 12-й Учебный центр войск ПВО страны. Об этом периоде моей службы расскажу подробнее. Именно в этом Центре я детально изучил системы станции наведения зенитных ракет и подготовку этих систем к боевой работе. Старшие товарищи помогли освоить методики проведения лекционных занятий, основы обслуживания и ремонта аппаратуры комплекса. Эти знания были базовыми в дальнейшей моей работе. С особой теплотой вспоминаю полковника Анатолия Николаевича Зенкевича. В Учебный центр он прибыл на должность начальника цикла. До этого он находился в длительной командировке в Китае.



ВЫПИСКА

из экзаменационных ведомостей к диплому № 351353

Николаева Сергея Ивановича

за время пребывания в Пушкинском Радиотехническом училище войск ПВО страны с 1956 года по 1959 год показал следующие знания:

1	Партполитработа и основы воинского воспитания	Отлично
2	Тактическая подготовка	Отлично
3	Военная топография	Отлично
4	Военно-инженерная подготовка	Отлично
5	Противохимическая подготовка	Отлично
6	Уставы Советской Армии	Отлично
7	Стрелковая подготовка	Отлично
8	Физическая подготовка	Отлично
9	Строевая подготовка	Отлично
10	Иностранный язык	Отлично
11	Техническое черчение	Отлично
12	Основы высшей математики	Отлично
13	Электротехника	Хорошо
14	Физические основы радиотехники	Отлично
15	Радиоизмерения	Отлично
16	Радиомонтажное дело и ремонт РТУ	Отлично
17	Обработка материалов	Отлично
18	Автомобильная подготовка	Отлично
19	Средства и служба связи	Отлично
20	Спецпредмет	Отлично
21	Методическая подготовка	Отлично
22	Войсковая стажировка	Отлично

Сдал Государственный экзамен по предметам:

23	История КПСС	Отлично
24	Материальная часть, эксплуатация и ремонт средств специальной радиотехники	Отлично
25	Боевая работа	Отлично

Начальник учебного отдела училища
инженер-полковник Узиев

м. п.

г. Пушкин. 18 августа 1959 г.

Регистрационный № 1435

Зак. 171 Г-118859

Выписка из диплома об окончании военного училища

Анатолий Николаевич в совершенстве знал три системы ЗРК «С-75» и читал по ним лекции. С его помощью я освоил методику проведения лекций по принципам устройства аппаратуры кабины «П» и практическим приёмам её настройки, проведения регламентных работ. В кабине «П» располагалась приёмопередающая аппаратура и пять антенн горизонтального и

вертикального наведения. Знания аппаратуры системы приводов, принципов работы приёмных и передающих устройств, различных антенн, контрольно-измерительных приборов пригодились в повседневной жизни. По его рекомендации я в течение двух лет принимал участие в работе комиссий Главкома ПВО страны по проверке боеготовности ЗРК «С-75», несших боевое дежурство на территории Советского Союза.

Работа мне нравилась. Позже мне поручили проводить практические занятия по освоению слушателями контрольно-измерительной аппаратуры и методик поиска и устранения неисправностей в различных электронных узлах. Жизнь показала, что такой курс своевременен и крайне необходим. Дело в том, что в те годы личный состав вновь сформированных полков ЗРК «С-75» по образованию был разнообразен. Инженеров – мало. Основная масса офицеров была призвана из авиации, ВМФ, бронетанковых войск, артиллерии и имела узконаправленную техническую подготовку. Для работы на сложных системах зенитно-ракетных комплексах не хватало специалистов радиотехнического профиля. Их приходилось готовить в Учебном центре.

На подготовку полка к постановке на боевое дежурство отводилось четыре месяца. Обучение личного состава проходило в два этапа. Первый – два месяца теоретической подготовки, второй – два месяца практической подготовки по настройке аппаратуры, проведению регламентных и ремонтных работ, слаживание боевых расчётов. После окончания курсов полк в полном составе убывал на полигон, где получал технику, под руководством инструкторов развертывал её и готовил системы к боевой работе. После успешной работы по уничтожению учебной воздушной цели полк убывал на постоянное место дислокации.

В те годы служба в войсках ПВО была особенно трудной: оторванность от цивилизации, неустроенность быта, небольшое денежное содержание офицерского состава, отсутствие перспективы по службе и наличия рабочих мест для членов семей и многое другое подрывали уверенность в будущем. На патриотизме и взаимной любви можно было прожить определённое время, но дальше наступал кризис. В отдельных воинских частях наблюдались случаи организованных выступлений личного состава с требованиями коренного изменения сложившейся ситуации. Министерство обороны принимало какие-то меры, но они не решали в корне проблему.

Несение боевого дежурства по защите воздушных рубежей Родины предъявляло особенные требования к офицерскому составу. Требовали много, но обеспечивали малым. Списывалось

всё на одну из заповедей присяги: военнослужащий должен стойко переносить все тяготы и лишения военной службы.

Что такое дивизион ЗРК «С-75»? Радиотехническая батарея с современнейшим радиолокационным оборудованием и системами наведения ракет земля-воздух. Огневая батарея с шестью пусковыми установками, транспортно-заряжающими машинами, заправщиками ракет горючим и окислителем и многое другое. Содержать такое хозяйство в рабочем состоянии при ограниченном количестве личного состава и в условиях несения боевого дежурства и караульной службы было весьма трудно.

Вот один из эпизодов из жизни зенитно-ракетного дивизиона, расположенного в районе города Семипалатинска. Комиссия, возглавляемая командующим войсками ПВО страны генерал-полковником Казаковым, в составе которой был и я, прибыли для плановой проверки указанного дивизиона. Стояла суровая и снежная зима. Командирский автобус с трудом пробивался вслед за впереди идущим артиллерийским тяжёлым тягачом, доработанным под бульдозер. Наконец, преодолев 30 километров сплошного бездорожья, мы прибыли в расположение дивизиона. Небольшая казарма, рассчитанная на проживание пятидесяти человек рядового и сержантского состава, несколько щитовых домиков для офицеров, столовая и котельная едва виднелись в снежных заносах. Подъездные пути к боевой позиции и строениям городка были расчищены.

Офицерский состав дивизиона собран в Ленинской комнате. Объявлена тревога, поставлена задача по уничтожению условной воздушной цели. С поставленной задачей дивизион справился успешно. Возникли трудности при действиях личного состава по «вводной»: горит дизель-электростанция. Требовалось отключить силовые кабели и отвести её на безопасное расстояние. Эта задача не была выполнена. Артиллерийский тягач станцию вытянуть не смог.

Несмотря на выявленные недостатки, дивизион получил удовлетворительную оценку. Остались тяжёлые воспоминания от встречи председателя комиссии с офицерами и членами их семей. Вопросы к нему были жесткими и наболевшими. Почему нет магазина, в котором можно было купить продукты питания и вещи первой необходимости? Скудной зарплаты молодого офицера при неработающей жене не хватает на пропитание. Решены же вопросы обеспечения офицеров, проходящих службу в ВВС, ВМФ, районах Крайнего Севера и Камчатки. Трудно ему было отвечать на эти вопросы, тем более, обещать что-то. Не он решал, да и не поверили бы ему.

Сколько было таких полков, сколько разбитых молодых семей, сколько сломано человеческих судеб. Роптали, требовали, но долг перед Родиной выполняли честно.

Многие офицеры войск ПВО страны принимали участие в боевых действиях в Северном Вьетнаме, Египте. Охраняли воздушное пространство Кубы. Только в последние дни боевых действий в Северном Вьетнаме зенитными комплексами «С-75» были сбиты 31 бомбардировщик Б-52. Каждый бомбардировщик нёс по 25 тонн бомб. Сколько было спасено человеческих жизней, каких разрушений удалось избежать. Жаль, что мы не знаем имена этих героев.

Встреча с Министром обороны Индонезии

За годы службы в 12-м Учебном центре я был подготовлен не только как преподаватель, но и освоил методики проведения лекционных занятий, основы поведения в коллективах с различными уровнями инженерной и технической подготовки.

В то время контингент офицеров, проходивших обучение в Учебном центре, был различен. Переучивался штатный состав вновь создаваемых полков ЗРК «С-75», знакомились с его техническими характеристиками и тактическими возможностями офицеры, назначенные на должности командующих военными округами и командиров дивизий, выпускники военных академий, представители некоторых зарубежных стран.

Вспоминаю курьёзный случай, виновником которого был я. В один из зимних дней в Учебный центр прибыла представительная делегация, сопровождавшая Министра обороны Индонезии. ЗРК «С-75» был подготовлен к показу. Преподавательский состав ожидал прибытия делегации. День был морозным. Кабину «П» я прогрел, включив аппаратуру. Но этого было недостаточно. Пришлось включить для дополнительного обогрева штатную электропечь. Не учёл я одного, что она была доработана – укорочены спирали с целью более высокого разогрева.

В какой-то момент я увидел приближавшуюся к моей кабине ожидаемую делегацию. Министр обороны легко поднялся в кабину. На нём была дорогая шуба, меховая шапка, кожаные перчатки и унты. Он удобно разместился в кресле и неожиданно положил перчатки на сильно нагретую печь. В считанные секунды они задымились. Я понял, что это моя промашка и за это понесу наказание. Но этого не случилось. Министр обороны оказался человеком с юмором и принял этот эпизод за результат его неосторожности.

С теплотой вспоминаю второй случай. На ознакомительный курс по ЗРК «С-75» прибыл назначенный на должность Командующего Приволжским военным округом генерал-майор, Герой Советского Союза то ли Орлов, то ли Орёл, точно не помню. Расположился он в гостинице для постоянного состава, в номере «Люкс», предназначенного для высокопоставленных гостей.

Ознакомительный курс по ЗРК «С-75» и его боевыми возможностями генерал пожелал прослушать в гостинице. В какое-то время дошла очередь до меня. В назначенный час я прибыл на беседу. Войдя в номер, я немного смутился. Меня встретил статный генерал, звезда Героя приковала мой взгляд. В

первые секунды я не среагировал на его вопрос, точнее, я его не услышал. Он его спокойно повторил, спросив, как меня зовут. Я отрапортовал: – «Старший лейтенант Николаев. – А зовут-то как, старший лейтенант?» – с какой-то нежностью ещё раз спросил он.

– Сергей Иванович – ответил я, смутившись.

– Значит, Серёжа, если ты не возражаешь, – шутливо ответил он.

– Да, как Вам удобно, – поспешил ответить я.

Затянувшее знакомство закончилось. Генерал предложил приступить к беседе и хотел угостить меня коньяком. От угощения я отказался, объяснив, что у меня ещё двухчасовая лекция и спиртного я вообще не употребляю.

Беседа прошла незаметно. Расставаясь, генерал сказал, что осмыслит содержание беседы, и попросил зайти к нему вечером.

После ужина я ему позвонил и спросил, есть ли необходимость в моём приходе и если да, то я готов. Через несколько минут я был у него в номере. Генерал был одет в спортивный костюм и показался мне по-домашнему простым и открытым человеком. Угостив меня кофе и бутербродами, он поинтересовался, где я родился, где учился, кто родители. Рассказал немного о себе. Я поблагодарил его за беседу, за то удовлетворение, которое получил от общения с ним.

Спустя несколько дней в преподавательскую зашел начальник учебного отдела и предложил мне пройти к начальнику Учебного центра. Я спросил: «Что это значит?» – Он сказал, что причины не знает. Прибыв к начальнику Учебного центра, я увидел там командующего. Начальник центра сообщил мне, что командующий просит отпустить меня для продолжения дальнейшей службы в штабе армии Приволжского военного округа. В то же время он сказал, что рановато мне переводиться на более высокую должность, что я перспективный офицер и мне необходимо учиться дальше. Предложение было заманчивым, но я от него отказался.

Случай «неповиновения»

За пять лет моей службы в Учебном центре его начальники сменялись четырежды. Первого я почти не помню. Он вскоре убыл на повышение. На его место прибыл другой офицер, занимавший до этого должность командира зенитно-ракетного полка.

Первое, что он сделал, это ввёл утренний развод всего состава Учебного центра. Представьте картину: 8.00 утра, строевой плац, сотни здоровых мужиков замерли в томительном ожидании появления «полководца». И вот момент настал! Начальник Центра в сопровождении начальника политотдела медленно приближаются к строю. Звучит команда начальника штаба: «Смирно: Равнение налево!» – и он мелкими торопливыми шажками спешит отдать рапорт начальнику Центра. Далее – всё по уставу. Участники развода под барабанный бой торжественным маршем проходят мимо одиноких, но гордо стоящих начальника центра и начальника политотдела. Стыдно было каждое утро подвергаться этой процедуре. Да и надобности в ней не было.

Вспоминаю анекдотичный случай, происшедший на одном из разводов. Закончив вводную часть, начальник центра подал команду: «Смирно: Напра – ГОП!». Поверьте, я не оговорился, так ОН всегда командовал. Все участники развода, кроме Саши Леканина, послушно выполнили команду. Надо было видеть состояние начальника. В первый момент он просто растерялся от такой выходки молодого офицера. Затем, грозно подойдя к ослушавшемуся офицеру, срывающимся голосом прорычал: «Что, команды не слышал или игнорируешь?». Саша спокойно ответил, что он не лошадь, в уставе такой команды нет, поэтому эту команду и не выполнил. После этого обстановка накалилась. Подойдя вплотную к офицеру, разгневанный начальник выпалил: «В следующий раз я персонально тебе, лейтенант, так скомандую, что твоя сопля долетит до четвёртого справа стоящего!».

Курьёзный случай, но вспоминать о нём неприятно даже спустя много лет. Как сложилась судьба отважного лейтенанта, не знаю. Вскоре после этого эпизода его перевели в один из ракетных дивизионов, затерявшегося в лесах и болотах Западной Сибири.

Академия

Годы учёбы в академии вспоминаю с особым удовлетворением. Они были насыщены изучением не только теоретических предметов, но и освоением чисто военных предметов, к которым я тяготел более всего.

Первые два года обучения были напряжёнными и особого порыва не вызывали. Изучение углублённого курса высшей математики, вычислительной математики, теории игр и массового обслуживания, теории вероятности, теории полёта баллистических ракет и космических аппаратов отнимали уйму времени и требовали огромного напряжения сил при подготовке к экзаменам. Все эти трудности я преодолел без особых усилий. Экзамены сдавал, в основном, на «отлично». С третьего курса я активно привлекался к научно-исследовательским работам (НИР). С благодарностью вспоминаю С.Д. Пашкеева, который целенаправленно усложнял темы НИР, подводя меня к написанию диплома и его защите. Темы НИР были интересны не только с точки зрения рассматриваемых вопросов, но и открывали возможность их внедрения в вычислительных центрах.

Большой объём накопленных материалов, полученных во время выполнения НИР, позволяли мне продолжить обучение в адъюнктуре. Но этого не случилось. Две попытки оставить службу на кораблях Морского космического флота и поступить в адъюнктуру, не увенчались успехом. Дважды визы Главкома на моих рапортах были идентичны: «Причина перехода не обоснована».

К новому месту службы

Новое место службы всегда таинственно и может преподнести любые неожиданности. Я был готов ко всему, но что увидел, поразило и разочаровало меня. Элитное и единственное подразделение в Вооружённых силах СССР, люди которого выполняли ответственные задания Родины в длительных океанских походах, в периоды между рейсами вынуждены были работать то в полуподвальных помещениях, то в заброшенной щитовой казарме.

Выделенное позже помещение на Комсомольском проспекте не отвечало элементарным требованиям: было невозможно на площади в 150 квадратных метров разместить сотрудников всех одновременно прибывших из рейсов экспедиций. Даже когда собирались вместе две – три большие экспедиции, зал напоминал разбуженный улей. Люди, завершившие длительные экспедиционные рейсы, были рады встречам с друзьями, товарищами и сослуживцами.

Скученность, однако, не мешала плодотворной работе. Тогда, будучи молодыми, на бытовые трудности не обращали внимания, понимали, что здесь, на суше – мы временно. Основная жизнь и работа – в океане. Только сейчас, спустя много лет, понимаешь, что наше великое и богатейшее государство, тратившее миллиардные средства на создание мифической системы социализма, обязано было создать для офицеров, служащих морского космического флота, нормальные бытовые условия. К сожалению, решая огромные исторические задачи, государство всегда забывало о тех людях, которые делали эту историю.

Прибыв к новому месту службы, я направился для представления к командиру части. Кто-то из небольшой кучки оживлённо беседующих людей показал мне кабинет командира. Постучавшись, я вошёл и доложил, что прибыл для прохождения дальнейшей службы. Командиром части (морского космического флота) был капитан 1-го ранга В.Г. Безбородов. Приняв доклад, Виталий Георгиевич вежливо предложил присесть. Воспользовавшись временем, пока Виталий Георгиевич знакомился с личным делом, я внимательно изучал его. Он был выше среднего роста, приятной наружности. Во всём его облике чувствовалась интеллигентность, большая внутренняя культура. Тихий бархатный голос, уверенные и неторопливые движения располагали и настраивали на откровенную беседу.

Беседа была короткой. Виталий Георгиевич задавал конкретные вопросы, внимательно слушал, делал какие-то

пометки. В конце беседы он сообщил, что я назначен на должность начальник отделения СТИ на строящееся научно-исследовательское судно «Академик Сергей Королёв». Виталий Георгиевич кратко рассказал о составе морского комплекса и стоящих перед ним задачах. При этом предупредил, что служба будет связана с определёнными трудностями. Предстоит работать в различных точках Мирового океана. Длительный отрыв от Родины, замкнутость пространства, относительная малочисленность коллектива, морская качка, редкие заходы в иностранные порты потребуют напряжения не только физических, но и моральных сил. К тому же, жилплощадью служба не располагает – придётся подыскать частную. Но разочаровываться не стоит: впереди интересная работа, заходы в иностранные порты, прелесть и незабываемость океанских походов.

В конце беседы Виталий Георгиевич спросил, что всё ли понятно мне и есть ли вопросы. Я ответил, что всё понятно, но есть вопрос. Имеет ли смысл использовать меня в должности начальника отделения СТИ? По специальности я не телеметрист и с комплексом автоматизированной обработки телеметрической информации не знаком. Моя специальность: инженер-электроник. Я готовился как специалист по ремонту и обслуживанию ЭВМ. С первого курса и до выпуска активно занимался научной работой. Диплом защитил по теме «Разработка и исследование программ-диспетчеров для 4-машинной системы обработки информации на базе ЭВМ М-220». У меня накоплен определённый материал для работы над диссертацией. Виталий Георгиевич внимательно выслушал меня и ответил, что в предложенной должности не разочаруюсь. Для работы над диссертацией у вас будут все условия. Подробно ознакомит вас с должностными обязанностями и предстоящими работами начальник экспедиции И.Н. Поздняков.

Поблагодарив за беседу, я вышел. Настроение было приподнятым. Я понял, что попал в хороший коллектив, где можно спокойно и плодотворно работать.

О первом начальнике службы

В.Г. Безбородов – капитан 1-го ранга, основатель и первый руководитель морского командно-измерительного комплекса. Скромный, талантливый человек, отдавший много сил, знаний и энергии становлению и развитию космического флота, воспитанию личного состава. Виталий Георгиевич снискал уважение и признательность не только у сослуживцев, но и у широкого круга специалистов проектных институтов, заводов, руководителей различных организаций, учёных, космонавтов, с которыми в процессе службы имел постоянные контакты. Отдав многие годы своей жизни становлению и развитию морского космического флота, он тяжело переживал его развал и практическую гибель.

В настоящее время Виталий Георгиевич ведёт большую общественную работу в Комитете федерации космонавтики России. За участие в проектировании и строительстве научно-исследовательских судов проекта «Селена-М» в 1980 году ему присвоено звание лауреата Государственной премии СССР. За большой вклад в развитие и пропаганду достижений российской космонавтики Виталий Георгиевич награждён многими Почётными Знаками, в том числе медалями «Космонавт Юрий Гагарин» и «Академик Сергей Королёв». За успешную службу в Вооружённых силах СССР он награждён орденом «За службу Родине в Вооружённых силах» и восемнадцатью медалями, в том числе и медалью республики Куба. Он является почётным академиком российской академии космонавтики им. К.Э. Циолковского.

По его инициативе созданы и функционируют Клуб и Музей морского космического флота, на базе которых ветераны МКФ ведут большую патриотическую работу среди подрастающего поколения. К сожалению, с развалом Советского Союза практически перестал существовать и морской космический флот. Но живы его ветераны, жива его богатейшая история, жива память о людях, которые создавали и осваивали этот флот, обеспечивали полёты практически всех пилотируемых космических кораблей и аппаратов.

Виталий Георгиевич родился 25 августа 1927 года в городе Новороссийске в семье профессионального военного лётчика. Его отец до 1932 года работал слесарем на вагоностроительном заводе в городе Новороссийске. После окончания школы военных лётчиков в городе Вольске с 1934 по 1947 год он служил в Красной Армии на различных командных должностях.

Несмотря на то, что Виталий Георгиевич рос и воспитывался в семье военного лётчика и под влиянием всенародной любви к военной авиации, всё же его мечтой было море. И он эту мечту осуществил. С сентября 1945 года он прошёл действительную военную службу в Новосибирском и позже Ивановском училище штурманов дальней авиации, в 1946 году поступил учиться в Высшее военно-морское училище им. Фрунзе.

Это старейшее военно-морское училище России основано в 1701 году Петром Первым. Училище давало будущим морским офицерам не только глубокие инженерные знания, но и прививало им высокие морально-нравственные качества, гордость службы на кораблях военно-морского флота. Курсантов в нём воспитывало всё: стены, традиции, коридор адмиралов, прекрасный художественный музей с галереей полотен лучших сынов Отечества, окончивших это училище: Нахимова, Ушакова, Истомина, Сенявина, Даля, Римского-Корсакова и др.

В.Г. Безбородов, И.Н. Поздняков

Во время учёбы в училище Виталий Георгиевич прошёл практику на паруснике «Седов». На кораблях учебного отряда ходил в походы по Балтике с заходами в порты Германии и Польши. Совершил дальний поход до острова Новая Земля.

После окончания училища Виталий Георгиевич с 1950 по 1961 год проходил службу на Северном флоте на крейсерах «Чапаев» и «Октябрьская революция». В эти же годы заочно окончил высшие офицерские классы при Высшем военно-морском училище в городе Гатчине. Дважды ходил с визитами дружбы в Норвегию и Швецию. За успехи в службе ему досрочно присваивались воинские звания капитан-лейтенанта и капитана

3-го ранга.

В 1961 году в связи с сокращением численного состава флота он был переведён на службу в Ракетные войска стратегического назначения на наземный измерительный пункт, расположенный на Камчатке. С этого момента для Виталия Георгиевича начался новый период в военной службе. В 1963 году Виталию Георгиевичу как профессиональному моряку, имеющему опыт работы в системе наземных измерительных пунктов, было поручено возглавить вновь создаваемый морской измерительный комплекс. Этим комплексом – Морским космическим флотом он руководил до 1983 года – до выхода на пенсию.

Встреча с начальником экспедиции

Встречи с начальником экспедиции я ждал с некоторым волнением. Хотелось ближе познакомиться с ним, узнать конкретно стоящие передо мной задачи. Помню, встреча состоялась в тот же день, в скверике у фонтана с невзрачной скульптурой то ли юного Ильича, то ли Павлика Морозова. Кабинетом, просто рабочим уголком, начальник экспедиции в тех условиях не располагал. Но работа шла, формировалась экспедиция. К моему приходу она была укомплектована на 30–40 процентов. Часть сотрудников находилась в городе Ленинграде. Оставшаяся часть – осваивала аппаратуру в научно-исследовательских институтах города Москвы.

Беседа с Поздняковым была продолжительной и конкретной. Илья Никитович сообщил, что я назначен на должность начальника отделения автоматизированной обработки телеметрической информации, А.И. Рыбкин – старшим инженером. Товарищи Шаповалов и Заболонский назначены на должности начальников смен ЭВМ «Минск-32» и в настоящее время находятся на учёбе в городе Минске. Мне и Рыбкину придется осваивать комплекс СТИ в НИИ приборостроения в городе Москве. В нашем распоряжении – восемь месяцев. В июне 1970 года планируется выезд на судостроительный завод для приёмки аппаратуры и участия в пуско-наладочных работах на НИС «Академик Сергей Королёв». В ближайшее время необходимо решить жилищный вопрос.

Заканчивая беседу, Илья Никитович с какой-то хитринкой спросил: «Ну что, всё ясно?». «Да, вроде всё.» – ответил я. А самому так и хотелось услышать основное – как там, в рейсе? Илья Никитович не только уловил причину небольшой заминки, а точно знал, что больше всего интересовало меня. Моё любопытство в определённой степени было удовлетворено. Я понял, что предстоит трудная и интереснейшая работа. Экспедиционный рейс – это не менее шести месяцев плавания в различных широтах Мирового Океана. Основная точка работы НИС «Академик Сергей Королёв» – сороковые ревущие широты в районе острова Сейбл. Льгот по службе – практически никаких. Заходы в иностранные порты – на три – четыре дня через полтора – два месяца рейса. В рейсе – четырехразовое бесплатное питание. Дополнительно к зарплате – валюта в золотых рублях согласно занимаемой должности. Как начальнику отделения мне предоставлялась одноместная каюта со всеми удобствами. Вот и всё. А далее – морская романтика, интересная и ответственная

работа, незабываемость расставаний и встреч с Родиной, родственниками и друзьями.

Всё это я прочувствовал и пережил во многих экспедиционных рейсах, совершённых за двенадцать лет. Как бы там ни было, я благодарен судьбе за причастность к большому и необыкновенному делу и тем людям, которые были рядом со мной, которые помогли осуществить мечту.

Подготовка в НИИ

В октябре 1970 года я и Рыбкин А. И. прибыли в НИИ приборостроения для изучения комплекса СТИ-90М. В его состав входило пять систем.

Ознакомившись с составом комплекса, пришли к выводу, что изучение аппаратуры необходимо начать с базовой системы – СТИ-90. Эта аппаратура выпускалась серийно и использовалась наземными измерительными пунктами. Остальные системы были в опытных образцах и дорабатывались непосредственно в институте. Технических описаний на них не было. Изучать приходилось по научно-техническим отчётам и личным записям разработчиков. С благодарностью вспоминаю сотрудников НИИ В. Сметанина, В. Ватутина, В. Пушкова, В. Лунина, оказавших нам необходимую помощь в изучении аппаратуры, а главное – в освоении методик её обслуживания и ремонта.

Время, проведенное в институте, было полезным не только для изучения аппаратуры, но и для расширения инженерного кругозора по тем радиотехническим системам, которые входили в состав корабельного комплекса. Эти знания особенно пригодились мне при работе в должности начальника отделения автоматизации управления корабельным радиокомплексом. К тому времени автоматизация по данному направлению находилась на начальной стадии. Программное обеспечение, разработанное сотрудниками НИИ, отлаживалось и дорабатывалось мной в процессе рейсов.

Шли дни, и чем глубже я вникал в суть будущей работы, тем всё большее удовлетворение получал от нового места службы. Беспокоило одно – не было, хоть какой-то, но своей жилплощади. Снимаемая комната площадью 8-12 квадратных метров, за которую приходилось платить четверть своей зарплаты, унижала и морально давила. Да и найти её было не так-то просто. Но находили и устраивались, таская за собой тот нехитрый скарб, который успели приобрести. Радовались за сослуживцев, которые смогли купить кооперативные квартиры. Купить собственную квартиру мне удалось только в конце 1972 года. До этого трижды переезжал на частные.

Люди, сдававшие жилплощадь, как правило, испытывали материальные трудности. Совместное проживание с ними по известным причинам было проблематичным. Приходилось подстраиваться, не обращать на многое внимание, терпеть и не ожесточаться. Наоборот – это сплачивало нас, помогало лучше понять друг друга и, если нужно, прийти на помощь.

Товарищеские отношения, сложившиеся в длительных заграничных рейсах, выдержали испытание временем и крепки до сих пор. Подтверждением этому являются наши регулярные встречи в созданном нами Музее Морского космического флота. Каждая встреча – это настоящий праздник ветеранов, прошедших за многие годы в длительных океанских походах тысячи миль и выдержавших свалившиеся на их плечи испытания. Им есть о чём вспомнить и чем поделиться. Душой этих встреч являются наш первый командир – В.Г. Безбородов, главный инженер морского комплекса С.Л. Масенков, начальники экспедиций А. Масленников, Бонах, А. Маслов, бывший врач нашей службы И.В. Кузнецов и многие другие.

Черноморский судостроительный завод

В конце мая 1970 года первая небольшая группа сотрудников экспедиции была направлена на судостроительный завод в город Николаев. В эту группу входил и я. Хотелось скорее увидеть уникальное сооружение, на котором предстояло выйти в первый экспедиционный рейс. Корабль стоял у стенки завода. Окутанный бесконечным количеством проводов, шлангов, окружённый подъёмными кранами и неснятыми лесами, он напоминал космического пришельца. Длина в 190 метров, большое разнообразие антенн и другого оборудования – завораживали. Выкрашенный в белый цвет он казался морским красавцем, которому предстояло удивить мир не только техническими возможностями, но и красотой его линий. Стоя возле него, я испытывал гордость за тех людей, которые смогли воплотить в металл полёт дизайнерской мысли и достижения технического прогресса. Хотелось немедленно слиться с ним и начать так долго ожидаемую работу.

На корабле почти круглосуточно велись строительно-монтажные и отделочные работы. На начальном этапе мы должны были принять у завода-изготовителя запасное имущество и дополнительное оборудование. Приёмка аппаратуры и участие в её настройке на тот момент не планировались.

Наша группа была малочисленной – примерно шесть человек. В это время в городе свирепствовала эпидемия холеры. Въезд был максимально ограничен. Руководил группой Э.Г. Шерстнёв – мой начальник отдела. В первом рейсе на НИС «Академик Сергей Королёв» он исполнял обязанности главного инженера. Основная трудность, с которой мы столкнулись, была бытовая. В городе функционировали только две гостиницы, но и те были переполнены. Мне и В. Чуднову повезло – хоть в коридоре, но мы поселились в одной из них.

Другая трудность – работа на заводе по приёмке запасного имущества и оборудования. Дело в том, что всё это находилось в складских помещениях лёгкого типа, переполненных оборудованием от нескольких одновременно строящихся кораблей. Не трудно представить условия, в которых приходилось работать. К тому же лето в том году было очень жарким. Днём столбик термометра редко опускался ниже тридцати. Воздух в складах просто раскалялся. Напиться холодной воды удавалось редко. У автоматов с газированной водой выстраивались очереди. Да и вода в них не успевала охлаждаться. Обстановка в помещениях, расположенных внутри корпуса корабля, была

кошмарной: повсюду велись различные работы, в том числе сварочные и покрасочные. Стоял такой смог, что нечем было дышать. Несмотря на всё это, корабль напоминал разбуженный муравейник. Люди, воодушевлённые лозунгами типа: «Сдадим досрочно ко дню…» и небольшой, но своевременно выдаваемой зарплатой, мирились с трудностями и строили уникальные по своим характеристикам научно-исследовательские суда, предназначенные для обеспечения выполнения программ освоения космического пространства.

Мы гордились причастностью к этому большому делу, гордились и гордимся нашей Родиной, которая в труднейших экономических условиях смогла создать необходимый научно-производственный потенциал, обеспечивший наше превосходство в космической отрасли.

Любое, даже самое необыкновенное дело начинается с будней, порой однообразных и трудных. В короткий срок приняли запасное имущество и раскрепили его на судне. Труднее было с поиском холодильников. Работники склада то ли сознательно, то ли в общей неразберихе завалили их чем только могли. Пришлось перевернуть гору ящиков, но холодильники были найдены и установлены на судне.

Закончив с запасным имуществом, холодильниками, я и другие товарищи включились в основную работу – отладку аппаратуры и её более глубокое изучение. К тому времени отделка лабораторий была завершена. Работала вентиляция. В лабораториях поддерживался нормальный микроклимат. Сетовать на какие-то трудности не приходилось.

Была не только работа. Закончив напряжённый рабочий день, уходили на Южный Буг. Прекрасные пляжи, прохладная вода моментально снимали накопившуюся усталость. О холере и не думали. Там, где были мы, где купались и «валялись» на прибрежном песке, её очевидно не было. Да если и была, то никто из нас холерой не заболел. Разнообразие свежих фруктов, молодое виноградное вино, батоны свежевыпеченного белого хлеба, аромат и вкус которого не могу забыть до сих пор, давали возможность насладиться этим изобилием, купленным по мизерным ценам.

Особенно запомнились вечера. Ночь, быстро спустившаяся на землю, гасила дневной зной, охлаждая и слегка покачивая перегретый за день воздух. Тёмное безоблачное небо с мириадами необыкновенно ярких звезд приковывало внимание и уводило мысли от ежедневных мирских забот. Река, с довольно ощутимым течением в русле, успокаивалась широкими отмелями и плёсами, манила в свои воды, предлагая божественное наслаждение. От

этой красоты и благодати не хотелось возвращаться в гостиницу, отсутствие кондиционеров и духота сулили лишь бессонную ночь.

Сентябрь и октябрь 1971 года были исключительно напряжёнными не только для судостроителей, но и для представителей промышленности. На начало ноября планировались ходовые испытания. Они были проведены в срок. Судно возвратилось на завод. Большая часть экспедиции отбыла на отдых. Вновь на судно я возвратился лишь в конце декабря 1971 года. На НИС «Академик Сергей Королёв» 26 декабря 1971 года был торжественно поднят вымпел Академии наук СССР. Судно было передано Черноморскому морскому пароходству и приписано к порту Одесса. На митинге присутствовали Н.И. Королёва, космонавты В. Быковский и В.Н. Волков.

С этого времени НИС «Академик Сергей Королёв» для экипажа и членов экспедиции стал не только местом постоянной работы, но и вторым домом. Тяготило только одно – частые и длительные отрывы от семьи. Но мы были к этому готовы.

О партийном бюро

Чем меньше оставалось времени до ввода в строй НИС «Академик Сергей Королёв», тем активнее жила и набирала силу экспедиция.

Партийная группа, созданная на начальном этапе, переросла в первичную партийную организацию. Секретарём партбюро был избран Ю.И. Рязанцев, его заместителем я – С.И. Николаев. Рязанцев Юрий Иванович весьма интересный и интеллигентный человек. Во время учёбы в академии возглавлял партийную организацию курса. До академии проходил службу в Западной группе войск. Естественно, он имел большой опыт партийной и воспитательной работы. Аналогичный опыт имел и я. Но этого опыта было недостаточно. Длительность заграничных рейсов, постоянные контакты с капиталистической действительностью предъявляли определённые требования к стилю работы партийного бюро. Учитывалось и то, что свыше 90 процентов членов экспедиции в рейсах не были и специальных работ не выполняли. Справилось ли партбюро с поставленными задачами? Думаю, что да. В высокой оценке, полученной экспедицией по итогам первого рейса, была заслуга партийного бюро и его секретаря Ю.И. Рязанцева.

К сожалению, после второго рейса Ю. И. Рязанцев был списан и переведён на другую работу. Причины? Первая, скрываемая от нас – один из офицеров, находившийся в родственных отношениях с одним из начальников управлений, претендовал на эту должность и он её получил. Вторая, ставшая официальной версией списания Юрия Ивановича – кому-то не нравилась его излишняя партийная принципиальность и твёрдая жизненная позиция в оценке работы и морального поведения некоторых лиц, считавшихся «неприкасаемыми». Ю.И. Рязанцев – участник войны в Афганистане, награждён боевыми орденами. В настоящее время проводит большую работу в различных общественных организациях, созданных воинами-афганцами и воинами-интернационалистами. С Морским комплексом связи не потерял, регулярно приходит на встречи ветеранов морского космического флота.

О замполитах

Замполиты – тоже люди и им присущи все человеческие качества, в том числе и недостатки. Нужны ли замполиты? Да, нужны. Но не в таком количестве, не такого качества и не с такими полномочиями. Они хорошо усвоили и взяли на вооружение провозглашённый Генсеком Л.И. Брежневым лозунг, что «партия – не только организующая и направляющая сила общества, но и руководящая». И это мудрое предначертание они с присущей им преданностью и активностью стали проводить в жизнь, ставя в определённых ситуациях роль командира на второй план. С замполитами до прихода в Морской комплекс я почти не сталкивался. В училище и академии их роль не ощущалась. В преподавательской среде Учебного центра их не было. Были они в обслуживающих подразделениях, но к нам отношения не имели. Зато в Морском комплексе их присутствие в различных жизненных ситуациях ощутил сполна.

Хорошее впечатление сложилось только об одном – Н.Ф. Сокуренко, с которым совершил три длительных заграничных рейса. Общение с ним было приятным и доставляло удовлетворение. Будучи отличным волейболистом, в своё время игравшим за сборную одного из военных округов, он был общительным и незаносчивым. Его простота и отзывчивость нравилась подчинённым, но не всегда правильно оценивалась партийным руководством. После третьего рейса без объяснения нам причины его увольнения он был переведён на другую работу.

А.С. Гнидкин – начальник политотдела приятного следа в моей памяти не оставил. Помню лишь его глаза, всегда настороженные и прощупывающие. За многие годы совместной службы я не помню случая, чтобы этот партийный руководитель, идеологический наставник и учитель просто подошёл к кому-то, поинтересовался службой, семейными делами, пошутил, одобрил или пожурил. Нет! Только дистанция и партийная требовательность.

Вспоминаю случай, который потряс меня и разочаровал. У одного сокурсника по академии был день рождения. Решили отметить его в только что открытом пивном баре на Красной Пресне. Пивных баров в Москве было – раз, два и обчёлся. Отметив день рождения, без происшествий мы разъехались по домам.

Каковым же было моё удивление, когда на следующий день нас буквально выловили и направили к начальнику политотдела. Вопрос задавался один: «Кто был, что пили, когда разошлись?»

Поразило другое – ведь кто-то «заложил». Да бог с ним, «заложил» по ограниченности ума и желанию выслужиться. Но почему такая реакция, такая забота о нашем моральном облике? Что случилось криминального, если группа офицеров, прослуживших в Советской Армии по 10–15 лет, собрались и поздравили своего товарища с днём рождения? И собрались не где-то, а открыто, красиво и достойно.

НИС «Академик Сергей Королёв» в очередной рейс выходил с новым замполитом. Чем-то, за что их можно было ценить и уважать, они не выделялись. «Делай не как Я, а как Я сказал», – был принципом их работы.

Первый замполит, весьма косноязычный на трибуне, был весельчаком и затейником. Иногда забежит в лабораторию, обольёт кого-нибудь водой из пистолетика и с идиотской улыбочкой убежит, не побеседовав и не поинтересовавшись делами, самочувствием.

Рейс был трудным. Многочасовая работа в условиях 6-8 балльного шторма буквально изматывала людей. Им было не до шуток. Да и люди в этой лаборатории были не те, с которыми можно было так шутить. То были представители оперативной группы: разработчики отдельных систем космических кораблей, управленцы и космонавты.

С этим замполитом, любителем приколов, пошутили и мы. В салоне отдыха членов экипажа и экспедиции стояла двухметровая живая пальма, вес которой вместе с кадкой был внушительным. Решили перенести её к нему в каюту. Сделать это было не просто. Его каюта располагалась двумя палубами выше, а трап был довольно узким. Но всё же мы её перетащили. Его реакция была неадекватной: его интересовали не те, кто это сделал, а как смогли это сделать. Позже пальма была возвращена на прежнее место. Перетаскивали её не мы, а кто-то из членов экспедиции. Свою тайну мы так и не открыли.

Второго прозвали «ночным бомбардировщиком». Днём он, как правило, отдыхал, а вечером выходил на индивидуальную воспитательную работу, в основном – с сотрудницами экспедиции.

Третьего помню по случаю, когда он дал указание прослушивать перед каждым сеансом связи с космическим кораблём какую-то речь В.И. Ленина, якобы мобилизующую на более качественное выполнение работы. Вроде не глупый человек, но приказал делать это. Я хочу вспомнить анекдот про китайского солдата, у которого во время боя отказал пулемет. Подбежавший командир спросил почему он не стреляет? Тот ответил, что пулемет сломался. «Но ты же коммунист!» – сказал командир.

Воодушевленный этими словами, нажал солдат на гашетку и пулемет застрочил.

По распоряжению третьего замполита включали магнитофон, да только запись ту никто не слушал. Не до неё было. Неужели горе-замполит не мог понять, что смешит этим людей. Мне было стыдно за него перед членами оперативной группы.

Руководителем крупной партийной организации пришлось быть и мне. Выйдя на пенсию, я работал заместителем директора одного из производственных объединений города Москвы. Через год был избран на должность освобождённого секретаря парткома объединения. На эту работу согласился лишь потому, что знал, что стиль работы парткома можно и нужно изменить. Мне это удалось. Свидетельством тому была поддержка рядовых коммунистов, которую ощущал постоянно. Позже я был избран членом Москворецкого РК КПСС.

В партийной организации объединения состояло на учёте свыше трёхсот членов партии, многие из которых были пенсионерами. Почти всю свою зарплату, премии, дополнительные отпускные мне приходилось порой тратить то на подарки, то на цветы. Причин было много – у одного юбилей, другому только что вручён памятный знак в связи с пятидесятилетием пребыванием в рядах КПСС, третий – тяжело заболел. Каждому необходимы были внимание и помощь. Партийных денег у секретаря не было, поэтому приходилось раскошеливаться самому.

Многие секретари парткомов, в том числе и я, выходили с предложением в райком партии об оставлении в распоряжении секретаря части партийных взносов: оставили 10 процентов, но не 50, как просили. Но и за это спасибо! Жаль, что поздно. Через два года КПСС стала единой из многих партий. За год до этого в связи со смертью отца и тяжёлой болезнью матери мне пришлось уйти с партийной работы.

О марксистско-ленинской учёбе

Марксистско-ленинская подготовка (МЛП) личного состава судов Морского космического флота была особой заботой партийного руководства службы. Любое мероприятие можно было отменить или перенести, но только не МЛП. Занятия проводились регулярно и строго по спущенной сверху программе. Тематика подготовки во многом диктовалась условиями, в которых работал личный состав экспедиций, а это – постоянные контакты с капиталистической действительностью (образ и уровень жизни простого населения) иностранных государств, в порты которых приходилось заходить.

Трудно было на фоне глобального обнищания советского народа разглядеть очаги загнивания и неминуемой гибели капитализма. Ещё труднее было убедить слушателей политзанятий в том, что трудности в нашей стране явление временное. Наступит время, советские люди будут жить, хоть и не при коммунизме, но достойно. А пока, возвратившись в Союз, мы сталкивались всё с той же картиной – пустые прилавки магазинов, массовое пьянство и взяточничество. Победители, отдавшие всё за победу в Великой Отечественной войне, живут хуже, чем побежденные. Крестьянство, обеспечившее фронт и тыл продовольствием, до сих пор не могут выйти из нищеты и свести концы с концами. Выражение «где и что купить» практически вышло из лексикона. Всё сводилось к принципу – где достать, через кого и за сколько. И приходилось «доставать» простенький советский телевизор, убогую стиральную машину типа «Рига», невзрачную мебель производства московского мебельного комбината, переплачивая товароведу, продавцу или посреднику чуть ли не половину их стоимости. А если захотел приобрести импортную люстру, вазу из чешского стекла, румынский спальный гарнитур или что-то подобное – готовься: ласково обдерут и объяснят особой трудностью и рискованностью данной услуги.

И другая картина – там, на загнивающем Западе. Зайди в магазин и только посмотри на товар! Любезно предложат, подберут, аккуратно упакуют и бесплатно доставят. А почему у них так, а в нашей богатейшей стране – иначе? Этот вопрос стоял перед каждым. Большинство знало на него ответ, но высказаться открыто в то время не могли, боясь определённых последствий. И молчали, скрывая боль и обиду, понимая, что систему в одиночку не расшатать, а жизнь в стране откровенными высказываниями не улучшить. Трудно было партийным работникам и неимоверно

труднее замполитам вдалбливать людям коммунистические догмы о преимуществах социалистической системы и её безграничных возможностях в сфере гармоничного развития личности.

Особые требования предъявлялись к самостоятельной работе командного состава по изучению трудов классиков марксизма-ленинизма, материалов текущей политики. Каждый обязан был иметь четыре тетради, в которых отражалась вся проделанная работа. Первая тетрадь – конспект лекций, записанных на плановых занятиях. Вторая – материалы самостоятельной подготовки к семинарским занятиям. Третья – конспект работ классиков марксизма-ленинизма, рекомендованных для изучения при подготовке к семинарским занятиям. Четвёртая – материалы текущей политики, постановления ЦК КПСС и советского правительства. Эта тетрадь от избытка законспектированных материалов трещала по швам, превратившись в огромный и бесполезный труд, отнявший уйму личного времени.

И всё же, понимая ненужность этой работы, приходилось её делать. Многие делали это с необыкновенным подъёмом и творчеством. Вспоминаю один из рейсов на НИС «АСК». На итоговой проверке марксистско-ленинской подготовки офицерского состава председатель комиссии с особым удовлетворением продемонстрировал конспекты одного из слушателей. Мы были поражены усидчивости данного товарища, нескрываемого им желания выслужиться перед комиссией, показать себя особенно преданным, как модно было в то время говорить, коммунистической партии и советскому правительству. Каждый его конспект представлял непонятый шедевр законспектированных материалов. На первых страницах красовались до боли знакомые портреты классиков марксизма-ленинизма, Генерального секретаря ЦК КПСС. Далее каллиграфическим почерком выписаны положения Морального кодекса строителя коммунизма. Наиболее важные цитаты подняты цветными фломастерами. Мы же, как китайцы перед портретом кормчего, ошеломлённо смотрели на этот «шедевр» и втайне «завидовали», что не догадались сделать это первыми. Жаль, что закрыт Центральный музей В.И. Ленина. Выставить бы в нём эти шедевры. И может быть кто-то из посетителей, увидев всё это, вспомнил бы и взгрустнул по безвозвратно ушедшему прошлому, а кто-то брезгливо отвернулся бы, осудив беспринципность автора.

О некоторых из нас

Услужливые и угодливые были и среди нас. Их услужливость, умение угодить, нравилась некоторым руководителям и весьма выгодно использовалась в личных целях. Не называя фамилии, вспоминаю одного из них – начальника отделения, связиста.

Как-то И.Н. Поздняков, руководивший одной из групп политических занятий, поручил мне проверить у слушателей группы наличие и качество конспектов. Выяснилось, что один из слушателей занятий вообще не посещал, ссылаясь на заочную учёбу в вузе. Студентом-заочником он не был. Не знаю реакции начальника экспедиции, но этот «студент» политзанятий так и не посещал. Изменить эту ситуацию партбюро не смогло. Наши предложения не нашли поддержки и у заместителя начальника экспедиции по политчасти. А этот «герой» ходил в рейсы, продвигался по службе и даже без высшего образования дослужился до подполковника. Нас же, затронувших его самолюбие, при встречах сторонился и надменно игнорировал. Будучи на пенсии он ни разу не присутствовал на встречах ветеранов.

Другой случай. В штате пункта управления и связи экспедиции (ПУИС) числился один из офицеров. Практически на этой должности он не работал, участия в управлении космическими аппаратами не принимал. За всё время специальных работ на пункте управления видел его несколько раз: то как он курил кубинскую сигару, то как потягивал ароматный бразильский кофе.

Весьма активен был он в другом. Имея международные водительские права, обслуживал все выезды руководства экипажа и экспедиции в иностранных портах, особенно на Кубе. Близость к начальству отрицательно сказалась на его поведении. Увлечение, мягко говоря, спиртными напитками, хамское отношение к женщинам почему-то не замечались или прощались. Я и Ю.И. Рязанцев многократно предупреждали его о недопустимости такого поведения и возможных последствиях. Реакции никакой. Лишь недвусмысленная улыбка и презрение в глазах. Позже, на службе в Управлении, он выводов не сделал и практически не изменился. Открытое высокомерие к равным по службе, услужливость начальству – в нём остались.

Обидно, что такие люди, порой морально разложившиеся, продолжали ходить в рейсы, продвигались по службе. И наоборот, другие, ничем себя не опорочившие, скромные, трудолюбивые без заметного шума списывались ради кого-то другого, более

близкого или предложенного. В такой ситуации оказались В.С. Волков, А.С. Ковтун и другие.

Причина списания В.С. Волкова – больной ребёнок, которому якобы требовался постоянный уход и внимание. О том, что В.С. Волков лишился дополнительного заработка и возможности более качественно лечить ребёнка, никто не думал и во внимание не принимал. Моё мнение игнорировалось, хотя он был моим подчинённым.

Формальным поводом для списания А.С. Ковтуна было его «неудачное» выступление на концерте. Арнольд Сергеевич имел прекрасное музыкальное образование, руководил художественной самодеятельностью, был любимцем коллектива. По служебной линии нареканий не имел. Был начальником отделения программирования. Но была претензия к нему со стороны начальника политуправления И.М. Мартынова, раздражённого содержанием песни, исполненной Ковтуном на концерте, посвящённом окончанию рейса. Слова «поменяем автоматы на гитары» были восприняты И.М. Мартыновым как призыв к разоружению, к несогласию с обстановкой в Вооружённых силах. Оправдание в данном случае было бессмысленно. Судьба А.С. Ковтуна была предрешена. Он был списан. Но не это послужило причиной. Причина – другая. Подходило время присвоения очередного военного звания сотруднику его отделения. Требовалась майорская должность, и он её получил. А как её не получить, если до учёбы в академии этот сотрудник проходил службу на Камчатке под командованием вышестоящего начальника.

А вот исключительно вопиющий случай. Очередной длительный рейс подходил к концу. Усталость личного состава чувствовалась во всём. Начальник экспедиции дал указание соответствующим начальникам организовать просмотр телевизионных программ Центрального телевидения. Техническая возможность имелась, координаты спутника – ретранслятора были известны. Расчёт одной из антенных систем, возглавляемый М.З. Мельниковым, должен был обеспечивать данный просмотр. Продолжалось это недолго. На второй или третий день просмотра одной из программ Центрального телевидения сигнал пропал. Техническому руководителю экспедиции В.В. Лунину пришлось установить причину отказа. Оказалось, что был сознательно закорочен высокочастотный кабель, соединяющий антенну с приёмным устройством. Сделал это Мельников, объясняя свой поступок тем, что его расчёт и лично он устали от этой работы. Чем он руководствовался, трудно объяснить. Ясно одно, что с моралью у этого офицера не

всё нормально. Окажись он в трудных боевых условиях, неизвестно как бы повёл себя.

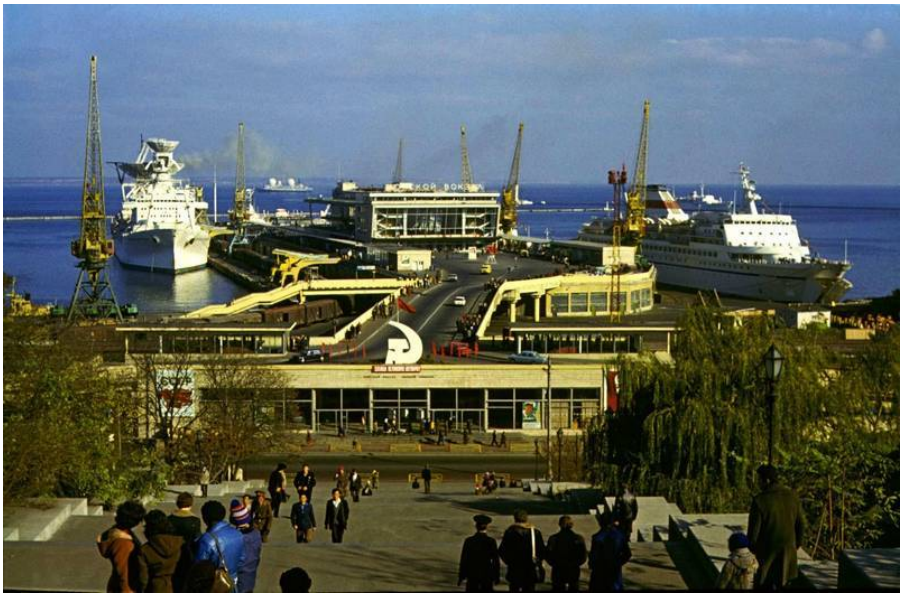
Но в походных условиях его поступок граничил с преступлением. Руководство Службы не сломало судьбу молодого офицера. Взвесив всё за и против, оно дало возможность Мельникову продолжить службу на судах Морского комплекса и дальнейшей примерной службой смыть с себя позорное пятно, не совместимое со званием офицера. Не знаю, как сложилась его дальнейшая судьба, но на встречах ветеранов Морского комплекса он ни разу не был.

Подготовка к рейсу

Выход в рейс НИС «АСК» (Академик Сергей Королёв) был назначен на 17 марта 1971 года. Корабль стоял в порту г. Одессы – месте его постоянной приписки. Для подготовки к рейсу члены экспедиции были собраны на судне за неделю до его выхода. С одной из групп прибыл в Одессу и я. Погрузив свой небольшой багаж во встречавший нас автобус, мы решили пройти по городу.

Стояла отличная весенняя погода. Вымытый талыми водами, он показался нам посвежевшим и более прекрасным. Пройдя по Пушкинской улице, вышли на Театральную площадь, где перед нашим взором во всём своём величии предстало здание Оперного театра, одного из лучших в Европе. Вышли на Приморский бульвар, воспетый многими поэтами и прозаиками в своих бессмертных творениях. Белые акации, почки которых набухли и готовы были порадовать буйным цветением и чуть уловимым ароматом, царственно властвовали не только над бульваром, но и над всей бухтой.

В конце бульвара – Потёмкинская лестница с памятником Дюку в характерной позе – «Вот вам море, а вот вам виза». Вступив на неё, невольно ожили в памяти трагические события в истории города – восстание на броненосце «Потёмкин» и расстрел мирной демонстрации. Кадры сраженной пулей женщины, коляска с её ребёнком, прыгающая по ступеням лестницы, болью отозвались в сердце. Одесса, как она прекрасна и как печальна её судьба!



Одесса. Порт

Одесса. Оперный театр

Позже мне часто приходилось проходить по этим местам, но впечатления об этом городе никогда не ослабевали. С Потёмкинской лестницы открывался величественный вид на бухту, на Морской вокзал, так органично вписавшийся в общий колорит города. Стоящий у Морского вокзала белоснежный красавец, с антеннами – щупальцами, направленными в безмолвное космическое пространство, завораживал и

притягивал. Нахлынувшие чувства и сознание того, что совсем скоро именно на нём я уйду в ещё неизведанную мной океанскую даль, сжимали грудь и учащали биение сердца. Хотелось быстрей вступить на его палубу, слиться с ним и как можно скорее уйти в голубые просторы.

Незаметно пролетели дни подготовки к рейсу. Наступило утро 17-го марта. И вот – торжественные проводы, трогательное расставание с родными и близкими. Поднят трап. Судно, дав три прощальных гудка, медленно, как бы нехотя, отошло от причала и взяло курс на Босфор. Команда усиленно работала. Члены экспедиции, возбуждённые и подогретые расставанием, ещё долго не могли разойтись по каютам. Судно, набирая ход и чуть покачиваясь на небольшой волне, всё дальше и дальше уходило от родных берегов, от города, от знакомого маяка.

Рейс начался – трудный, продолжительный, с огромным количеством впечатлений, немного трагичный.

О вычислительном центре

Если для основного состава экспедиции работа началась с выходом в рейс, то отдел вычислительных средств работал в полную силу с момента окончания ходовых испытаний. Особую нагрузку нёс вычислительный центр. Группа программистов, возглавляемая Яворским В.С., требовала всё больше и больше машинного времени. Программ расчёта целеуказаний на антенные системы корабельного комплекса не было, а срок их сдачи неумолимо приближался. До запуска пилотируемого космического корабля «Союз-11» оставалось чуть больше трёх месяцев.

Вычислительный центр был укомплектован одной ЭВМ «Минск-32». Её надёжность была низкой, что вносило нервозность в работу обслуживающего персонала. Начальник ЭВМ «Минск-32», начальники смен, технический состав, представители промышленности, не считаясь со временем, обеспечивали исправную работу ЭВМ. Группа В.С. Яворского получила столько машинного времени, сколько требовалось для завершения разработки и отладки программного обеспечения.

О группе баллистиков

Об этой группе хочется рассказать особо. Для них не существовало понятия «рабочий день». Они работали круглосуточно, до полной самоотдачи. Ограниченность пространства, морская качка в расчёт не принимались и на итог работы влияния оказать не могли. Такая нацеленность и устремлённость привели к успеху. Буквально несколько дней до запуска космического корабля «Союз-11» с космонавтами на борту В.Н. Волковым, Г.Т. Добровольским, В.И. Пацаевым программное обеспечение, предназначенное для расчёта параметров наведения антенных систем НИС «АСК», было отлажено и сдано в эксплуатацию. Для всех нас это было большой победой, давшей уверенность в успехе предстоящих работ.

В.С. Яворский в 1959 году окончил Севастопольское Высшее военно-морское училище. Два года служил на кораблях Военно-морского флота. В 1961 году в связи с реорганизацией Вооружённых сил СССР и созданием Ракетных войск стратегического назначения был переведён в НИИ – 4 Министерства обороны. В 1963 году с образованием Главного научно-испытательного центра ИСЗ и КА был назначен на должность научного сотрудника.

В.С. Яворский

Лаборатории, возглавляемой В.С. Яворским, была поручена разработка специального программного обеспечения, предназначенного для расчёта параметров наведения антенных систем для вновь строящегося научно-исследовательского судна «Академик Сергей Королёв». Особенностью наведения корабельных антенн являлась необходимость компенсации качки корабля. Для этой цели была выбрана трёхосная система наведения, которая, кроме компенсации качки корабля, позволяла отслеживать космический аппарат в околоземной области без потери связи с ним. Дополнительно к основной работе группе пришлось доработать стандартное математическое обеспечение на ЭВМ «Минск-32», позволившее производить

расчёт элементарных функций.

К разработке указанного программного обеспечения группа приступила ещё в лаборатории, арендуя ЭВМ «Минск-32» в Гидрометеоцентре и других организациях. К моменту выхода НИС «АСК» в рейс эта работа не была завершена. Для завершения работы группа в составе Яворского, Миронова и Жукова была включена в состав экспедиции.

Хочется сказать несколько слов о Володе Миронове. Он был не только прекрасным специалистом, но музыкально одарённым и интересным человеком. Виртуозно играл на гитаре, обладал красивым голосом. К сожалению, он рано ушёл из жизни. Трагически погиб в автомобильной катастрофе. Память о нём жива не только в сердцах его родных и близких, но друзей, товарищей и просто знавших его.

С. Жуков, В. Миронов, А. Базаренко, В. Яворский

Г. Ишханов, В. Яворский, С. Жуков, Г. Шаповалов

С Яворским меня связывала тридцатилетняя дружба, прервавшаяся в декабре 2006 года. Валерий Степанович летом того года тяжело и неизлечимо заболел, перенёс две сложнейшие операции. Организм, измученный тяжёлой болезнью, не выдержал. Валерий Степанович не дожил до наступления Нового 2007-го года шесть часов. Посещая его в последний раз и понимая, что надежды на его выздоровление нет, я всё же надеялся на его исцеление. Валера был открыто рад моему приходу с женой, о чём-то спрашивал и даже пытался шутить. О болезни старался не говорить. В один из моментов он вдруг пожал ослабевшей рукой мою руку и с необыкновенной грустью, присущей обречённому человеку, с осторожным упрёком, потребовавшим неимоверного напряжения последних сил, сказал: «Жаль, Сергей, что последнее время мы редко встречались». Я уловил смысл сказанного им. Что я мог ответить ему на это? Ничего. Да и не требовалось. А если бы и ответил, прозвучало бы ложью, которую он бы понял. Кто мог знать, что болезнь за какие-то два месяца подведёт его к последней черте.

Посещение подходило к концу. Чувствовалось, что Валера очень устал. В какую-то минуту он мысленно ушёл от нас, чуть

вытянувшись, стал блуждающим и безразличным взглядом отыскивать что-то на потолке. Пересохшие и растрескавшиеся губы слегка шевелясь, произносили почти неразборчивые слова. Исхудавшие руки, на которых просматривалась каждая жилка, неподвижно застыли на груди. Лицо, неимоверно измождённое болезнью, с жёлтой и отливающей синевой кожей, выражало смиренность и внутреннее спокойствие. Я в последний раз посмотрел на него, стараясь до мельчайших подробностей запомнить его черты. Вышли мы с чувством скорой потери очень близкого и дорогого нам человека.

Группа дешифровки

К началу рейса стало ясно, что комплекс СТИ-90М в предстоящих работах функционировать не будет. Не будет автоматизированной обработки телеметрической информации и передачи её в реальном масштабе времени в Центр управления полётами. Начальник экспедиции поставил передо мной задачу – сформировать группу ручной дешифровки телеметрической информации и подготовить её к работе по орбитальному комплексу «Союз-11» – «Салют-1». Дело в том, что после запуска космического корабля (транспортный корабль, орбитальная станция и др.) на промежуточную орбиту (апогей 200–280 км, перигей – от 180 км до 210 км, период обращения вокруг Земли – примерно 89 минут) контроль за его дальнейшим полётом осуществляют наземные Командно-измерительные пункты и научно-исследовательские суда Морского комплекса. Из шестнадцати суточных витков наземные измерительные пункты могли обеспечить надёжную связь с КА только на десяти. На оставшихся витках (более 9 часов в сутки) связь с КА обеспечивают научно-исследовательские суда. Информация, полученная Центром управления полётами на этих витках, приобретает особое значение и ценность. В нештатных ситуациях на борту КА только корабельный командно-измерительный комплекс на основании анализа телеметрической информации мог выдать на его борт не только рекомендации, но и, в случае необходимости, команды, обеспечивающие посадку в расчётную точку. От оперативности и качества выданной им в ЦУП информации зависела работа экспедиции в целом. Это понимало руководство экспедиции, понимал и я.

Окончательно группа дешифровки была сформирована с началом рейса. В её состав вошли сотрудники моего отделения и часть операторов отделения телеметрии. Опыта работы по ручной обработке телеметрической информации я не имел. Задача усложнялась ещё и тем, что методических пособий по данному вопросу у меня не было. Пришлось положиться только на себя и на знания специалистов оперативной группы. Предстояло освоить всё самому и научить других.

Работа шла напряжённо и целенаправленно. К приходу на Кубу группа практически была подготовлена. Большую помощь оказал начальник станции приёма и регистрации телеметрической информации В. Чуднов. Магнитная лента с записью телеметрии одного из пилотируемых объектов, взятая им на наземном измерительном пункте, обеспечила тренировку

операторов.

Чуднова я хорошо знал. Работал в контакте с ним пять экспедиционных рейсов. Это исключительно порядочный и отзывчивый человек. Его уравновешенность, спокойствие и терпимость в критических ситуациях поражали меня. А такое было. Особенно запомнилось его достойное поведение в отношениях с начальником отделения Матюшиным, въедливость, мелочность которого я ощутил ещё по институту. Он буквально «душил» Володю придирчивостью, недоверчивостью, навязываемой опекой и контролем во всём.

Характерен такой эпизод. Перед одним из сеансов связи с космическим кораблём «Союз-11» Матюшин потребовал, чтобы дешифровщики проходили к рабочим местам не через аппаратный зал, а между переборкой и стойками аппаратуры. Меня это удивило. Подхожу к нему и говорю: «Ты что, совсем…? Шторм, сильная качка, проход узкий. А если кто-то из операторов получит травму и выйдет из строя, кто его заменит?». Своё распоряжение он отменил. К счастью, после первого рейса этот горе – начальник был с корабля списан.

В. Чуднов в Морском комплексе работал до конца его существования, пройдя путь от начальника станции до начальника экспедиции. Душой коллектива он остался до сих пор. Жаль, что в настоящее время он серьёзно болен. Тяжелейшая операция по удалению почки, приковавшая его почти на год к госпитальной койке, морально не сломила и не подавила физически. Он до сих пор в строю ветеранов и независимо от самочувствия приходит на наши встречи.

Впереди пролив Босфор

Чёрное море, обычно штормящее в это время года, было относительно спокойным. Корабль, форштевнем разрезая свинцовую толщу воды, всё дальше и дальше уходил в непроглядную даль. Кругом было море и небо, плотно затянутое тяжёлыми дождевыми тучами. Только проблески маяка да тревожный крик чаек напоминали, что совсем рядом земля, любимая и родная. Утром следующего дня корабль вошёл в пролив Босфор. Сбавив ход, он медленно, боясь раздавить юркие судёнышки, перевозившие пассажиров с одного берега на другой, горделиво, как бы понимая своё предназначение, скользил по водной глади пролива.

Настроение было приподнятым. Свободные от работ и вахт члены экспедиции и экипажа, вывалив на палубу, любовались открывшейся панорамой Стамбула. Мимо проплывали небольшие набережные, приютившие большое количество магазинчиков, кафе и баров. Повсюду кипела жизнь, незнакомая и притягивающая, расцвеченная витринами дешёвых магазинов и толпами прогуливающихся людей. Хотелось сойти на берег, раствориться в толпе и воочию увидеть прекрасные творения зодчих. Обидно, но в этот раз остановка в этом порту не планировалась.

Во власти Средиземного моря

Пройдя Босфор, Мраморное море, пролив Дарданеллы, Эгейское море, вышли в открытое Средиземное море. Погода была отвратительной. Холодный пронизывающий ветер, смешанный с брызгами солёной воды, сорванной с гребней волн, отпугивал любителей полюбоваться разыгравшейся стихией. На шестые сутки перехода обстановка резко изменилась. Тяжёлые свинцовые тучи, слившиеся с бурлящим морем, предельно ограничили видимость. Кругом ничего, кроме неба и моря, клокочущего, дыбящегося и угрожающего. И только летучие рыбки, испуганные ударами волн, разлетаясь, удивляли своим полётом.

Чем дальше мы шли, тем круче становились волны. Отдельные их накаты били по судну с такой силой, что оно вздрагивало, скрипело и жалобно постанывало, как бы извиняясь за причинённые неудобства. Качка становилась заметнее и ощутимей. Судно, всё чаще и чаще зарываясь в провалы волн, рвало и разбивало их, поднимая огромные массы воды, заливавшей бак. Отдельные удары волн были такой силы, что мы стали опасаться за аппаратуру. К счастью, всё обошлось. Мер, принятых при строительстве судна, оказалось достаточно для надёжного крепления аппаратуры и обеспечения надёжности её работы.

О морской болезни

Я не был «просоленным» моряком, прошедшим тысячи миль по морям и океанам. Для меня это был первый океанский поход, первая проверка на прочность и способности не только выжить в труднейших морских условиях, но и с честью выполнить возложенные на меня задачи.

Качка стала «не нравиться» и мне. В полную силу я ощутил её, поднявшись на капитанский мостик, где располагалась аппаратура спутниковой навигации. В первую минуту у меня было такое ощущение, что я нахожусь в каком-то гнезде, раскачиваемым ураганным ветром. Мой подчинённый Хакимов, инженер по обслуживанию аппаратуры спутниковой навигации, воспринимал качку спокойно, даже наслаждался ею. Войдя в рулевую, я невольно был поражён величественной панорамой штормового моря. Но долго находиться на ходовом мостике и любоваться открывшейся красотой я не мог. Какая-то слабость, подступающая тошнота, боязнь «опозориться», показаться морским «слабаком», гнали вниз, туда, где меньше всего качало. Позавидовав рулевому матросу и Хакимову, я удалился с надеждой на хорошую погоду.

Св. София

Пролив Босфор

С точки зрения «морской болезни» я был середнячком, каких абсолютное большинство. Многие качку переносили легко, можно сказать, не замечали её. Другие переносили не просто трудно, а болезненно трудно. Из своего опыта могу сказать, что к морской болезни, если тебе не дано, привыкнуть нельзя, сколько бы ты не ходил в плавание. Её можно слегка ослабить, подавить, научиться терпеть и не замечать. Способов много, но какой подойдёт именно тебе – это вопрос. Об одном надёжном способе расскажу. Он проверен не только мной, но и многими моряками, в той или иной степени страдавших морской болезнью. Мной он использовался очень редко и только в тех ситуациях, когда организм, уставший от постоянной неослабевающей качки, отказывался принимать не только пищу, но и воду.

Способ банально прост. Заканчивается 12-часовая суточная работа. Выдана в ЦУП последняя информация и получено разрешение на отдых. Наконец-то можно расслабиться и выйти из состояния тошнотворного покачивания и наваливающейся слабости. Саша Казорин, ожидая меня в своей каюте, не на столе, а на раскрытом футляре аккордеона сервировал стол – две небольшие рюмки чистого спирта и кусочки сахара-рафинада на закуску. Сделан первый заход. Проходят три – четыре минуты ожидания чуда. Обжигающая горечь спирта постепенно ослабляется съеденным кусочком сахара. Ещё несколько минут – и изматывающая тяжесть в желудке и приступы тошноты бесследно исчезают. Сделан второй заход. Ещё пять минут

ожидания, и усталость как рукой снята. Настроение поднято. Хочется быстрее лечь в кровать и наконец-то выспаться. Эта процедура действовала безотказно. Проснувшись после глубокого и спокойного сна, чувствовал себя бодрым и готовым к очередной длительной и напряжённой работе.

На квасок и сальце

День угасал. Спустившаяся темнота закрыла видимость. И только бортовые огни вырывали из кромешной темноты огромные волны и широкие ленты пены. Пройдя по нижней палубе, я вышел на корму. Дверь была приоткрыта. Матрос сжигал какой-то мусор в бочке, прикреплённой к леерам за кормой. Огонь, сдуваемый порывами ветра, то затухал, то вновь поднимался, дробясь на огромное количество искр. Широкая полоса фосфорисцирующей воды за кормой, перемолотая и успокоенная винтами, буквально в нескольких метрах от корпуса судна накрывалась разбушевавшимися волнами. Насладившись прохладой и необыкновенной свежестью морского воздуха, я вернулся в каюту. Чистота, хрустящая белизна постельного белья располагали к отдыху. Но отдыхать не хотелось. Да и что это за отдых, когда твоё тело буквально ползает по койке. Хотелось быть в коллективе, хотелось общения, хотелось слушать и быть понятым и услышанным.

Я направился ко второму механику. С ним у меня сложились дружеские отношения ещё с ходовых испытаний. Он был старше меня. Исходил на различных судах многие моря и океаны. В это время он нёс вахту. Спустившись в машинное отделение, я подошёл к нему, чуть уставшему и вспотевшему. Увидев меня, он с нескрываемым сочувствием и доброй улыбкой спросил: «Ну что, Сергей, плоховато?». «Да нет» – бодрясь, ответил я. А самому было стыдно и неудобно за маленькую ложь. «Брось, вижу по твоему лицу» – сказал Владимир Иванович. «Не отчаивайся, первый шторм всегда переносится трудно».

Положив мне на плечи тяжёлую промасленную руку, как-то по-отечески сказал: «Пойдём, вылечу». Поднявшись в каюту, он угостил меня солёными сухариками с украинским салом и охлаждённым квасом, настоянным на горьком перце. Попробовал. Квас действительно был вкусным и терпким. Пузырьки газа, поднимавшиеся струйкой со дна запотевшего стакана, ударив в нос, взбодрили и освежили. Я с жадностью выпил один, затем и второй стакан. Влага, разлившаяся живительной прохладой внутри моего тела, сначала ослабила, а затем и погасила гнетущее чувство тяжести и тошноты. Трудно поверить, но я буквально ожил и повеселел. Захотелось немедленно вырваться на палубу, подставить грудь пронизывающему ветру и крикнуть стихии: «Давай. Бесись. Бесполезно! Лучше отступи и смирись. Человек и его творение сильнее тебя!».

Позже, работая в сороковых северных широтах, я частенько

заходил к Владимиру Ивановичу поднять свой жизненный тонус, побеседовать, расслабится и просто отдохнуть.

Шторм в 6–7 баллов свирепствовал недолго. Через двое суток погода заметно улучшилась. Всё чаще и чаще в разорванных облаках стало появляться солнце, по-весеннему яркое и теплое. Ветер стих, море постепенно успокоилось. И только небольшая зыбь – отголосок прошедшего шторма, мягко, как бы успокаивая судно, ещё долго валяла его с одного борта на другой.

Жизнь на судне заметно ожила. Любители – козлятники с азартом забивали в домино. Кто-то активно занимался спортом. Столовая, почти пустовавшая в последние дни, заполнялась народом. Всё говорило о том, что люди, впервые столкнувшиеся с разбушевавшейся морской стихией, спокойно выдержали испытание и все были уверены, что трудности предстоящего рейса перенесут достойно.

Гибралтарский пролив. Курс на Канары

Примерно на восьмые сутки перехода «Академик Сергей Королёв» вошёл в Гибралтарский пролив. Справа был виден порт Гибралтар, приютившийся у самого подножья скалы, слева – очертания африканского берега с едва уловимой грядой невысоких гор и портом Сеута. На выходе из пролива стайка дельфинов, неожиданно появившихся под носом судна, играя и резвясь, ещё долго провожала нас, указывая курс на Канарские острова. Наигравшись и устав, они, прощально выскочив из воды, синхронно, как истребители на авиационном шоу, веером разошлись и скрылись в пучине океана.

Люди, уставшие от неприветливого и штормящего Средиземного моря, с огромным желанием выходили на верхнюю палубу, грелись в ласковых лучах тропического солнца и теплого бриза, купались в бассейне, наслаждаясь прозрачностью и свежестью океанской воды.

Двое суток перехода – и мы на подходе к острову Гран-Канария с портом Лас-Пальмас. Лоцманского катера ждать не пришлось. Он ожидал нашего подхода на внешнем рейде. Приняв на борт лоцмана, судно медленно вошло в порт и пришвартовалось к причалу. Небольшой грузовичок с продуктами, расписанный броской рекламой, терпеливо ожидал нас у места швартовки.

В этот заход увольнение в город не планировалось. Лишь небольшая группа «бывалых» сошла на берег для ознакомления с обстановкой и закупки канцелярских принадлежностей.

Заправившись горючим, питьевой водой, загрузив продукты, НИС «Академик Сергей Королёв», не успевший отдохнуть от первого своего перехода, неохотно отвалил от причала и взял курс на Кубу. С этого момента неузнаваемо изменился рацион питания. Зелень, различные фрукты, йогурты, куры, свежее мясо и многое другое постоянно подавались на стол.

Канарские острова

За двенадцать лет океанских походов мне довольно часто приходилось заходить на острова Гран-Канария и Тенерифе. И каждый заход в порты Лас-Пальмас или Санта-Крус ожидался с большим нетерпением. Исключительно ласковое солнце и мягкий климат располагали к отдыху и длительным прогулкам.

Канарские острова – удивительное создание природы. Исключительно мягкий и умеренно влажный климат привлекают туристов всего мира на отдых. Доиспанская архитектура, старинные орденские замки, современные модернистские постройки, встречаются буквально на каждом шагу. С высоты птичьего полёта открывается прекрасная панорама на океан и череду бесконечных пляжей с первоклассными отелями, на горы и кратеры потухших вулканов, на дивные сосновые леса.

Особой популярностью у туристов пользуется остров Тенерифе с его действующим вулканом Тейде. Туристическая поездка к кратеру вулкана изобилует множеством впечатлений, которые остаются в памяти навсегда. Будучи на острове Тенерифе, от поездки на вулкан отказаться нельзя. Она не утомительна. Комфортабельный автобус по дороге, серпантином вьющейся вокруг острова, доставит вас к кратеру потухшего вулкана, который впечатляет своей необычной красотой и огромными размерами. Буквально на самой кромке кратера расположена смотровая площадка с небольшим магазинчиком и площадкой для отдыха. Вежливые и внимательные продавцы предложат ароматный кофе, прохладительные напитки, широкий выбор сувениров и дешёвого бренди.

Дорога, пробитая между нагромождениями застывшей лавы, с каждыми метрами подъёма открывает прекрасные виды на узкие прибрежные полосы земли, отвоёванные у вулкана и обжитые людьми, на океан изумрудной синевы, незаметно сливающийся на едва уловимом и размытом дымкой горизонте с голубым и бездонным небосклоном. На лучшем курорте Коста-Адехе отдыхают мировые звёзды кино, шоу-бизнеса, видные политические деятели и бизнесмены. Особой популярностью пользуются замок Сен-Мидель с его рыцарскими турнирами, зоологическим и ботаническим садами Лоро-Парка.

На островах вместе с коренными жителями гуанчо проживают португальцы, испанцы, англичане, берберы. Островитяне очень бережно хранят национальные традиции. Особо популярна народная музыка. Традиции сохраняются не только в музыке. Местные мастерицы плетут легкие и воздушные кружева, делают

очаровательные цветы 6из лент. Мужчины старинным способом изготавливают особую керамику. Сделанная вручную, без гончарного круга, по старинной технологии – она необычно красива и пользуется большим спросом.

Островитяне – прекрасные кулинары. Умело приготовленная только что выловленная рыба, нежнейшая свинина и маринованная козлятина, лёгкое и ароматное местное вино придутся по вкусу самому разборчивому гурману.

Курс на Кубу

Рейс продолжался, подчинённый распорядку дня, который был традиционен для морского флота:

8 часов утра – завтрак со свежей булочкой или бутербродом, кофе или фруктовым напитком;

12 часов – полдник, более плотный, с мясным блюдом и десертом;

14 часов – обед, профессионально приготовленный поварами, ранее работавшими в лучших ресторанах города Одессы;

19 часов – ужин, весьма обильный и калорийный;

22 часа – вечерний чай, молоко или кефир.

Кормили, как говорится, на «убой». Особенно это чувствовалось после захода в порт Лас-Пальмас. В рационе ежедневно были фрукты, овощи, свежая зелень. Иногда радовали нас мороженым.

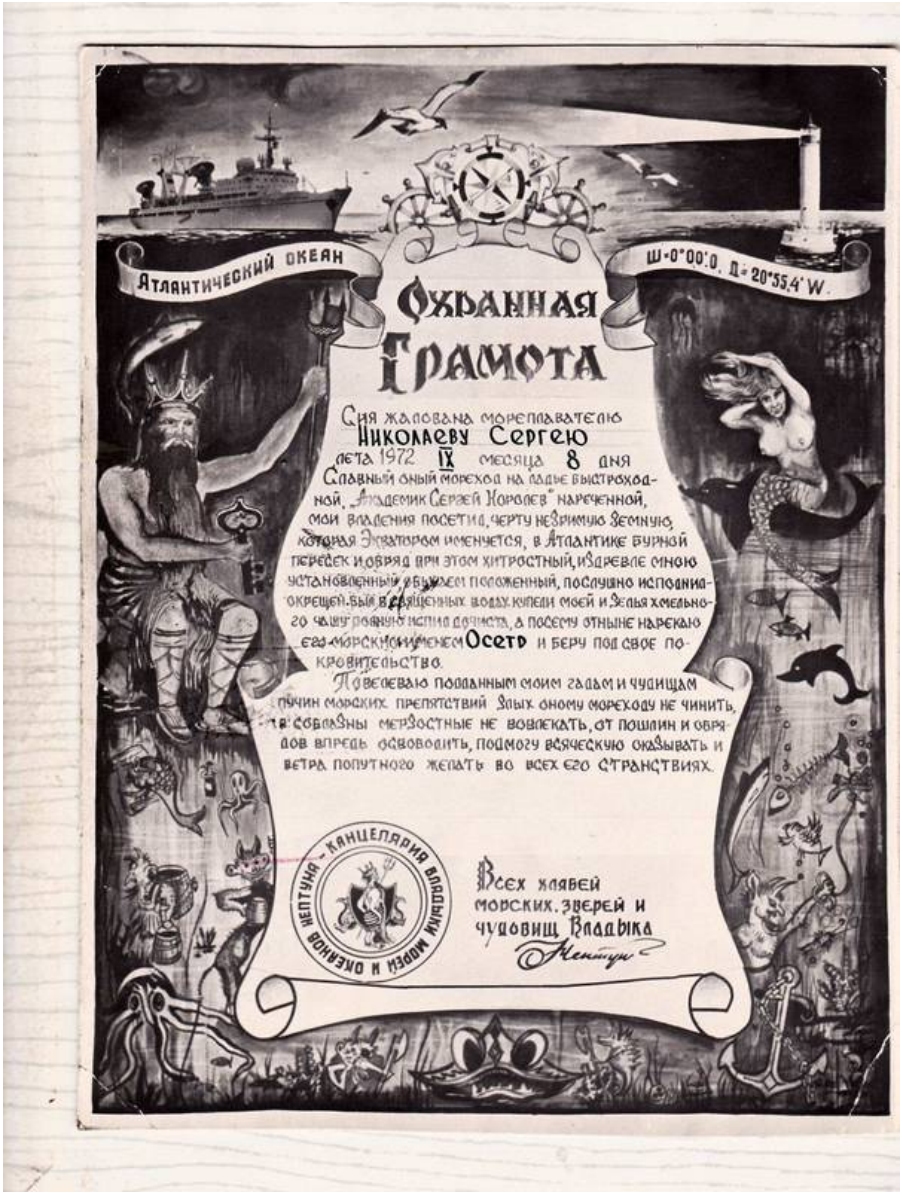
Для отдыха на судне были созданы идеальные условия. Спортивный зал позволял заниматься тяжёлой атлетикой, баскетболом, мини-футболом. В зимнем бассейне, переоборудованном под волейбольную площадку, спортивные страсти не затихали ни на день. Особой любовью пользовался открытый бассейн, забортная вода в котором циркулировала круглосуточно. Любители интеллектуального отдыха могли найти занятие по душе в прекрасно оборудованном музыкальном салоне и салоне отдыха. Судовая библиотека располагала большим количеством как современной, так и исторической художественной литературы.

Дни бежали размеренно и монотонно. Лишь иногда на горизонте появлялся корабль, спешащий доставить груз или пассажиров в очередной порт, или одинокий парус смельчака-самоубийцы, отважившегося в одиночку пересечь океан. А в основном – океан воды и прекрасное, особенно ночное небо, рассечённое Млечным Путем и усыпанное мириадами звёзд с загадочным созвездием Южного Креста.

Заканчивался почти месячный переход. Как-то утром, ещё не отойдя от сна и нежась в постели, я почувствовал, что судно резко сбросило ход. Невольно промелькнула мысль – подходим к Кубе. Боясь пропустить так долго ожидаемый момент, я буквально выскочил на палубу. Впереди на горизонте виднелся остров с очертаниями строений и огромные кучевые облака, подсвеченные ласковыми лучами восходящего солнца. С десяток различных судов, разбросанных на внешнем рейде, томительно ожидали захода в порт.

Дружественная Куба

День Нептуна


Атлантический океан
Ш-0°00'0. Д-20°55,4' W.
Охранная
Грамота
Сия жалована мореплавателю
Николаеву Сергею
лета 1972 IX месяца 8 дня
Славный оный мореход на ладье быстроходной, „Академик Сергей Королев" нареченной,
мои владения посетил, черту незримую земную,
которая Экватором именуется, в Атлантике бурной
переплеск и обряд при этом хитростный, издревле мною
установленный, обычаем положенный, послушно исполнил
окрещен был в священных водах купели моей и зелья хмельного
чашу полную испил до дна, а посему отныне нарекаю
его морским именем Осетр и беру под свое покровительство.
Повелеваю подданным моим гадам и чудищам
морским препятствий всяких оному мореходу не чинить,
в соблазны мерзостные не вовлекать, от пошлин и обрядов впредь освободить, попутного ветра всячески желать и
ветра попутного желать во всех его странствиях.
Канцелярия Повелителя Океанов Нептуна Владыки Морей и Океанов
Всех хлябей морских, зверей и чудовищ Владыка
Нептун

Царь морей

С каждой минутой эти очертания становились всё отчётливей и реальней. Наконец показалась береговая кромка с крепостью, возвышающейся над входом в порт. Гавана, как прекрасный белый лебедь, распластавший свои крылья, горделиво и грациозно царствовала над бездонной синевой вод. Томительные минуты ожидания – и вот катер, то зарываясь, то выскакивая на гребни едва ощущаемых волн, доставил лоцмана на борт. Чуть набрав ход, судно медленно вошло в канал, а затем и в порт. Справа

открылась прекрасная панорама старой Гаваны с замками, крепостями и скверами, слева – высокий пустынный берег с огромной статуей Иисуса Христа. Немного ожидания и судно пришвартовано к причалу. Первое, что бросается в глаза – это большое количество судов, стоящих под разгрузкой. Рядом на причале – гора сахарного песка, лежащего прямо под открытым небом. Что будет с ним? Это же тропики, сезон дождей не за горами. А это значит, что изнуряющий труд тысяч крестьян, почти не оплаченный, пущен на ветер.

Наконец соблюдены все портовые формальности. Оперативная группа, возглавляемая Виктором Благовым и ожидавшая нас в одной из гостиниц Гаваны, прибыла на борт. В составе группы были космонавты Ю.П. Артюхин и А.П. Куклин. В этот же день мы получили всю необходимую документацию.

Прошло более тридцати лет, а воспоминания о Кубе свежи до сих пор. Даже этот срок не ослабил моей любви и уважения к этой стране и его гордому и свободолюбивому народу, с которым за 12 лет познакомился близко и имел друзей.

Потеря на долгие годы связи с Кубой болью отозвалась в сердцах людей, долгие годы работавших на ней и хорошо знавших её. Я понимал, что значило для кубинского народа экономическая блокада и отсутствие всесторонней помощи со стороны России и бывших социалистических стран. Но не мог понять руководителей моей страны, так легко и просто отказавшихся от неё и бросивших её на произвол судьбы.

Впервые на Кубе

Впервые я попал на Кубу в конце тревожного 1962 года. Группа советских специалистов, в составе которой были и преподаватели нашего Учебного центра, была направлена на Кубу для оказания помощи в постановке на боевое дежурство первого зенитно-ракетного полка.

Перелёт, длительный переход, короткая официальная встреча – и мы в расположении войсковой части. Командир полка, который проходил переподготовку в нашем Учебном центре, предложил охлаждённые напитки и фрукты.

Короткий отдых, и мы уже на боевой позиции, расположенной в 50 километрах от Гаваны. К тому времени основные земляные работы на позиции были завершены. В глубоких аппарелях стояли кабины «А» и «У». Кабина «П» и три прицепа с антеннами находились на подготовленной площадке. Мне предстояло оказать помощь в монтаже антенн и настройке аппаратуры кабины «П». Шесть пусковых установок, замаскированных под местный ландшафт, настороженно выглядывали из-за невысоких брустверов. И только океан, спокойный и бездонно синий, как и небо, жил не зависящей от людей жизнью. Не хотелось верить, что где-то, совсем рядом затаилась угроза, готовая в любую минуту разорвать тишину и повергнуть остров в очередной очаг военного пожара.

Задача стояла сложная – оказать помощь в подготовке зенитно-ракетного полка к постановке на боевое дежурство. Работали, в основном, ночью. Но даже и днём, когда температура воздуха в кабинах поднималась выше 50 градусов, рабочих мест никто не покидал. Спуститься к океану, близкому и манящему, способному освежить и снять накопившуюся усталость, в той обстановке не разрешалось. Несколько суток изматывающей работы – и комплекс был готов к выполнению боевой задачи.

Мы же, после очень тёплых и непродолжительных проводов, отбыли на Родину. Прощай Куба, которую практически не увидел.

Немного о Кубе

Она расположена на островах Куба, Пинос и других небольших островах Атлантического океана, Мексиканского залива и Карибского моря.

Города Гавана, Сантьяго-де-Куба, Тринидад и другие возникли после испанской колонизации (конец 15-го века). Особенность этих городов – это одно-, двух- и трёхэтажные каменные дома, построенные под влиянием испанского и мексиканского зодчества барокко, с внутренними двориками – патио, деревянными и металлическими решётками на окнах и балконах.

Среди достопримечательностей Гаваны выделяются крепости Эль-Моро, Ла-Кабанья, Ла-Пунта, Пласа-де-Армас с Муниципалитетом и Домом почты.

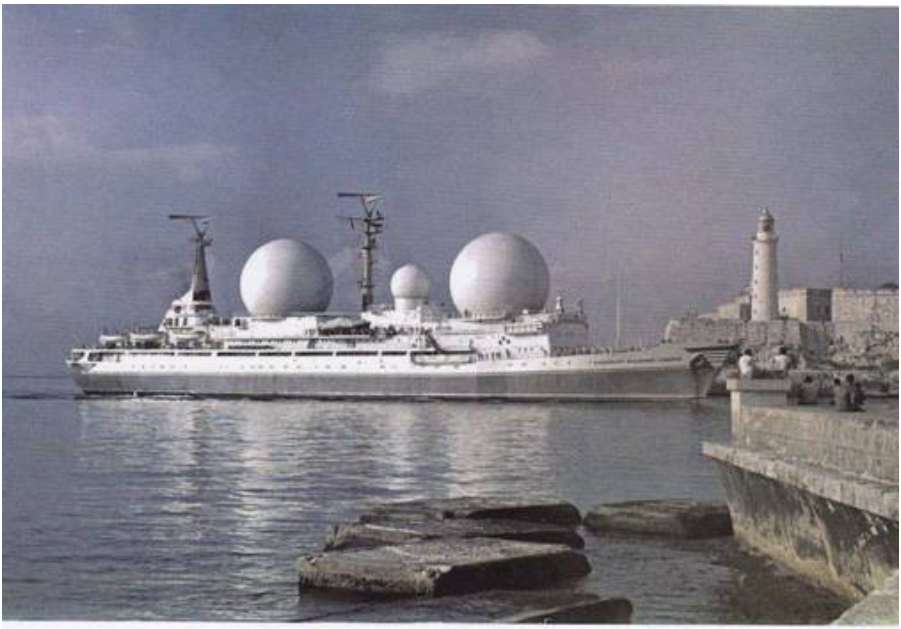
С победой революции Фиделя Кастро в 1959 году, Куба заметно обновилась. Выросли благоустроенные районы с жёлто-белыми домами, школами, детскими садами, культурными центрами. Построен огромный жилой массив Гавана-дель-Эсте, Санта-Клара, сельскохозяйственные кооперативы в Сьенфуэгосе, Камило, Лос-Пиносе, университетский городок, национальный центр научных исследований и другие. В 60–80-х годах была создана широкая сеть художественных школ, больниц, медицинских и научных центров, спорткомплексов и зон отдыха. Большой популярностью у кубинского народа пользуются парк имени В.И. Ленина, дворец спорта, зоопарк и многое другое.

О Гаване можно говорить много. Гавану надо видеть, Гавану нужно знать. Увидев, я был потрясён её красотой и, в то же время, поражён её бедностью. Буквально на каждом шагу встречались обветшалые дома, старенькие автомобили, порой без стёкол и дверей, выбитые витрины пустых магазинов, стайки детей, не дающих прохода и просящих пару сигарет для «папа» и «мама», длинные очереди людей, ожидавших обедов у импровизированных столовых.

Гавана

Гавана

Куба. Пляж



Гавана, Куба

Сьенфуегос, Куба

Куба. г. Гавана
Куба. г. Сьенфуегос

Памятник Хосе Марти

Но была и другая Куба – работающая и производящая, культурная и отдыхающая. Жаль, что на деньги, полученные за труд, негде и нечего было купить: не было магазинов, не было товаров. Карточная система господствовала во всём. Однако хоть как-то, но государство обеспечивало каждого, даже неработающего, продовольствием и предметами первой

необходимости. Из-за отсутствия туристического бизнеса не приносили дохода всемирно известные курорты Санта-Мария и другие. Огромное историческое, культурное и научное наследие фактически не было востребовано. Экономика страны в условиях полной экономической блокады была фактически парализована. Куба жила в долг, предоставляемый дружественными странами, который ежегодно нарастал как снежный ком.

И только с 1975 года в городах и посёлках стали открываться небольшие магазинчики, ассортимент товара в которых был унизительно скромен. Устаревшие телевизоры и холодильники советского производства, одежда и обувь, давно вышедшие из моды, пользовались у кубинцев спросом и раскупались мгновенно.

Несмотря на всё это, не было ощущения, что дух кубинского народа сломлен, подорвана его вера в правительство и проводимые реформы. Наоборот, во всём чувствовался революционный порыв и желание сделать свою страну более красивой и богатой.

Режим «военного времени» надёжно обеспечивал необходимый общественный порядок, которому могли позавидовать многие развитые страны. За многие годы пребывания на Кубе я не видел беспризорных детей, толпами бродящих по городу, оборванных нищих и безнадёжных алкоголиков. О грабежах и разбоях вообще не было речи. Любой антиобщественный поступок, тем более – хулиганство, коррупция, кража, оскорбление и унижение личности расследовались и карались незамедлительно. В короткое время была ликвидирована проституция, захлестнувшая буквально всю страну. Только в Гаване были арестованы и высланы на остров Пинос свыше 30 тысяч жриц любви. Он стал их тюрьмой, его табачные фабрики – местом постоянной работы.

В особо тяжёлом положении Куба оказалась после развала СССР. Экономическая помощь, сплошным потоком поступавшая от СССР и других социалистических стран, практически прекратилась. Куба оказалась на грани экономической катастрофы. Нужно было искать выход. Искали и находили. Нет нефти из Москвы? Фидель Кастро пригласил арабских специалистов и сказал: «Ищите нефть, озолочу». В короткий срок она была найдена. Хоть и низкого качества, но она почти полностью обеспечивает всю кубинскую энергетику. Был решён вопрос и экспорта сахара. Правительство резко снизило на него цену. Результата долго ждать не пришлось. Российские бизнесмены буквально бросились за ним. Оказалось, что доставлять сахар с Кубы намного дешевле, чем привозить его с

соседней Украины.

В последние годы быстро развивается туризм. Благодатный климат, тропическая экзотика привлекают ежегодно до трёх миллионов туристов из Испании, Франции, Германии, Канады, оставляющих до двух миллиардов долларов. Для экономики страны с десяти миллионным населением это более чем огромная сумма.

Поражают успехи Кубы в области медицины. Знаменитая вакцина от менингита производится только на Кубе. Кубинскими учёными разработаны средства для лечения гепатита «В». Трудно поверить, но даже сегодня, когда живущие в нищете кубинцы, проклиная перспективы социалистического строя, давятся в очередях, дабы отоварить продуктовые карточки, многочисленные кубинские лечебницы и санатории за символическую плату успешно лечат тысячи больных раковыми заболеваниями. Пациенты едут со всего света. За последние десять лет бесплатно на Кубе лечились 18 тысяч маленьких граждан России и Украины.

«Отцом» кубинского здравоохранения считается знаменитый революционер Че Гевара, когда-то владевший популярной дешёвой клиникой в Аргентине. Именно он, врач по образованию, начал реформы, со временем превратившие страну в лидера здравоохранения всей Латинской Америки. Рецепт был прост – как бы тяжело не было стране, «срезать» выделяемые на здравоохранение деньги категорически запрещалось. Результаты – ошеломляющие. Если в 1958 году на Кубе было всего 3 тысячи врачей, то сейчас в сфере здравоохранения работают свыше 350 тыс. человек. Детская смертность составляет лишь семь человек на тысячу (в России для сравнения – восемнадцать). Средняя продолжительность жизни островитян приближается к 80 годам (при режиме Батисты большинство кубинцев едва доживали до шестидесяти). На Кубе развита и сложнейшая микрохирургия глаза, и успешное лечение рака груди. Созданные институтом генетики и биотехнологий сверхсложные вакцины позволяют методом пересадки мозговых клеток лечить болезнь Паркинсона.

Принимаемые правительством Кубы меры по выводу страны из экономической нищеты пока не дают желаемого результата. Жизнь, как и прежде, довольно тяжела. Средняя заработная плата составляет десять – двадцать долларов. Действующая карточная система не обеспечивает потребности населения. В 1995 году был проведен эксперимент – открыли частные кафе, рестораны, столовые. Частники стали получать хорошую прибыль. Правительство терпело это недолго – конкурентов

государственного общепита вскоре почти всех прикрыли, объяснив это тем, что «заработки их владельцев противоречат принципам социализма и расширяют пропасть между трудящимися, порождая нездоровую зависть». И всё стало, как прежде: «Социализмо о муэрте!» (социализм или смерть).

Но Куба живёт, поёт и танцует. Фидель Кастро жёстко держит власть в руках несмотря на солидный возраст. Он не ездит на дорогих лимузинах и на фоне других лидеров является довольно скромным человеком. Его портретов не увидишь нигде – только лица лидеров первой кубинской революции Хосе Марти и Че Гевары.

О пожаре на траулере

В порту Гавана рядом с нами был пришвартован только что закупленный Кубой и готовящийся к выходу в свой первый рейс рыболовный траулер. Неожиданно в носовом отсеке судна возник пожар. Горели целлофановые мешки, предназначенные для упаковки рыбы. Пожар команда судна тушила самостоятельно, но сил и средств не хватало. От предложенной нами помощи по непонятным причинам кубинцы отказались.

Пожар распространялся быстро. Горел ходовой мостик, горели надстройки. Спустя некоторое время пламя охватило машинное отделение. Стало ясно, что команда судна с пожаром не справится. Судно погибало на наших глазах.

Наконец кубинцы попросили помощи, но было поздно – огонь распространился по всему судну. Мощные струи воды и пены, направленные с нашего корабля на обречённое судно, не только справились с разбушевавшимся пожаром, но и затопили его прямо у причала.

Этой трагедии могло не быть, если бы не беспечность и самоуверенность капитана судна и старшего помощника. Позже они были осуждены и расстреляны. Многие члены экипажа были приговорены к длительным срокам тюремного заключения. Затопленный траулер ещё долгие годы оставался на месте и напоминал о разыгравшейся трагедии.

Первое знакомство с Гаваной

Наступило утро долгожданного дня, и первые тройки экскурсантов потянулись в город. Несколько групп, в числе которых была и моя, ожидали автобуса, который должен был везти нас по маршруту: старый город – музей Э. Хемингуэя – океанариум.

К назначенному времени подъехал автобус, экскурсионным который назвать было трудно. Скорее он напоминал музейный экспонат, побывавший в боях на Плайя-Хероне. Но мы были рады и этому. Разместившись, наконец-то тронулись в путь. Автобус, продуваемый лёгким сквознячком, медленно, как бы давая нам лучше вглядеться в достопримечательности города, колесил по узким улочкам, почти безлюдным и унылым. Стояла нестерпимая жара. Город, живущий ожиданием сезона дождей, буквально задыхался от смога, распространявшегося с горящей городской свалки. Деревья, кустарники, опалённые лучами тропического солнца, с пожухшей листвой и кое-где сохранившимися цветами, усиливали картину бедности и запустения. И только в скверах и садиках, орошаемых искусственным поливом, природа буйствовала, радуя изумрудной зеленью газонов и прекрасной россыпью цветов.

Увлечённые разнообразием архитектуры города, красивейшей набережной Моликон, мы незаметно подъехали к дому-музею Э. Хемингуэя. Это был небольшой двухэтажный особняк, утопающий в зелени пальм и разнообразных деревьев, с верандой и башенкой, с которой Э. Хемингуэй, очевидно, подолгу всматривался в безграничное звёздное небо. Слева от дома, отдыхая от пройденных штормовых миль, застыл на вечной стоянке его катер. Рядом – могильные плиты любимых и преданных ему собачек. Одна из комнат – рабочий кабинет с небольшим письменным столом и внушающим количеством книг. На стенах – красиво оформленные чучела различных животных. На небольшой башенке, пристроенной к дому, одиноко скучал телескоп. Когда-то его хозяин в минуты отдыха подолгу всматривался в завораживающее своей красотой и таинственностью небо, отыскивая в мириаде застывших на его небосклоне звёзд свою звезду.

Присев за плетёный столик со стеклянной крышкой, я невольно стал вспоминать то немногое, что знал о Э. Хемингуэе. Но безжалостно короткое время, отведённое для посещения музея, предательски подошло к концу. Поблагодарив работников музея за интересный рассказ, мы продолжили экскурсию.

У советского посольства

Возвращаясь на судно, мы остановились у Советского посольства. Оно занимало один из красивейших особняков, очевидно принадлежавший ранее какому-то американскому миллионеру. Бело-голубой, украшенный тонкой и ненавязчивой лепниной, утопающий в зелени и цветах, за высокой кованой оградой, он напоминал сказочный замок, в котором должны были жить добрые и отзывчивые люди. Но, увы! К нам никто не вышел, не поинтересовались, не пустили.

Откуда такая гордость и заносчивость? К сожалению, работникам посольства это было свойственно. Если чуть выделился, на ступеньку выше поднялся, лучше пристроился – прощайте, друзья, прощайте, знакомые. О помощи им не могло быть и речи. Кто они – посольские работники: служащие, охрана, их жёны? Ничего особенного, многие из них просто не представляли интереса. Минимальная зарплата, экономия на всём. И всё это ради того, чтобы потом, чуть приодевшись и прикупив чего-то заморского, блеснуть в Союзе завидным статусом дипломатического работника.

Позже эти посольские считали за счастье побыть на нашем судне, получить в подарок хотя бы селёдку и чёрный хлеб.

В каждом последующем рейсе НИС «Академик Сергей Королёв» посещал Кубу минимум дважды. За эти годы мне удалось познакомиться не только с историческими местами Кубы, но и простыми кубинцами, гордыми и свободолюбивыми. Встреч было много, интересных и запоминающихся. Это и длительные стоянки в бухте Сьен-Фуэгос, остров «Аврора», всегда предоставляемый нам для отдыха. Это встречи в Научном центре и университете, позволившие лучше узнать кубинскую молодежь и студентов, их настроение, отношение к настоящему и мысли о будущем Кубы.

Особо незабываемыми были встречи с простыми людьми и детьми, доверчивыми и любознательными, в глазах которых читалась искренняя любовь и особое уважение к русскому человеку. Хотелось отблагодарить их за эти чувства. Благодарили, одаривали чем могли – кто сувенир, кто скромный подарок, а кто просто ласку, сочувствие и внимание.

Каждый раз перед заходом на Кубу я старался запастись небольшими подарками. Пять – десять долларов, потраченных на них, не могли ощутимо сказаться на моём бюджете. Радость и безмерная благодарность, с которой принимались эти подарки – незабываемы.

Переход Гавана – Галифакс (Канада)

Незаметно пролетели дни, предоставленные нам для отдыха и подготовки к работе. Соблюдены все портовые формальности, и судно, взмутив подруливающими устройствами покрытую толстым слоем мазута воду, медленно отошло от причала. Прощай, Гавана, гостеприимная и полюбившаяся, с узкими улочками и печально известными крепостями, ставшими последним пристанищем для многих борцов за свободу и независимость. Впереди – длительная и трудная работа, трагичность исхода которой предвидеть никто не мог.

Океан встретил нас безветрием и полным штилем. Догоравший закат, порадовав «умопомрачительной» игрой света и теней, предвещал хорошую погоду.

Несколько часов хода Флоридским проливом, и на ночном горизонте стал медленно вырисовываться город Майами, обильно подсвеченный неоновой рекламой. Там, на берегу, текла ночная жизнь, заманчивая и неизвестная, полная надежд и разочарований. Несмотря на поздний час, не хотелось прощаться с открывшейся красотой и свежестью ночного воздуха.

Жизнь на судне постепенно вошла в свою колею. На системах комплекса проводились автономные тренировки, слаживались расчёты. Заканчивалась отладка программ расчёта целеуказаний. В группе ручной обработки продолжалась напряжённая работа по изготовлению более двухсот шаблонов дешифровки ТМ-информации.

На третьи сутки перехода океана начал проявлять свой нрав. Небо, затянутое плотной пеленой туч, ограничивало видимость. Попутная волна с каждым часом становилась круче, раскачивая и подгоняя судно. Параллельным курсом на предельно близком расстоянии от нас шёл военный корабль береговой охраны США. Иногда, буквально в нескольких десятках метрах от корпуса судна, появлялся перископ идущей параллельным курсом подводной лодки. На всём протяжении перехода американские и канадские самолёты делали облёт и фотографирование судна.

Работа по космическому кораблю «Союз-10»

На исходе пятых суток мы прибыли в расчётную точку и включились в работу по космическому кораблю «Союз-10», запущенного на орбиту 23 апреля 1971 года. Предстояла стыковка космического корабля «Союз-10» с орбитальной станцией «Салют-1», запущенной ранее – 24 апреля. Подведя в автоматическом режиме космический корабль к орбитальной станции, космонавты В.А. Шаталов, А.С. Елисеев и Н.Н. Рукавишников осуществили стыковку. Переход космонавтов на орбитальную станцию «Салют-1» не состоялся. При стыковке был повреждён стыковочный узел космического корабля «Союз-10». Через пять часов совместного полёта космический корабль «Союз-10» благополучно вернулся на Землю. Орбитальная станция «Салют-1» продолжала полёт в автоматическом режиме. Первая попытка создания на орбите долговременной обитаемой станции не увенчалась успехом. Вторая попытка была осуществлена 6 июня 1971 года с запуском космического корабля «Союз-11».

Порт Галифакс

Первого июня 1971 года НИС «Академик Сергей Королёв» зашёл в канадский порт Галифакс. Заход был коротким. Но и те трое суток были максимально использованы для отдыха и знакомства с городом.

Стояла по-летнему тёплая погода. Прогретый весенним солнцем город был опрятен и чист. Берёзки, трепетно шелестящие молодой листвой, напомнили о средней полосе России, о доме. В первом увольнении удалось посетить музей – цитадель и супермаркет, расположенный в центре города. Поразили его размеры и разнообразие товаров, предлагаемых покупателю. В нём можно было купить всё: от продуктов питания и до лёгкого самолёта. Цены же для нас были высоки и, в основном, недоступны. Но всё же я купил себе утеплённую нейлоновую куртку, которую носил много лет. Стоила она 18 долларов, что составляло тогда примерно 18 советских рублей. Естественно, что такую куртку в Союзе я бы не купил, их просто не было.

В этом заходе местные жители не проявляли к нам интереса. Во всём чувствовалось подчёркнутое безразличие и даже враждебность. Зайдя в маленький и уютный пивной бар, мы столкнулись с открытым хамством панковатых молодчиков, бросавших в нас окурки сигарет и вызывающе оравших. Пришлось оставить это заведение и вернуться на судно. Такое отношение к нам было подогрето прессой, сознательно дававшей извращённую информацию о Советском Союзе.

Работа по КК «Союз-11»

Незаметно пролетели трое суток. Раним утром четвёртого июня, покинув порт Галифакс, НИС «Академик Сергей Королёв» взял курс на рабочую точку. Одинокие прохожие, столпившиеся на причале в столь ранний час, весьма сдержанно, как бы опасаясь чего-то, проводили нас. Старт космического корабля «Союз-11» был назначен на 6-е апреля. Прибыв в рабочую точку, мы доложили в Центр управления о готовности к работе. Погода стояла отвратительная. Густой туман, нависший над океаном, ограничил видимость до нескольких метров. Раскачиваемое с борта на борт волнами мёртвой зыби судно легло в дрейф. Методичный вой сирены и надрывный звон судового колокола терзали и до того уставшую душу. Единственной разрядкой, отвлекающей от однообразия корабельной жизни, была рыбалка. Все, кто не ленился, запасались рыбой впрок. Жареная, вяленая, замороженная по специальному рецепту, она была желаема всегда, особенно в условиях непрекращающейся качки.

Замороженная скумбрия была особенно почитаема. Рецепт прост. Скумбрия, только что выловленная из океана, разрезалась по спине, освобождалась от жабр и внутренностей, тщательно промывалась и обильно посыпалась солью. После двухсуточной выдержки в соли она вновь промывалась и готовилась к замораживанию. Подготовка заключалась в следующем. В рыбу закладывался лавровый лист и чеснок, посыпалось чёрным перцем, обвёртывалось пергаментной бумагой и плотно стягивалась нитью. После этого дней на десять она помещалась в морозильную камеру. У готовой к потреблению рыбы вкус был ошеломляющим. Недаром прибывавшая на борт судна оперативная группа в первую очередь просила угостить именно такой рыбой. В домашних условиях я готовил скумбрию по такому же рецепту, но вкус её был далеко не тот, совершенно не тот. Подходила только свежая рыба, и именно скумбрия.

Наступило 6-е апреля 1971 года. Запуск космического корабля «Союз-11» с космонавтами В.Н. Волковым, Г.Т. Добровольским, В.И. Пацаевым на борту прошёл успешно. А почему они? Нам было известно, что основным экипажем должен был быть другой, а именно: А.С. Елисеев, П.И. Колодин, В. Кубасов. Оказалось, что за сутки до старта при медицинском осмотре у Кубасова было обнаружено затемнение лёгких. Экипаж заменили дублирующим. Позже выяснилось, что затемнение лёгких было вызвано реакцией организма на пыльцу ранних весенних цветов.

Нетрудно понять настроение Петра Ивановича Колодина. Столько лет шёл к заветной цели – полёту в космос и вдруг за два дня до старта замена экипажа. Не знал он тогда, что этот день станет его вторым днём рождения. Не мог он знать и того, что часть высокопоставленных чиновников, возвращавшихся в Москву (после успешного старта КК «Союз-11») военно-транспортным самолётом, погибнут в авиационной катастрофе. Этим рейсом должен был лететь П.И. Колодин. В силу каких-то обстоятельств он полетел позже.

П.И. Колодин

П.И. Колодин не был военным лётчиком, он был инженером-ракетчиком. Но неудержимое стремление стать космонавтом позволило доказать, что покорять космос могут не только

военные лётчики.

После зачисления в отряд космонавтов он прошёл полный курс предполётной подготовки. В 1965 году он был вместе с Хруновым дублёром экипажа КК «Восход-2». В 1969 году – дублёр инженера-исследователя В. Горбатко. И вот, казалось, мечта сбывается. Он вместе с Леоновым и Кубасовым – в основном экипаже КК «Союз».

Решение о полной замене экипажа приняли Начальник центра подготовки космонавтов и главный конструктор ракетно-космических систем Мишин. Никакие доводы не заменять экипаж полностью, приводимые многими участниками тех событий, в том числе и П.И. Колодиным, на их решение не повлияли…

До появления космического корабля «Союз-11» в зоне видимости НИС «Академик Сергей Королёв» оставалось не более восьми часов. Личному составу выпала возможность расслабиться и отдохнуть, а судну, уставшему от непрекращающейся борьбы со штормовым океаном и ураганным ветром, укрыться за скалистым берегом острова Сейбл.

Наступил день, к которому тщательно готовились. Двухчасовая готовность. Включена аппаратура. Судно, преодолевая встречное течение и высокую волну, полным ходом следует в расчётную точку. К началу сеанса связи с космическим кораблём оно должно находиться в расчётных координатах с точностью до нескольких метров. По громкоговорящей связи отчётливо слышны доклады о готовности аппаратуры к работе. До входа объекта в зону видимости оставалось чуть менее 30 минут. Группа анализа, расчёт ручной дешифровки телеметрической информации заняли рабочие места. Всё внимание приковано к электронным часам, неумолимо отсчитывающим время.

И вот он долгожданный момент, к которому так тщательно готовились. Доклад «Есть сигнал, сигнал устойчивый» прозвучал как гром, как надежда и уверенность в том, что работа будет выполнена успешно. Секунды томительного ожидания, и на борт космического корабля выданы необходимые команды. Включена протяжка регистраторов телеметрической информации. На электронных индикаторах вначале робко, затем всё устойчивей отображается принимаемый сигнал. Из регистраторов медленно выходят бумажные ленты с чётко зафиксированной информацией. Ещё 10–12 минут – и сеанс связи с космическим кораблём закончен. Техническим средствам дан отбой. Группы анализа и дешифровки включились в основную работу.

С бумажных лент, разложенных на специальных столах, сняты значения основных параметров, характеризующих качество работы бортовых систем. Заполнены телеграммы, и судовой

радист, виртуозно владея ключом, отстукал одну телеграмму за другой.

Центр управления полётом, поблагодарив за отлично выполненную работу, разрешил уйти со связи. До следующего витка оставался ещё час, который использовался для отдыха и устранения замечаний, выявленных во время сеанса связи с космическим кораблём.

Порт Галифакс

Галифакс. Цитадель

В таком режиме проведены сеансы связи с космическим кораблём «Союз-11» на последующих пяти витках.

Суточная работа, продолжавшаяся почти двенадцать часов, успешно завершена. Начальник экспедиции, поздравив членов экспедиции и экипажа с первым успехом, дал отбой всем средствам. Приведены в походное положение и заштырены огромные чаши антенн. Судно, преодолевая сильные бортовую и килевую качку, взяло курс на остров Сейбл.

Остров Сейбл находится в 110 километрах от канадского порта Галифакс. Это наиболее опасный для человека остров, когда-то нанесённый на навигационные карты.

Сейбл – «кочующий остров», который движется в результате воздействия на песок материковой отмели встречающихся в этом месте тёплого Гольфстрима и холодного Лабрадорского течений. Скорость движения острова в восточном направлении до 230 километров в год. Предполагалось, что вскоре остров Сейбл, который до этого за три века уменьшился почти десятикратно, вообще исчезнет под водой. Но этого не произошло. За последний век он даже увеличился в размерах на две мили. Его максимальная высота 34 метра. В условиях осенних и зимних штормов, когда волны достигают 15-метровой высоты, его трудно рассмотреть с моря. Поэтому в данном районе были часты кораблекрушения.

У зыбучих песков острова есть коварное свойство – за два-три месяца они затягивают в себя любой попавший на мель или выброшенный на берег корабль. Сколько судов нашли гибель у берегов этого острова, до сих пор неизвестно. У моряков он получил прозвище «пожиратель кораблей». Последнюю жертву – большой американский пароход «Манхассент» остров поглотил в 1947 году.

Об ответственности и волнении

Испытывал ли я волнение перед первым сеансом? И да, и нет! Да – только потому, что работа была необычна – пилотируемый космический корабль. Нет – к ответственным заданиям я привык. Проходя службу в должности преподавателя в Учебном центре войск ПВО, ныне – Высшее инженерное училище, я читал теоретический и практический курсы по одной из основных систем зенитно-ракетного комплекса С-75: кабина «П». В те годы Учебный центр проводил переподготовку офицерского состава на эту технику. Мне посчастливилось передать свои знания и опыт нескольким сотням советских офицеров, которые несли боевое дежурство по охране воздушных рубежей не только нашей Родины, но и Кубы, Вьетнама, Египта и других дружественных нам стран.

Так что к ответственности я был готов и мог в определённых условиях сосредоточиться и мобилизоваться на безусловное выполнение поставленной задачи.

О традиции

По сложившейся тогда традиции я, В. Яворский, В. Миронов и кто-то из группы анализа собрались в моей каюте. Хотелось отдохнуть, поделиться мыслями, просто пообщаться. К этому времени Володя Миронов, проявив отличные поварские способности, на радость всем незамысловато сервировал стол. Недостатка в продуктах не было. Принцип солдатской службы «держись ближе к кухне» – в тех условиях был реализован нами как нельзя лучше. Пятый помощник капитана, лучший друг избранных, стал и нашим другом.

Расположившись поудобней, приступали к нехитрой трапезе. Жареный картофель, покрытый нежной золотистой корочкой, свежевыпеченный хлеб, принесённый из судовой пекарни, умело приготовленная рыба вызвали приступ аппетита. Первый тост – за работу, за сопутствующий успех. Мигом опрокинуты бокалы сухого охлаждённого вина. И потекла беседа, спокойная и непринуждённая – о Родине, о родных и близких.

Вино, а кто хотел – и покрепче, разлившееся чудодейственным бальзамом по всему телу, лёгким хмелем вскружило голову. Захотелось песни, нежной и ласковой, простой и желанной. Кто-то из присутствующих сказал: «Володя, давай нашу!» Володя, взяв гитару, нежно, как нейрохирург касается оголённых нервов пациента, перебрал дрожащие под его пальцами струны, взял первый минорный аккорд. И полились чарующие, до боли знакомые звуки, уносящие память к родным берегам, к дому: «Я в весеннем лесу пил берёзовый сок. С ненаглядной певуньей в стогу ночевал…».

Подняты тосты за родных и близких, за тех, кто в море, спеты близкие сердцу песни. Отдохнувшие, душевно успокоенные, приняв на посошок, друзья нехотя разошлись по каютам. Впереди предстоял трудный день, ответственная 12-часовая работа.

Стыковка на орбите

Утро следующего дня неожиданностей не принесло. Всё шло по намеченной программе. Космический корабль «Союз-11», завершив автономный полёт, был успешно состыкован с орбитальной станцией «Салют-1». Спустя некоторое время космонавты Волков, Добровольский и Пацаев перешли на борт станции. С этого момента, за два года до запуска США орбитальной станции «Скайлэб», впервые в мире на околоземной орбите начал действовать орбитальный научный комплекс «Салют – Союз».

Сон, хоть и длительный, в условиях непрекращающейся качки лишь частично снимал накопившуюся усталость. Не прибавил бодрости и освежающий душ. Разбитый, с тяжелой головой я направился в кают-компанию. Обычно оживлённая в это время, она была на удивление полупуста. Завтрак, профессионально приготовленный, аппетита у меня не вызвал. Выпив несколько глотков горячего чая, я спешно вышел на свежий воздух, подальше от столовых ароматов. Хотелось чего-то холодного и солёненького.

До начала очередной работы оставалось достаточно много времени. Судно, преодолевая сплошной туман, осторожно шло в расчётную точку. Постояв несколько минут на открытой палубе и немного продрогнув, я спустился в лабораторию. К моему удивлению она была открыта. Иванов В.А., один из разработчиков ионной системы ориентации космических кораблей, прослушивал переговоры космонавтов с Центром управления полётами. Увидев меня, Всеволод Александрович попросил вывести на бумажную ленту несколько интересующих его параметров. Просьба была немедленно выполнена. Склонившись над лентой, он что-то внимательно изучал, многократно сопоставляя с ранее имевшимися результатами. Я же, воспользовавшись спокойной обстановкой, ещё раз до мелочей продумал план предстоящей работы.

Время бежало незаметно и быстро. Объявлена готовность № 1. Потекла будничная, ставшая привычной, утомительная, подчинённая одной цели работа.

Кроме работы, была на корабле и другая жизнь, ничем не отличавшаяся от жизни на земле. Так же отмечались праздники, дни рождений, другие даты. Несмотря на качку, спортивные залы не пустовали. В салоне отдыха до поздней ночи «забивали в козла» и играли в нарды. Миша Черноморенко и Володя Тратюк, мастера спорта по штанге и классической борьбе соответственно,

накачивали и до того крепкие мускулы. Художественная самодеятельность иногда радовала нас своими концертами.

Об В.А. Иванове

Несколько слов об В.А. Иванове. К нему я проникся уважением буквально с первого дня знакомства. Как говорится, если человек талантлив, то он талантлив во всём. Таким был Всеволод Александрович. Учась в институте, он был членом ЦК ВЛКСМ. В двадцать пять лет защитил кандидатскую диссертацию. Написал несколько очерков и книг.

С Ивановым В. А. я сблизился и подружился на НИС «Академик С. Королёв». В межрейсовое время мы довольно часто встречались то в доме журналистов, то в доме композиторов, на чаще всего – в семейной обстановке. Душой этих встреч всегда был лётчик-космонавт Стрекалов Геннадий Михайлович. С ним мы познакомились в первом экспедиционном рейсе. В то время он проходил предполётную практику. Во втором рейсе мы сдружились с ним особенно близко. Послеполётные встречи с ним, приятные и наполненные необыкновенным оптимизмом и верой в лучшее будущее, продолжались многие годы.

2006 год. Традиционная перед Днём космонавтики встреча в музее МКФ. В числе почётных гостей – Серебров Александр Александрович, лётчик-космонавт, Герой Советского Союза, совершивший с Г.М. Стрекаловым один космический полёт. Познакомившись ближе, я узнаю, что Стрекалов безнадёжно болен и находится в Центральной клинической больнице. Прошу Александра Александровича организовать к нему посещение. Он ответил, что это невозможно. Даже он, совершивший с ним космический полёт, к нему попасть не может. Разрешены посещения только жене и близким родственникам.

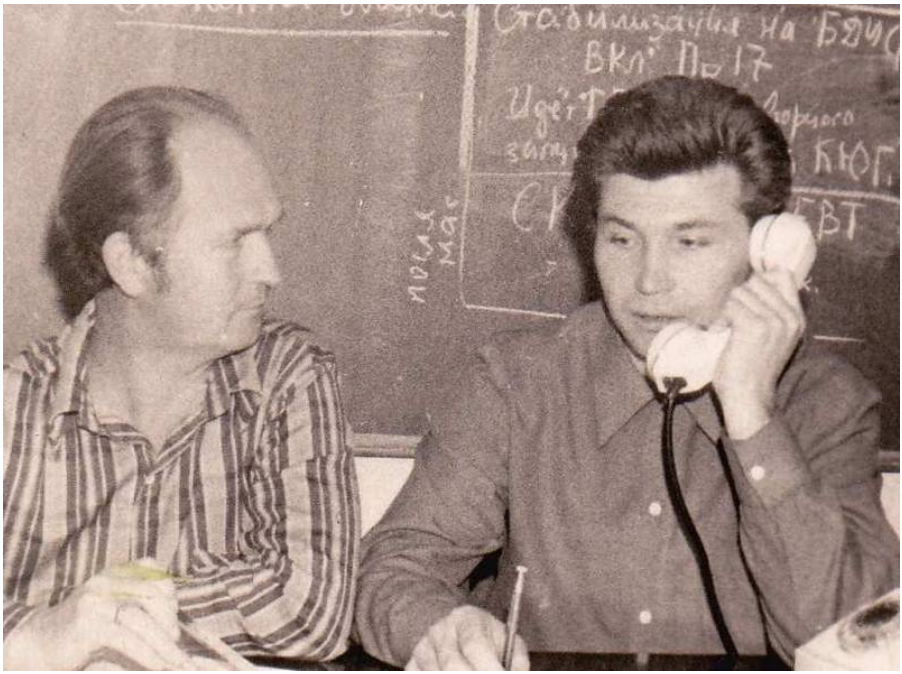
Обидно. Я, друживший с ним многие годы, знавший его до первого полёта в космос, встречавшийся с ним многократно после его космических полётов, не могу его, прикованного тяжёлой болезнью к больничной койке и обречённого, как-то поддержать, успокоить от души идущими словами. Жаль, что не мог увидеть его ещё живым.

Глубокая осень 1980-го года. Мой последний рейс на НИС «КПБ». Экваториальная Атлантика. Обеспечиваем двенадцати – суточный полёт космического корабля, пилотируемого космонавтами Л.Д. Кизимом, Д.Г. Макаровым и Г.М. Стрекаловым. Мне было приятно, что в составе экипажа после многолетней и изнурительной подготовки находится он, Геннадий Михайлович. И вот первый сеанс связи с космонавтами. Начальник экспедиции Ю.А. Дёмин, зная о моей дружбе с Геннадием Михайловичем, дал добро на короткий с ним

разговор. Долгожданные минуты и космический корабль в зоне видимости НИС «КПБ». Шумы, космические помехи и, наконец-то, слышим голос космонавта: «Заря, Заря. Я – такой-то. Сигнал устойчивый, слышу вас нормально». Далее – официальные доклады. И вот момент – я на связи. Время предельно ограничено. Лаконично поздравляю экипаж с успешным полётом и пожеланием мягкой посадки. В ответ слышу: «Сергей, спасибо. Не укачало тебя?» Отвечаю, что нет, что это не «Королёв» и точка работы не в районе острова Сейбл. Спрашиваю, не укачало ли его? Ответил, что нет. На «Королеве» было хуже. Прошло много лет, но этот космический разговор я отчётливо слышу и сейчас. Спасибо судьбе, что я близко знал этого удивительно скромного и героического человека.

Геннадий Михайлович Стрекалов совершил пять космических полётов, два из них многосуточные – 130 и 115 суток. Третий полёт не состоялся. 26-го сентября 1983 года за несколько секунд до старта загорелась ракета-носитель. Космонавты катапультировались и были эвакуированы с помощью системы аварийного спасения. Он дважды Герой Советского Союза, награждён тремя орденами Ленина, орденом «За заслуги перед Отечеством» третьей степени, орденом «Октябрьской революции», орденом «Ашака Чакра», медалью НАСА «За космический полёт». Геннадий Михайлович скончался 25 декабря 2004 года от рака желудка.

Г. М. Стрекалов



Представитель ОГ, С.И. Николаев

В том рейсе я неожиданно заболел. На пятые сутки корабль пришвартовался в порту Касабланка. Военный французский госпиталь, срочные анализы. Диагноз – почечная колика, камень застрял в мочеточнике. Требовалась госпитализация. Начальник экспедиции срочно связывается с Центром. Госпитализацию в местном госпитале не разрешили. Потребовали срочного возвращения меня в Союз. И вот я, измученный шестидневной болью, сопровождаемый в аэропорт лично советским консулом, вылетел в Москву. Пятичасовой перелет – я в аэропорту «Шереметьево-2». Никто не встретил, советских рублей нет. Превозмогая нестерпимую боль, находясь на грани болевого шока, нашёл силы выйти из аэропорта и нанять такси. Далее – госпиталь Бурденко. Элементарное обследование: два стакана компота и пробежки по лестницам госпиталя. Полчаса таких скачек – и камня нет. Позже я узнал, что шестидневная закупорка мочеточника могла привести к тяжелейшим последствиям с возможным летальным исходом. А кто бы ответил? Никто!

Меня всегда поражал круг знакомых Всеволода Александровича. Среди них были довольно известные и именитые люди. Однажды, будучи у него в гостях, я познакомился с академиком Раушенбахом, чуть позже – с народным артистом СССР Юрием Никулиным. Ю. Никулин поразил своей простотой и хлебосольностью. С ним было легко и просто. Он был весьма

остроумным и на любой случай жизни мог рассказать анекдот. Как-то вспоминая В. Волкова, он сказал: «Сколько его не корми, он всегда смотрел в космос». Были и другие встречи – интересные и запомнившиеся.

Вспоминаю другой случай. В одном из рейсов мы стояли в порту Гавана. В это же время прибыла на Кубу первая женщина-космонавт Валентина Терешкова. В числе её сопровождавших был В.И. Иванов. Забежав ко мне, весь раскрасневшийся, спешно поставив портфель и поприветствовав, выпалил: «Сергей, там подарки, жареные ножки цыплят. Готовь стол, буду через час». И быстро ушёл.

Накрыт стол. Специфический запах, шедший от разогреваемых «куриных» ножек показался мне подозрительным. Появился Всеволод Александрович так же неожиданно, как и ушёл. Разгорячённый, с двумя бутылками лучшего кубинского рома, он сам был для нас самым лучшим подарком, о котором только и могли мечтать моряки вдали от Родины. Встреча, тёплая и задушевная, пролетела быстро. Спустя несколько дней В.А. Иванов в составе делегации, сопровождавшей В. Терешкову, вылетел в Союз. Прощаясь, он, улыбаясь и ожидая моей реакции, спросил: «Сергей, как ножки?» Я ответил: «Так себе. Ножки Буша – лучше». Всеволод Александрович хитровато улыбнулся и с грустью сказал: «Сергей, не обижайся, это были ножки голубых лягушек. Поздравляю с вступлением в орден настоящих французов». Обескураженный и немного расстроенный, я ответил: «Ну, Сева, ты и удружил». С тех пор куриное мясо я видеть не могу. С Всеволодом Александровичем последние годы я не встречался. Он живёт где-то в Америке. Счастлив он или нет, не знаю. Остаётся только догадываться. Он – талантливый инженер и журналист, его жена – тоже журналистка. Очевидно, там они нашли возможность полностью реализоваться, добиться признания и обеспечить себе достойную жизнь.

Расстались мы трогательно и по-мужски нежно. Не хотелось прощаться с этим человеком, с которым так много было связано.

Внештатная ситуация на борту

Полёт орбитального комплекса «Салют-1 – Союз-11» проходил нормально. Не обошлось и без внештатной ситуации. В одном из сеансов связи космонавт Добровольский сообщил в Центр управления о сильном задымлении на борту. Ситуация складывалась критическая. Орбитальный комплекс, выйдя из зоны нашей видимости, вновь появится через полтора часа. За это время на борту могло произойти всё, вплоть до трагической развязки. Помочь космонавтам, кроме нас, никто не мог. Наступили напряжённые минуты. Оперативной группе представилась возможность доказать свою профессиональность. Она должна была в короткий срок не только выявить причину задымления, но и дать космонавтам рекомендации по его устранению.

Проанализированы показания сотен телеметрических датчиков, и причина выявлена. Дымила статорная обмотка одного из вентиляторов.

Можно понять наше нетерпение, с которым мы ожидали начала очередного сеанса связи с космическим кораблём. И вот он долгожданный момент – орбитальный комплекс в зоне видимости. Тревожно ожидаем выхода космонавтов на связь. Наконец-то, слышим: «Заря, Заря, я – Янтарь. На борту…». Слава богу, живы, а значит и всё поправимо. Виктор Благов, руководитель оперативной группы, выслушав доклад космонавтов, твёрдым, но спокойным голосом дал указание Добровольскому отключить питание одного из электронных блоков. Успокоив космонавтов, он сообщил им, что задымление вскоре пройдёт, полет продолжайте в соответствии с программой.

19 июня поздравили Виктора Пацаева с днём рождения и весь экипаж с установлением нового рекорда пребывания человека в космосе. До этого рекорд, установленный А. Николаевым, равнялся 18 суткам.

До окончания длительного полёта оставалось одиннадцать дней. 30-го июня, завершив последний сеанс связи с космонавтами и пожелав им мягкой посадки, мы с нетерпением ждали сообщения Центра об окончании работы. Но Центр молчал и на связь не выходил. Продолжая болтаться в рабочей точке, только в шесть утра по московскому времени из сообщения ТАСС мы узнали о трагедии: спускаемый аппарат успешно приземлился в расчётной точке, но из-за его разгерметизации космонавты погибли.

Позже, на основании анализа телеметрической информации,

было установлено, что разгерметизация спускаемого аппарата произошла из-за повреждения перепускного клапана, последовавшего сразу после начала работы тормозной двигательной установки. Смерть космонавтов наступила практически мгновенно – через 26 секунд.

Виктор Пацаев пытался прикрыть открывшийся клапан рукой, но огромная перегрузка не позволила ему это сделать. Хотя и был он человеком физически сильным. В своё время входил в состав сборной СССР по фехтованию. Позже космонавт Алексей Леонов, смоделировав данную ситуацию в наземных условиях, смог закрыть клапан лишь только через 50 секунд. Но это в наземных условиях и без перегрузок, которые испытывают космонавты на участке спуска космического корабля. Так что трагедии невозможно было избежать.

Спустя некоторое время Центр управления, оправившись от шока, дал разрешение нам на окончание работы и следование в порт Галифакс

Вновь Галифакс

Снявшись с рабочей точки, мы в этот же день зашли в порт. Стояла прекрасная летняя погода. Солнце, слегка закрытое тонкой пеленой облаков, ласкало тёплыми лучами. После длительной и напряжённой работы хотелось скорее ступить на землю, уединиться и пережить трагедию, которая случилась.

Посоветовавшись с группой, решили в город не ходить, а отдохнуть в лесу, который находился в километре от порта. С невысокого холма, сплошь покрытого елово-берёзовым лесом, открывался прекрасный вид на океан и акваторию порта. Лес, напоминавший парк, был любовно ухожен. Для посетителей предусмотрено всё: автостоянка, пешеходные дорожки, площадки для отдыха с мангалом и приготовленными дровами. Полицейский, с королевской осанкой, внимательный и предупредительный, на выхоленном и отливающем синевой коне периодически объезжал лес.

Расположившись на одной из площадок, мы развели небольшой костёр. Языки пламени, слегка раздуваемые лёгким ветерком, вырывались всё выше и выше, освещая золотистым светом уставшие и незагорелые лица.

Дымок, исходящий от костра, вначале густой и едкий, стелясь среди деревьев и кустарников, наполнил воздух хвойным ароматом. Берёзки, как бы понимая нас, тихо перешёптывались, шелестя молодой листвой. Даже одинокие птицы, боясь нарушить царившую тишину, нежно щебеча и перелетая с ветки на ветку, осторожно приближались к нам, рассчитывая на угощение.

От костра не хотелось уходить. Огонь, притягивая и очищая, мысленно уносил к родным берегам, к дому. Прислонившись к замшелому пню, я, отыскивая рукотворную звёздочку, устремил взгляд в безоблачное и по-весеннему голубое небо. Не хотелось верить, что совсем недавно космонавты напряжённо работали на орбитальной станции, вели переговоры с нами и готовились к завершению полёта. И завершили полёт, и встретились с Землёй и теми, кто их так терпеливо и с надеждой на благополучное приземление ждал. В то, что случилось, трудно было поверить.

К сожалению, всему наступает конец. Время не подвластно человеку. Убрав всё за собой, мы покинули благодатный уголок, приютивший и напоивший нас бодростью и здоровьем. Выйдя на берег залива, полюбовались акваторией порта, красотой парусных яхт, бороздивших его спокойные воды, игрой нежных красок причудливых облаков, подсвечиваемых уходящим на покой солнцем.

Подойдя к судну, мы очутились в толпе горожан, пришедших выразить нам в связи с гибелью космонавтов сочувствие. Трудно было поверить, но трагический случай что-то изменил в сознании простых канадцев, сделал их более открытыми и гостеприимными. Горе, чьим бы оно не было, всегда сближало и сплачивало людей, заставляло лучше познать и поверить друг в друга.

Доброту канадцев мы ощущали везде. Настороженные ранее, в этот раз они с охотой шли на контакт, проявляя всесторонний интерес и сочувствие. Особо этим отличались эмигранты, волею судеб попавших в Канаду – кто после войны, боясь расправы и унижения, а кто и значительно позже, в поиске лучшей доли и сытой жизни. Но как бы там ни было, родовые корни, тоска по Родине брали своё, тянули к родным местам и соотечественникам.

Были и другие, враждебность и ненависть к нам читались не только в их глазах, но и проявлялись внешне. А мне их было жаль. Сидел такой «преуспевающий» коммерсант в убогой лавчонке, торговал никому ненужной мелочёвкой и рассуждал о свободе, которую он получил, «смело» покинув Родину. Хотелось сказать ему – какая свобода, какой успех? Прожигая свои лучшие годы, торгуешь хламом, который не только стыдно предложить, но и показать. А что ты знаешь о нашей стране, о её успехах и проблемах? Только одно, что самолёт «Конкорд», которого и в глаза-то не видел, лучше, чем ТУ-144. Не хотелось спорить с такими людьми, тем более, убеждать и разочаровывать. Они и так наказаны, выбрав себе такую судьбу и долю.

Короткий отдых подошёл к концу. Отход от причала был трогательным и волнующим. Десятки горожан, среди которых было много молодёжи, с открытыми и улыбающимися лицами пришли проводить нас и пожелать счастливого плавания. Не хотелось прощаться с полюбившимся городом и его добрыми и отзывчивыми людьми. Приятно было ощущать, что в далёкой от нашей Родины стране мы приобрели много друзей, которые верили в нашу страну и желали нам лучшего будущего.

НИС «Академик Сергей Королёв», потрёпанный штормами, с облупившейся краской и многочисленными подтёками ржавчины, безжалостно разъедавшей металл, взял курс на Кубу. Подгоняемое попутным ветром и волной, судно на пятые сутки перехода подошло к Острову Свободы. Всё повторилось вновь – лоцман, портовые формальности – и мы у причала.

На вторые сутки проводили оперативную группу, передав с ней подарки семьям. Оставшиеся дни до выхода из порта были посвящены экскурсиям, прогулкам по городу и посещению

пляжей.

За кораллами и ракушками

В один из дней было объявлено, что организована поездка за кораллами и желающие могут записаться. Любителей подводной охоты оказалось много. Пришлось организовать несколько выездов.

Первая группа, получив сухой паёк, ранним утром выехала на дикий пляж. Коралловый риф находился в пятистах метрах от берега. Группа из 10–15 человек, вооружившись нехитрыми приспособлениями, толкая перед собой пенопластовые плотики, двинулась к рифу, наводя страх на всё живое. Акулы, мурены, барракуды, ядовитые медузы и скаты во внимание не принимались. Впереди была цель – кораллы, ракушки и многое другое, что представляло интерес.

Преодолев достаточно сильное прибрежное течение, пловцы добрались до рифа. Солнце, поднявшееся довольно высоко, просвечивало до самого дна толщу воды над рифом. Видимость была исключительной. Подводный мир поразил колонией разнообразных кораллов, приютившихся то на скальных выступах, то на отдельных валунах и камнях. Стайки экзотических рыбок, проворных и суетливых, настороженно изучали нас, пытаясь понять цель нашего визита. Испуганный скат, взмахнув метровыми крыльями и взмутив воду, медленно удалился, слегка покачивая ядовитым хвостом. От красоты, открывшейся взору, невозможно было оторваться. Хотелось сблизиться с этим миром, смотреть и бесконечно наслаждаться.

Заготовка кораллов и поиск раковин продолжалась несколько часов. С кораллами было проще. Их было множество и разных, куда не посмотришь. Хотелось увидеть чёрный коралл, цена которого была сравнима с ценой золота. Но это удел редких счастливчиков. Труднее было с раковинами, которые чаще встречались на глубинах более трёх метров. Не каждый мог достать их с таких глубин.

Закончен вылов. Пловцы с перегруженными плотиками медленно приближались к берегу. Плыть самому и толкать плотик, преодолевая сильное течение, занятие трудное и изнурительное. Наконец все собрались на берегу. Короткий отдых. Погрузив в автобус всё поднятое и пойманное, мы отбыли на судно.

С этого дня судно превратилось в огромный цех по изготовлению сувениров и переработке даров океана.

Встреча с барракудами

За многие рейсы мне довольно часто приходилось ездить за кораллами, ракушками и на рыбалку. К счастью, всё обходилось без происшествий. Один случай, заставивший быть более внимательным и осторожным, всё же произошёл.

Было это на одном из диких пляжей Кубы. Небольшой коралловый риф, привлекший моё внимание, находился примерно в пятидесяти метрах от берега. Заплыв на риф, я не заметил, как ко мне подплыли барракуды. Взяв меня в кольцо, они готовились то ли к атаке, ожидая удобного момента, то ли просто интересовались мной. Внимательно наблюдал за ними и я, не проявляя растерянности и не делая резких движений. Увеличенные водой, они казались огромными и отвратительными. Открытые пасти, окаймлённые жёлтыми ободками, и зубы, похожие на клыки хищников, вселяли определённый страх. Можно представить, что могло случиться, если бы я испугался, занервничал и истерично поплыл бы к берегу. Но я выдержал, не проявил растерянности. Перевернувшись на спину, стал медленно приближаться к берегу. Барракуды, не выпуская меня из кольца, следовали за мной. До берега оставалось метров двадцать. И вдруг, как по команде, взбурлив вокруг меня воду, они резко ушли вглубь океан. Остановившись, я насторожился, ожидая нападения из глубины. К счастью, этого не произошло. Поняв, что опасность миновала, я спокойно добрался до берега.

Большеголовые барракуды вообще-то не нападают на человека. Однако считается, что они опасные хищники.

Прощай, Гавана!

Стоянка в порту Гаваны подходила к концу. Четыре месяца, прошедших с начала рейса, давали о себе знать. Не хотелось пляжей, не хотелось экскурсий, не хотелось встреч. Хотелось домой, подальше от надоевшего океана, истошного крика чаек и наскучившей экзотики. «Домой, только домой.» – навязчивая мысль не давала покоя.

Длительные рейсы люди переносят сугубо индивидуально: одни – легко и с большим удовлетворением, другие – трудно, болезненно трудно, вплоть до психических расстройств.

Вспоминаю два случая. Первый – одна из официанток вдруг начала непрерывно плакать. Судовые врачи, близкие подруги вывести её из депрессии не смогли. Опасаясь непредсказуемых последствий, она была обследована и подлечена в военном госпитале, расположенном недалеко от Гаваны. Переход до Одессы она выдержала. Второй – в конце рейса один из членов команды в свободное от вахты время неожиданно стал «подрабатывать» таксистом. Для убедительности – изготовил символический руль и нарисовал на двери каюты шашечки. Сидя на полу, вальяжно выставив локоть в открытый дверной пожарный люк, он весёлым и заигрывающим голосом спрашивал у проходивших мимо него членов экипажа: «Вам куда?» В ответ слышал, что им-то известно куда, а тебе, милок, точно в Кащенко. Всё это можно было принять за шутку, но шутка, к сожалению, слишком затянулась. Болезнь была явной и опасной. Капитану пришлось срочно отправить его в Одессу на попутном сухогрузе.

Наступило время прощания с Кубой. Судно, как паровоз перед дальней дорогой, провернув гребные винты, стало отсчитывать первую милю длительного перехода. Огромная морская черепаха, как почётный эскорт, довольно долго сопровождала нас, соревнуясь в скорости хода.

Ночь прошла спокойно. Океан, обычно растревоженный в это время года мощными тайфунами, носящими нежные женские имена, встретил нас безветрием и почти полным штилем. Крейсерская скорость, с которой шло судно, почти не ощущалась. И только широкий след за кормой, слегка ощутимая вибрация корпуса судна говорили о напряжённой работе его главной машины.

Дни перехода, похожие друг на друга, тянулись томительно долго. Предстояло подготовить массу отчётных материалов, заявок и множество других нужных и ненужных бумаг. Всё было нацелено на то, чтобы успешно отчитаться перед комиссией и

рейс завершить достойно.

Заход в Гибралтар

Наступил момент, когда в предрассветной дымке стали отчётливо просматриваться знакомые скалы: слева от входа в пролив – Гибралтарская, справа – Джабель-Мусса, которые в древности назывались Геркулесовыми столбами. Полчаса хода и мы, пройдя Гибралтарский пролив, вошли в порт.

Гибралтар расположен на юге Пиренейского полуострова и представляет массивную скалу высотой 420 метров над уровнем океана. Впервые Гибралтар был превращён арабами в крепость в начале VIII века. Затем в 1462 году его завоевали испанцы. С 1704 года он стал принадлежать англичанам.

Площадь Гибралтара составляет 5 кв. километров, население – 25 тысяч человек. Управляется британским губернатором. Проблема питьевой воды решена путём сбора в специальные бассейны дождевой воды.

Трёх суток стоянки в порту хватило не только для знакомства с городом, но и выбрать, так называемую «школу». «Школа!» Откуда и когда появилось это понятие, не знаю. Но суть его была понятна каждому моряку, заходившему в иностранные порты. Не секрет, что в рейсы ходили не только за «туманами», но и ради того, чтобы как-то поправить своё материальное положение. Больших целей не ставили, да и возможности не было. В лучшем случае – квартира, мебель, более приличная одежда. Ради этого экономилась каждая копейка. Но даже и ту, честно и трудно заработанную валюту, бдительные чиновники социалистической уравниловки указывали, как и на что её тратить.

Таможенные нормы существовали на все виды товаров. Пробыв один месяц в загранке, моряк мог купить одно мужское нейлоновое пальто, напоминавшее униформу китайских хунвейбинов периода культурной революции, одну куртку, нейлоновый плащ, японский зонтик и кое-какую мелочёвку.

Пробыв же шесть и более месяцев и заработав примерно 150 долларов, он мог бы их выгодно отоварить, купив на всю валюту мохер или, к примеру, аудиокассеты. Но, увы! Не разрешалось. Власти боялись, что разбогатеют морячки, отойдут от догм морального кодекса строителя коммунизма, усомнятся в преимуществах социалистической системы, перестанут верить, что «нынешнее поколение советских людей» будет жить при коммунизме. Сколько же было таких поколений, не дождавшихся этого лучшего будущего. Поэтому и приходилось тратить валюту не на отдых, сувениры, а на эту «школу», чтобы хоть как-то решить свои бытовые проблемы.

Так что же такое «школа»?

Шестимесячные таможенные нормы выглядели примерно так: – по шесть мужских и женских нейлоновых пальто и курток;

– шесть японских складных зонтиков;

– от трёх до шести кофейных или чайных сервизов; – по шесть женских кофт из различного материала;

– шесть магнитных браслетов и т. д.

На всё эти товары тратилась почти вся валюта. На другие – её не хватало. Но как бы там ни было, но и этот товар, реализованный в Союзе через комиссионные магазины, позволял скопить определённую сумму денег на квартиру, мебель и многое другое.

Закупив в первых увольнениях в город планируемые покупки, последний день стоянки в порту посвящали, как правило, отдыху. Поднявшись на вершину скалы, я был восхищён открывшейся панорамой. За проливом, ширина которого составляла от 14 до 21 километра, просматривался африканский берег. Справа, примерно в двух километрах – Испания. Взлётная полоса, построенная на искусственно созданном перешейке, своим концом упиралась в испанский берег. Виртуозности английских лётчиков, поднимавших в воздух истребители и не допускавших нарушения воздушного пространства Испании, мог позавидовать любой ас. Особое впечатление я получил от посещения питомника обезьян, количество которых вряд ли кто знал. Исключительно проворные и наглые, они бесцеремонно и смело подходили к посетителям. Чуть зазевался, прощай очки и содержимое карманов.

Гибралтар, ранее богатый и процветающий, с закрытием Суэцкого канала беднел с каждым годом. Зато росли и развивались многие порты на Канарских островах. Тысячи судов, заходивших когда-то в Гибралтар и оставлявших огромное количество валюты, не заходя в него, посещали другие более удобные порты, способствуя их бурному развитию и процветанию.

Вперёд, на Одессу

Закончен кратковременный заход, и мы вновь в пути. Средиземное море, встретившее нас в начале рейса штормовой погодой, в этот раз было благосклонным. Почти штиль, и только небольшая дымка прятала от нас очертания островов и встречных судов.

Рабочий день в этот период был необычно плотным. Готовились отчёты о работе аппаратуры, составлялись заявки на пополнение ЗИПа, писались характеристики и многое другое. Комиссия, встречавшая нас по приходу с рейса – ответственный момент не только в жизни экспедиции, но и каждого сотрудника. Поэтому к ней готовились особенно тщательно.

С особым пониманием воспринимаются мысли нашего сотрудника Ю. Бибеева, выраженные им в стихотворении, посвященном окончанию первого экспедиционного рейса:

Опрокинутый ковш «Медведицы»
Льёт созвездия в чаши антенн.
За кормою бурун, как метелица,
Заметает угаснувший день.

За работой просиживаем за полночь
Вдалеке от родных берегов.
Долготу рассекает по Западу
«Академик Сергей Королёв».

Раздвигая затухшие россыпи,
Вымеряя маршрут и следы,
Он следит за отвагой и поступью,
Мыслью века рождённой Звезды.

Многотрудные мерные мили,
Где у времени сердце в тисках.
Где мечта совершившейся были
Отбивает усталость в висках.

Будет день и наутро «Салютом»
Отзовётся газетная весть,
Отдавая уснувшим каютам
Благодарную память и честь.

Девять мучительных суток, гонимых нами из жизни, всё же прошли. Вновь Босфор, и вот оно – Чёрное море, долгожданное и родное. Подошли к Ялте. Судно, сбросив ход, медленно и почти незаметно шло вдоль берега, ожидая прибытия комиссии. Погода была тихой и солнечной, купальный сезон в полном разгаре. Отдыхающие на прогулочных яхтах, катерах подходили к судну и восторженно приветствовали нас.

Наконец комиссия прибыла на борт. Судно, сознательно сдерживаемое волей председателя комиссии, пошло в Одессу. Можно понять наше настроение, когда ты, проверенный и перепроверенный, на итоговом семинаре по марксистско-ленинской учёбе должен был уверенно подтверждать правильность выбранного партией курса, гордиться успехами в строительстве развёрнутого социализма и растущим уровнем жизни советского народа. А совсем рядом ждали родственники, друзья и товарищи, неизвестно в каких условиях ютившиеся.

В кают – компании собрана экспедиция. Начальник экспедиции представил членов комиссии и доложил им результаты рейса. Работа комиссии началась. Двое суток работы комиссии, о полезности и необходимости которой можно было бы спорить, показались мне вечностью. Наконец зачитан акт, дана оценка работе экспедиции. Шестимесячный рейс трудный и увлекательный – завершён.

«Академик Сергей Королёв», дрейфовавший недалеко от маяка, ожидал причала. Шли минуты, но разрешения на швартовку к причалу не было. Столпившиеся на палубах люди с тревогой всматривались в причал, отыскивая в разноликой толпе знакомые лица.

Прошёл час, другой. Люди, возмущённые происходящим, стали требовать объяснений. Наконец мы увидели приближающийся к нам рейдовый катер, переполненный встречающими, в том числе и детьми. Волнение моря было два балла. Снятие людей с катера, раскачиваемого волной, было делом трудным и опасным.

Два молодых, сильных матроса, стоявших на нижней площадке опущенного судового трапа, виртуозно принимали первых встречающих. Легко было принять детей, труднее – взрослых. И вот первый счастливчик, стоя на носовой площадке катера и держась за поручень, ожидал момента, когда нижняя ступенька трапа судна и носовая площадка катера, раскачиваемого волной, совпадут по высоте. Уловив этот момент, он мгновенно перешёл на трап. Хорошо, что всё заканчивалось благополучно. А вдруг, растерявшись или испугавшись, он не смог бы этого сделать? А если поскользнулся и попал под трап?

Трагедии, угрожавшей жизни человека, было бы не избежать.

Несколько часов изнурительной работы и все встречающие, а их было несколько сотен, приняты на борт. Началось то незабываемое, которое может понять лишь тот человек, который побывал в длительных рейсах. Трогательные встречи, тёплые объятия, столы, ломящиеся от обилия спиртного и закусок, ароматы дорогих духов и запахи пищи, слившиеся в один поток и распространявшиеся по тамбурам и коридорам, шум и беготня не в меру возбуждённых детей – вот ситуация на борту судна, доставлявшая немало хлопот вахтенной службе. Два – три часа и всё стихло. Каюты закрыты. И только дети, присматриваемые вахтенным, продолжали резвиться в салоне, обменивались впечатлениями от полученных подарков.

Лишь на следующий день благодаря вмешательству председателя комиссии И.М. Мартынова судно было поставлено к причалу. Но было поздно. Настроение было испорчено. Уважение к властям и определённым начальникам, которые создали и равнодушно наблюдали эту картину, было безвозвратно потеряно. Так встретила нас Одесса!

В Москву, к дому

Наши муки на этом не кончились. На следующий день все отъезжавшие бросились доставать проездные билеты. С билетами было трудно. В железнодорожных кассах билетов не было. На бронирование билетов рассчитывать не приходилось. Об этом никто из руководства Службы не позаботился. Вместо долгожданного отдыха мы носились по городу, используя все возможности в приобретении билетов. Не «подмажешь», не выедешь. И подмазывали, кто перекупщикам, а кто и железнодорожным кассирам, выстаивая длинные очереди у билетных касс.

Наконец, билеты куплены. Наступил день отъезда. До вокзала добирались, кто как мог. Шустрые и нагловатые таксисты, привыкшие обирать иностранных туристов, обирали и нас. За въезд в порт – плати портовой охране, за выезд – им же. Помогли погрузить или разгрузить приобретённые товары – плати. Обратился за помощью – помогут, но плати. И платили, возмущаясь и порой проглатывая оскорбления.

Этих проблем не было бы, если определённый вышестоящий начальник проявил хоть чуточку заботы о подчинённых и вошёл в их положение. Но, увы! Не проявляли, не входили. Билеты можно было зарезервировать, представив заранее соответствующую заявку. Вопрос автобусов не стоил и выеденного яйца. Вокруг Одессы да и в ней самой располагались десятки воинских частей, которые любезно предоставили бы их нам. Но тот, кто мог это сделать, не делал и был равнодушен к проблемам моряков. Теперь же, спустя много лет, позабыв о безразличии, которое они проявили к нам, мы их славим и возвеличиваем. Поистине душа русского человека добра и отходчива!

Баулы, коробки, тщательно упакованные и обмотанные скотчем, горкой сложены в предполагаемых местах остановки вагонов. Ждём поезда. К установленному времени он не подан. Наконец поезд подан, до отхода остаётся 15–20 минут. И началось: проводники, увидев огромное количество багажа, в вагон не пускали, ссылаясь на нарушение правил перевозки пассажиров. Опять перебранка, опять уговоры, вновь плати. Но вот и это позади! Я, жена и малолетний сын, уставшие и издёрганные, раздвинув баулы, заняли своё место в купе поезда. Настроение ужасное, нервы на пределе. Трудности рейса ничто, по сравнению с пережитым в последние несколько дней.

Поезд тронулся. Мерный стук колёс, горячий чай и рюмка хорошего коньяку расслабили и успокоили. Впереди родной дом,

встречи с друзьями и родственниками.

О подарках

Сколько же их нужно было? Много. Очень много. С приходом из рейса каждый, кто имел хоть какое-то отношение к тебе, ждал и надеялся на подарок. Дарили все. И ладно бы своим близким, друзьям. Приходилось «сбрасываться» на тех, которых не только не знал, но о которых и не слышал. Начальник экспедиции и его замы дарили своим начальникам и замам, членам комиссий, таможне и пограничникам. Начальник отдела – тем, кто проверял отдел или кому симпатизировал. Другие начальники – всем тем, кто проверял его подчинённых, от кого зависел, кому был обязан. Словом тех, кому нужно было подарить, преподнести, не обойти вниманием – было много.

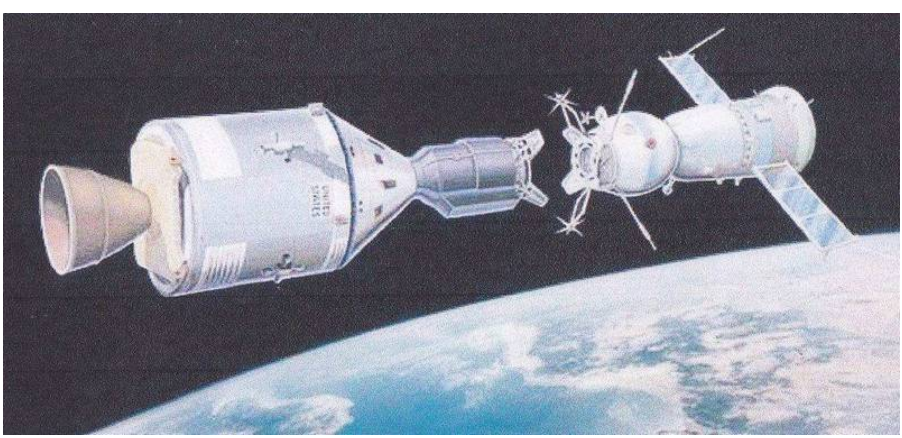
Бедный начальник экспедиции! Можно только догадываться, сколько заработанной валюты приходилось тратить ему на все эти преподношения. А столы, обильно накрываемые по различным поводам? Оплачивались им же через судовую лавку. Как вспоминал И.Н. Поздняков, по окончании рейса он оставлял в судовой лавке две – три зарплаты. Был культурный фонд по полкопейки на каждого в сутки. Посчитав, оказывалось, что не так-то и много – 160 валютных рублей на всю экспедицию. На эти деньги закупались музыкальные инструменты, спортивные снаряды, канцелярские принадлежности. Если и оставалось что-то, то на это подарков не купишь, да и нельзя было.

Работа по программе «Союз – Аполлон»

На НИС «Академик Сергей Королёв» я совершил пять экспедиционных рейсов, два последних из которых – под началом А.П. Москальца. Выйдя в четвертый рейс в начале сентября 1975 года, судно возвратилось в Союз в конце апреля. Короткий заход в Одессу – и мы в первых числах мая вновь ушли в рейс, который закончился в конце августа этого же года. Почти год я был в океане.

На 16 июля 1975 года была запланирована стыковка на околоземной орбите советского и американского космических кораблей «Союз-19» и «Аполлон». Прибыв в Гавану и получив всю необходимую документацию, стали готовиться кк предстоящей работе. Срок был предельно ограничен. За несколько дней до запуска космического корабля «Союз-19» судно пришло в Гондурасский залив в расчётные координаты.

Запуск космического корабля «Союз-19» с космонавтами А. Леоновым и В. Кубасовым состоялся 15 июля 1975 года. Через 7,5 часов с мыса Канаверал стартовала ракета-носитель «Сатурн-1В». Стыковка на орбите была осуществлена через 51 час 49 минут после запуска «Союз-19». Выполнив насыщенную научную программу, расстыковку, сближение и повторную стыковку, 21 июня 1975 года космический корабль «Союз-19» успешно вернулся на Землю. Через 3,5 суток приводнился в Тихом океане и космический корабль «Аполлон».



Союз-Аполлон

Экипаж «Союз-Аполлон»

Отделение ЭВМ и программистов

В течение шести суток управление космическим кораблём «Союз-19» на невидимых с территории Советского Союза витках

осуществляли научно-исследовательские суда «Академик Сергей Королёв» и «Космонавт Юрий Гагарин». Судну «Академик Сергей Королёв» в этом эксперименте отводилась основная роль. За первые три минуты нахождения «Союз-19» в нашей зоне видимости, нам необходимо было принять телеметрическую информацию и выдать в ЦУП по телефонному каналу связи значения 22 параметров, характеризующих состояние его бортовых систем. Оставшиеся две минуты отводились для принятия решения о запуске ракеты-носителя с космическим кораблём «Аполлон».

Начальником группы дешифровки и ответственным за выдачу информации в ЦУП был назначен я. Для обеспечения оперативности работы дешифровщиков были задействованы две станции МА-9МК и все стойки регистраторов телеметрической информации. Каждый оператор снимал по два параметра. Для того, чтобы уложиться в отведенное время, работа операторов оттачивалась до автоматизма.

Работа по программе «Союз – Аполлон» была выполнена нами на «отлично». Поздравив друг друга с успешно завершённой работой, условно проколов дырки для будущих наград, мы с чувством выполненного долга вернулись в Союз.

Наград никто из нас не получил. Даже объявленной благодарности в личном деле я не увидел.

Встреча с В.М. Саблиным

Мы стояли в порту Гаваны и готовились к работе по программе «Союз – Аполлон». Там же был пришвартован большой противолодочный корабль «Сторожевой», прибывший на Кубу с визитом дружбы. В порту мы часто посещали советские суда, обменивались кинофильмами, знакомились с жизнью их экипажей.

В один из дней в числе небольшой группы я посетил корабль «Сторожевой». Замполитом на корабле был капитан третьего ранга В.М. Саблин. Скромный, внимательный, готовый к открытой беседе, он произвёл на нас хорошее впечатление. Встречаясь с ним несколько раз, мне и в голову не пришла мысль, что этот внешне обаятельный и застенчивый человек способен дать вызов правящей власти и пожертвовать собой ради лучшего будущего своего народа.

Спустя много лет, отдыхая в одном из подмосковных санаториев, я случайно обнаружил книгу А. Майданова «Прямо по курсу – смерть». В ней с исторической правдой рассказано о трагическом событии, которое произошло осенью 1975 года в водах Финского залива с БПК «Сторожевой».

Осенью 1975 года БПК «Сторожевой», вернувшись из длительного похода, был привлечён к участию в праздновании очередной годовщины Октябрьской Революции. Отметив 58-ую годовщину Октябрьской Революции, БПК «Сторожевой», снявшись с якоря в порту Риги, направился в Ленинград. Предварительно В.М. Саблиным была дана телеграмма Главкому ВМФ СССР. В ней сообщалось, «что БПК «Сторожевой» следует в порт Ленинград с целью добиться возможности выступить по телевидению, обратиться к трудящимся Ленинграда и страны, пригласить на свободную территорию корабля членов Правительства и ЦК КПСС для изложения им конкретной программы и требований справедливого социального переустройства общества».

О чрезвычайном происшествии было доложено Генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу. Он приказал любой ценой вернуть корабль в порт приписки.

Морские бомбардировщики, поднятые в воздух, дали предупредительный залп по кораблю и потребовали возвращения его в Ленинград. Понимая, что в случае невыполнения приказа не избежать трагических последствий, В.М. Саблин, взявший на себя командование кораблём, принял решение вернуть корабль в порт.

За бунт, поднятый на корабле, В.М. Саблин был расстрелян. Многие офицеры разжалованы и приговорены к длительным

срокам тюремного заключения.

Случай трагичен, к которому можно относиться по-разному, исходя из гражданской позиции и просто совести. Военному человеку трудно понять, чем руководствовался Саблин, поднимая людей на открытый бунт. В армии это недопустимо.

Печально одно, что нет человека, чья жизнь без сомнения была предана народу, и который, как никогда, был бы полезен России в наше непростое время.

Поступок Саблина, так долго скрываемый властями, позже стал широко известен и оставил глубокий след в памяти людей, хорошо знавших его. Изданная книга о нём является подтверждением интереса к нему и его поступку.

В новой должности

Подходил к концу первый междурейсовый период. «Болезнь», присущая моряку, хоть раз побывавшему в океане, давала о себе знать: вновь тянуло в рейс, пусть и длительный, трудный и непредсказуемый.

Полностью отдавшись работе в группе ручной обработки телеметрической информации, удовлетворения я не испытывал. Моя теоретическая и практическая подготовка позволяли заняться более интересной и полезной работой. Такая возможность представлялась. Радиотехнический комплекс, установленный на корабле, был доработан под автоматизированное управление. Но из-за отсутствия математического обеспечения он практически не использовался.

Во втором экспедиционном рейсе по моей просьбе я был переведён на должность начальника отделения автоматизации управления корабельным радиотехническим комплексом. Но мне было поставлено условие, что подготовку группы дешифровки к специальным работам и их проведение до полной и равноценной мне замены, буду проводить я.

Такая замена мной была предложена. На одной из систем работал А.Г. Казорин. Человек перспективный, радиоинженер по образованию, имел хорошие теоретические знания по телеметрии и желавший возглавить комплекс СТИ-90 М. Поздняков И. Н. с предложенной кандидатурой согласился. К очередной работе А. Казорин был подготовлен и совместно со мной провёл её успешно. В дальнейшем все специальные работы он проводил самостоятельно. Я же целиком занялся вопросами автоматизации и доработки программного обеспечения.

Корабельный радиокомплекс состоял из большого количества различных систем, подготовка которых к сеансу связи с космическим аппаратом проводилась автономно. Пункт управления и связи (ПУИС) был оснащён предельно просто: внутренняя громкоговорящая связь и табло отображения выдаваемых на борт КА команд. Система автоматизированной обработки телеметрической информации не работала. Мёртвым грузом стоял и пульт автоматизированного управления корабельным комплексом. Начальник экспедиции, руководитель оперативной группы в сеансе связи с КА полной информации о работе корабельного комплекса не имели и оперативно вмешаться не могли. Всё сводилось к устным докладам непосредственно с систем. Понимая это, я с особым желанием занялся работой по автоматизации.

Система автоматизированного управления радиотехническим комплексом базировалась на двух ЭЦВМ «Днепр-2», состыкованных на общую оперативную память. Аппаратура связи с объектом обеспечивала связь систем радиотехнического комплекса с ЭЦВМ. Основными программами автоматизированной системы управления (АСУ) планировались:

– автоматическая связка систем корабельного комплекса в единую технологическую цепочку, оптимально необходимую для обеспечения предстоящей работы;

– автоматическая комплексная проверка готовности систем к работе по предстоящей программе;

– контроль работы систем комплекса в процессе сеанса связи с космическим аппаратом и др.

Всего программ автоматизированного управления корабельным радиокомплексом должно было быть десять, но они не были разработаны. Мне предстояла увлекательная и интереснейшая работа, которой я посвятил всё своё время. Во втором и последующих рейсах часть программ мной была отлажена и проверена в реальной работе. Увидеть действующую автоматизированную систему в полном объёме мне не удалось. В 1975 году после завершения программы «Союз – Аполлон» я перешел на вновь строящееся научно – исследовательское судно «Космонавт Павел Беляев». Работы по автоматизации радиокомплексов на научно-исследовательских судах «КЮГ» и «АСК» так и не были завершены. Дорогостоящая вычислительная аппаратура, на позолоту контактов различных ячеек, разъёмов и плат которой было израсходовано свыше десяти килограммов золота, стояла мёртвым грузом.

Адъюнктура

Прошли второй, третий и другие рейсы. Переполненный и уставший от впечатлений, я всё чаще стал думать о заочной адъюнктуре. Условия для этого к тому времени созрели: быт устроен, кандидатский минимум сдан. В.А. Пятыгин, сотрудник нашего отдела, будучи слушателем заочной адъюнктуры в академии им. Ф.Э. Дзержинского, активно подталкивал меня к принятию такого решения.

В 1975 году после очередного рейса я прошёл собеседование на кафедре № 2 академии им. Дзержинского и был рекомендован в заочную адъюнктуру. Начальником этой кафедры был в то время профессор, доктор технических наук В.П. Пятибратов. Он руководил моим дипломным проектом. В академии я буквально с первого курса активно занимался научно-исследовательской работой. К тому времени у меня было накоплено большое количество научных материалов, позволявших не только легко подготовить дипломный проект, но и создать базу для работы над диссертацией. Единственным условием, которое я должен был выполнить – поменять место службы. Длительные заграничные рейсы не способствовали успешной учёбе в адъюнктуре и были проблемой в подготовке диссертации. Казалось, что всё складывается благополучно. Руководство службы моему переходу к новому месту службы не препятствовало.

Мой близкий знакомый по академии Н. Кравцов, бывший в то время начальником вычислительного центра Главного штаба тыла Вооружённых сил СССР, рекомендовал меня своему руководству. Пройдя собеседование и получив добро, я с нетерпением ждал перевода к новому месту службы. Но перевод не состоялся – Главком РВСН приказ не подписал. Как выяснилось позже, причина перевода меня в другой род войск была недостаточно обоснована. Печально, но вопрос адъюнктуры был отложен на неопределённый срок. И мне вновь пришлось продолжить «одиссею», но уже на другом научно-исследовательском судне.

В.А. Пятыгин успешно закончил адъюнктуру, защитил кандидатскую и докторскую диссертации. В последние годы работал в Российской академии наук.

НИС «Космонавт Павел Беляев»

Однажды в разговоре со мной П.С. Князьков, начальник одного из отделов строящегося научно-исследовательского судна «Космонавт Павел Беляев», предложил мне должность начальника ЭВМ «Минск-32». Предложение заинтересовало. Новое судно, новые люди, новые задачи, новые районы плавания и заходы в другие иностранные порты. Настораживало одно – малочисленность штата и наличие лишь одной ЭВМ, что значительно затрудняло обеспечение надёжности выполнения специальных работ. К примеру, на НИС «Космонавт Юрий Гагарин» и «Академик Сергей Королёв» были установлены по две ЭВМ «Минск-32». Объём же решаемых задач вычислительным центром был таким же. К тому же, на указанных судах были отделения программистов, обеспечивающих баллистические расчеты и автоматизированную обработку телеметрической информации. На НИС «Космонавт Павел Беляев» отделения программистов не было. Баллистические расчёты и обработка телеметрии обеспечивались расчётом ЭВМ «Минск-32», в состав которого входили и программисты.

Взвесив всё «за» и «против», я согласился на предложенную работу. П.С. Князькова я хорошо знал, хотя в рейсах с ним не был. Мне нравились его спокойствие, уверенность, доверительность и заботливое отношение к людям. Работать под его руководством было легко. Умение организовать работу, расположить к себе подчинённых сочетались в нём с ненавязчивой требовательностью и умением индивидуально подойти к каждому. Его внимательное и заботливое отношение в полной мере я прочувствовал на себе. К сожалению, не могу сказать этого о начальнике экспедиции В.С. Кизьякове. За весь рейс он ни разу не зашёл в лабораторию, зато был активен в организации застолий.

Первый рейс на НИС «Космонавт Павел Беляев» для меня был особенно трудным. ЭВМ «Минск-32», к тому времени снятая с производства, была исключительно ненадёжной в работе. За шесть месяцев рейса было выявлено и устранено свыше ста неисправностей. Практически при каждом включении ЭВМ обнаруживались неисправности. Нетрудно представить, каких усилий стоило нам обеспечение работы корабельного комплекса. И это в условиях океана, когда помощи ждать не от кого. Обеспечивали, одновременно осваивая ЭВМ и «набивая себе шишки» на её ремонте. А штат был невелик – три программиста, инженер-электроник без практики работы на ЭВМ, техник с небольшим стажем обслуживания турникетов метрополитена и я.

ЭВМ «Минск-32» я не знал, но опыт обслуживания ЭВМ «Днепр-2», «Мир» и «МВУ-3А» позволил освоить и её в короткий срок. Естественно, что в первом рейсе обеспечить таким составом надёжную работу ЭВМ было исключительно трудно. Из машинного зала почти не выходили.

Главный инженер экспедиции П.С. Князьков, понимая всю ответственность, лежащую на нашем отделении, глубоко переживал за нас. Он часто заходил в машинный зал и, боясь отвлечь, спрашивал: «Ну, как Сергей? – Нормально, – отвечал я, – ЭВМ работает. Заканчиваем расчёты. Скоро выдадим на средства». Успокоившись, сунет мне в руки подсоленные сухарики, посмотрит в глаза тёплым и благодарным взглядом и скажет: «Сергей, ты бы отдохнул. Лица на тебе нет. Освободишься, заходи, полечимся». И незаметно уйдёт, поплевав трижды через левое плечо.

Жаль, что с Петром Семёновичем мне пришлось работать недолго. После перенесённого во втором экспедиционном рейсе инфаркта, он был переведён на работу в управление Службы. Выйдя на пенсию, он тяжело заболел и вскоре умер. Память об этом добром и высоконравственном человеке навсегда сохранится в сердцах его друзей и товарищей.

На НИС «Космонавт Павел Беляев» я совершил три экспедиционных рейса, которые были трудными и до мельчайших подробностей запомнившимися. Трудность заключалась в том, что пришлось работать на ЭВМ, надёжность которой была запредельно низкой. С теплым чувством вспоминаю моих подчинённых: Шибаеву Светлану, Исаева Александра, Кириллова Володю, Зыкова Олега, которые в труднейших условиях выполняли не только свои прямые обязанности, но и способствовали вводу в эксплуатацию программного обеспечения по машинной обработке телеметрической информации. Я сознательно не остановился на характеристиках всех судов Морского комплекса, их технической оснащённости и возможностях длительной работы в различных широтах Мирового океана. Ответы на многие интересующие вопросы можно найти в книге «Космический флот и управление космическим полётом», изданной в 1992 году под редакцией А.М. Жакова.

Госпиталь

Оглядываясь на прошлое, я с чувством благодарности вспоминаю тех людей, которые оставили добрый след в моей памяти. Длительные морские походы научили дорожить дружбой, уважительно относиться к сослуживцам. Для большинства моряков, испытавших трудности морских походов, чуткость и бережное отношение друг к другу – традиционны. К сожалению, этим чувством обладают не все. С равнодушием некоторых столкнулся и я.

Осенью 1976 года сильно простудившись, я тяжело заболел. Лечение антибиотиками не помогло, резкое повышение лимфоцитов в крови привело меня в госпиталь им. Бурденко. Гематологическое отделение на целых полтора месяца стало моим пристанищем. Что это за отделение, я не знал, но вскоре выяснилось, что в этом отделении лежат и больные раком крови.

Ознакомившись с моим направлением, дежурный врач с какой-то настороженностью посмотрел на меня и пожелал скорейшего выздоровления. Вызванный санитар проводил в отделение, а дежурившая медсестра показала палату и койку. Палата была небольшой, относительно чистой, с высоким потолком и единственным окном, выходящим в сквер и наглухо закрытым. Три койки были заняты. Четвёртая, расположенная у входной двери, предназначалась для меня.

На койке, расположенной у окна, лежал солдат, поступивший в отделение двумя неделями ранее меня. Он лежал головой к стене с выражением какой-то внутренней задумчивости, какая часто бывает у тяжело и безнадёжно больных людей. Осунувшееся, бледно-жёлтое лицо с запавшими щеками, заострённый нос и свалявшиеся мокрые волосы говорили о том, что этому несчастному очень тяжело и дни его, очевидно, сочтены. Его беспокоил коленный сустав, сильно распухший и отливавший нездоровой синевой. Нестерпимая боль не отступала ни на минуту, изматывая его и отнимая последние силы. Увеличиваемые с каждым днём дозы обезболивающего и снотворного в какой – то степени ослабляли его страдания, но не заглушали боли полностью. Позже вызвали родственников, перевели его в «отходную» палату, где вскоре он и умер.

На второй койке лежал капитан первого ранга в отставке. У него были поражены оба коленных сустава, передвигаться самостоятельно он не мог. Болел он более года и в то время проходил очередной курс лечения.

На третьей койке, стоявшей рядом с моей, лежал мужчина

лет тридцати. Высокого роста, с копной ухоженных седых вьющихся волос, с тонкими чертами чуть утомлённого болезнью лица, волевым подбородком и голубыми глазами. Он располагал к себе и вызывал чувство сострадания.

Познакомившись со мной, этот обречённый человек ввёл меня в курс всего, что мне придется перенести. А именно – бесконечные общие анализы, анализы костного мозга из бедра, грудной клетки и позвоночника. Повезёт – выпишут. Не повезёт, диагноз – рак крови, обречённость, длительное, безуспешное лечение и известный исход.

Такой откровенности я не испугался, но и морально к этому не был готов. Был уверен, что здоров, а всё случившееся со мной – временное явление, которому вскоре будет дано правильное объяснение и назначено соответствующее лечение.

Со следующего дня всё предначертанное моим новым знакомым стало реализовываться. Лечащий врач подробно рассказал о возможных этапах моего обследования и его продолжительности. Сначала – общие анализы и обследование почек. Если причина резкого увеличения лимфоцитов в крови не будет выявлена, будут взяты анализы костного мозга, результаты которых позволят установить причину заболевания и назначить требуемый курс лечения.

Общее обследование перенёс я довольно легко. Обследование почек – процесс затяжной и весьма неприятный. Пришлось пройти и его. Результаты – отрицательны. Это радовало и в то же время настораживало. Не хотелось верить, что повышенное количество лимфоцитов является результатом заболевания крови. Если так, то рушатся все планы, не говоря о главном – жизнь под угрозой. А мне всего лишь сорок.

Наступил день, когда был взят на анализ костный мозг из бедра. Не хотелось верить, что со мной случилось самое страшное. Неделя томительного ожидания результатов анализа показалась вечностью. Какие только мысли не приходили в голову. Наконец – получен результат. Он – отрицательный. А это означало, что предстоит анализ костного мозга из грудной клетки. Что и было сделано в этот же день. И вновь неделя ожидания результата. Каким будет результат? То ли приговор, то ли надежда? В плохое верить не хотелось. И не верил. Это придавало мне силы, хотя порой и находился на грани срыва. С близкими общаться не хотел. Не хотелось читать в их глазах успокаивающую ложь. В эти дни меня кроме жены никто не посещал. Друзья или не знали, или каждый был занят своим делом. Руководству Службы и экспедиции было не до меня.

Ожидая результат второго анализа, я о многом передумал.

Любимым местом уединения был госпитальный скверик. Конец января выдался весьма теплым и солнечным. Длительные прогулки на свежем воздухе успокаивали и немного скрашивали гнетущее состояние. Телефонная будка, стоявшая рядом с моргом, в вечерние часы была свободна. И я длительное время мог общаться с родственниками по телефону. Но как бы я ни старался уйти от сверлящей мысли, сделать этого не мог. Что будет завтра, послезавтра?

И завтра наступило. Лечащий врач неожиданно забежал в палату. В это время я отдыхал, и его появление в такой час меня насторожило. Я приготовился к худшему. Справившись о моём самочувствии, он сообщил, что у меня всё хорошо, а подробно обо всём поговорим завтра. Можно понять моё состояние – я был бесконечно счастлив. Спешно одевшись, я выбежал на улицу и направился к телефонной будке, чтобы сообщить жене об этой новости. Появилась надежда в ближайшие дни выписаться из госпиталя и забыть пережитый кошмар.

На следующее утро я был приглашён на беседу к лечащему врачу. Он сообщил, что проводить дальнейшее обследование не имеет смысла. Повышенное количество лимфоцитов в крови очевидно обусловлено большой дозой принятых антибиотиков, которые сдвинули формулу крови. Но это с течением времени восстановится. Готовьтесь на военно-врачебную комиссию, которая состоится завтра.

И вот я на заседании военно – врачебной комиссии. Главный терапевт госпиталя сообщил мне, что причина заболевания предельно точно не установлена, и подозрение на заболевание правой почки. Для установления точной причины необходимо сделать биопсию почки, что дело это добровольное и что этот анализ в моих интересах. Моментального согласия не требуется. Необходимо получить консультацию всех врачей, которые принимали участие в моём обследовании и принять решение.

На следующий день я был проконсультирован и дал согласие. Не верить врачам в тех условиях я не мог. Через год выяснилось, что делать биопсию необходимости не было. Почка была здорова, ошибка врачей очевидна.

Итак, биопсия почки произведена. Процедура весьма болезненна и не безопасна для самой почки. Вновь ВВК. Лечащий врач мне сообщил, что всё хорошо и в ближайшее время меня выпишут. И вот я на комиссии: зачитан результат биопсии – «гломерулонефрит в стадии стойкой ремиссии. К службе на кораблях морского флота я не годен». Я ошеломлён. Как же так, лечащий врач сказал одно, решение комиссии прямо противоположное? Задаю вопрос председателю ВВК о тяжести

заболевания и лечении и как долго буду жить? Он ответил, что необходимости в лечении нет, и если повезёт, то можно прожить и десять, а может быть, и тридцать лет. Я поблагодарил за юмор и настоял о немедленной выписке.

Выйдя из кабинета, я попросил лечащего врача объяснить происшедшее. Он ответил, что я практически здоров и могу продолжать службу на флоте, о чём будет сообщено врачу моей Службы. Что касается решения военно-врачебной комиссии, то он сказал, что они люди и по известным причинам не лишены чувства перестраховки.

Возвращаюсь на Службу. В.Г. Безбородов в недоумении от представленного эпикриза. По докладу врача Службы И.В. Кузнецова я был практически здоров и мог выполнять служебные обязанности. Внимательно выслушав меня, Виталий Георгиевич дал бумагу и предложил написать рапорт о согласии идти в очередной рейс.

Через две недели я ушёл в рейс. По окончании рейса я прошёл обследование в Окружном военном госпитале, расположенном в городе Одинцове. Диагноз не подтвердился, но и снять его не могли. Снять этот диагноз могли только в Главном военном госпитале имени Бурденко. От повторного обследования я отказался. С таким диагнозом живу до сих пор, чувствуя себя абсолютно здоровым. О гломерулонефрите нет и речи. Обидно за пережитое и за то, что за необъективно поставленный диагноз и решение, принятое военно-врачебной комиссией, никто не ответил. Да я на этом и не настаивал. А ведь они могли круто изменить мою биографию.

Научно-исследовательский институт

В 1981 году я решил, что с морской экзотикой надо заканчивать. Сказывалась усталость, чувствовалось охлаждение в семейных отношениях.

К тому времени большинство моих сослуживцев ушли из Морского комплекса и успешно проходили службу в других организациях. Руководство Службы моему переходу не препятствовало и я начал поиски нового места службы. Один из моих друзей Э.Н. Белов, работавший в то время в НИИ-27, узнал, что в вычислительном центре института есть вакантная должность и предложил мою кандидатуру. На собеседовании я не мог понять смысл задаваемых вопросов. Проводившего беседу интересовали не моя специальность, на каких ЭВМ работал, где проходил военную службу, опыт работы, а спортивные достижения и прочее. Стало ясно, что на это место есть другой кандидат, а мне откажут. Так и случилось.

Чуть позже мне позвонил С.А. Казаков. Мы вместе с ним учились в академии в одном отделении. Он спросил, не надоело ли мне плавать и не хочу ли я перейти к нему в институт. Предложение было неожиданным и заманчивым. Я согласился. Сергей Алексеевич занимал должность заместителя главного инженера института. Я не сомневался, что эту должность он получил заслуженно благодаря таланту и огромной работоспособности. Академию он закончил с одной четвёркой по философии, чтобы получить золотую медаль, ему было предложено пересдать экзамен по философии. Но он отказался, как отказался и от учёбы в адъюнктуре.

Проходил службу в ГРУ. Талантливо проявил себя, был замечен представителями промышленности и переведён на работу в Центральный научно – исследовательский радиотехнический институт. В институте в короткий срок создал Центр автоматизации проектирования радиотехнической аппаратуры, который существенным образом изменил практику и методики научных разработок и значительно сократил сроки внедрения опытных образцов аппаратуры в промышленное производство. С.А. Казаков в институте пользовался большим авторитетом. К нему с особым уважением относился директор института Мажоров. Всё это помогло Сергею Алексеевичу добиться моего перевода.

После долгих месяцев ожидания я перешёл работать в институт на должность старшего научного сотрудника отдела автоматизации проектирования. Окончил курсы по центральному

процессору ЭВМ ЕС-1033 и программированию, самостоятельно изучил АРМы и вспомогательное оборудование. Опыт практический работы на вычислительной технике позволил мне легко и быстро освоить процесс автоматизации проектирования радиотехнической аппаратуры. Спустя полгода – я начальник сектора. Появились первые результаты, первое признание.

Вскоре я был приглашён на собеседование в одно из известных Управлений. Мне была предложена должность начальника вновь создаваемого научно-исследовательского отдела. Тематика работы отдела не раскрывалась. Было сказано, что профиль научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, проводимых отделом, будет соответствовать моему образованию и опыту практической работы. Взвесив всё, в том числе и материальную сторону, я дал согласие.

Работа в отделе была и напряжённой, и интересной. Наряду с научной работой, приходилось много времени тратить на административно-хозяйственную и общественную работу, подбор кадров и обучение молодых специалистов.

Вскоре я приступил к исполнению служебных обязанностей. Начальник отделения И.Ф. Иванов подробно ознакомил меня с тематикой научно-исследовательских работ отдела и предложил на первом этапе подробно ознакомиться с разработками, выполненными отделением в последние годы. В состав отдела входили три сектора, один из которых – теоретический. Он был укомплектован на 50 процентов. Позже выяснилось, что сотрудники этого сектора к теоретическим исследованиям не готовы. Пришлось срочно ввести в состав отдела двух новых специалистов: начальника сектора, заканчивающего аспирантуру и ведущего инженера – доктора технических наук, вышедшего на пенсию и согласившегося работать по укороченному рабочему графику. К сожалению, он вскоре умер от сердечного приступа. Два других сектора предстояло укомплектовать. Для двух секторов лаборатории были выделены, для третьего требовалось переоборудовать одно из подсобных помещений. Позже я понял, во что я «впрыгнул». Главная задача – укомплектовать отдел. В этом вопросе мне была предоставлена зелёная улица. Я мог брать любого специалиста института, давшего согласие. Согласие давали, так как разница в зарплате была ощутимой. Забирая ведущих специалистов из других подразделений института, я понимал, что осложняю отношения с ними в вопросах будущего научного взаимодействия. Ради дела приходилось идти на конфликт.

Теоретический сектор был предметом не только моей заботы,

но и начальника отделения. От его состава зависел уровень теоретических разработок, выполняемых в интересах всего отделения. Но отделением такого уровня оно не могло быть. Укомплектовать его соответствующими сотрудниками в ближайшее время не представлялось возможным.

При первом знакомстве эта группа встретила меня подчёркнуто настороженно. Ещё бы! Они, достойные каждый занять мою должность и не занявшие её, и я, пришедший со стороны, да ещё военный, получавший зарплату почти в два раза больше их! Я понимал их, но не мог объяснить, что пришёл не по протеже, а на конкурсной основе. Понимал и то, что для сплочения и мобилизации коллектива на успешную работу я должен буду как можно быстрее войти в курс всех проблем, стоящих перед отделом, и доказать, что способен решать не только производственные проблемы, но и проблемы научного характера.

В течение года отдел был полностью укомплектован и стал полнокровным участником в исследовании и разработке специальной радиоаппаратуры. Сделать это удалось благодаря достаточно напряжённому труду. На работу приходил за час до начала рабочего дня. Уходил порой за полночь. Со временем пришёл первый успех и признание. За это время было написано несколько научных статей, подготовлено несколько разделов в научно-исследовательские отчёты отделения. Позже я был назначен руководителем прогнозной научно-исследовательской работы, выполняемой в интересах отделения, которую успешно сдал. Это придало мне большую уверенность, позволило смотреть на многие проблемные вопросы с других позиций.

Оглядываясь на прошлое, могу сказать, что работать военному человеку с гражданскими людьми порой бывает очень трудно. Не избежал конфликтов и я. Приходилось освобождаться от тех, которые не выдержали испытательного срока. А это было связано всегда с профкомом, парткомом, отделом кадров. Были и такие, которые считали себя технически грамотными и способными проводить теоретические исследования, на деле же оказывалось, что представленные ими материалы в отчёты по НИР и ОКР не включались, как не представляющие научной ценности. Приходилось лишать их премий, переводить на другую работу.

Работа в институте оставила глубокий след в моей памяти. Я приобрёл много новых друзей, был знаком со многими видными людьми, известными учёными.

В 1986 году по возрасту я вышел в отставку. Началась хоть и новая, но активная пенсионная жизнь. Работал в должности

заместителя директора одного из производственных объединений, освобождённым секретарём парткома объединения, членом Москворецкого РК КПСС. В 1990 году в связи со смертью отца и тяжёлой болезнью матери мне пришлось оставить работу.

Тяжёлый опыт выживания

О работе после развала Советского Союза хочется рассказать особо. Это время было трудным и для многих трагичным. Миллионы людей потеряли работу. Люди с научными степенями, врачи, инженеры, учителя, высококлассные рабочие были выброшены на улицы. Толпы молодых людей, не имея работы и перспективы на неё, без дела шатались в поисках случайных заработков, зачастую попадая в ряды преступников. А где преступность, там и проституция. Небывалыми темпами распространялись наркотики, увеличивалось количество наркоманов. Слабая государственная власть не могла справиться с этим разгулом.

Каждый сам искал выхода в сложившейся обстановке. Огромная армия безработных бросилась в мелкий бизнес. То, что раньше называлось спекуляцией и преследовалось по закону, теперь становилось престижным и прибыльным. Открывались маленькие магазинчики, ларьки, торгующие дешёвыми турецкими и китайскими товарами. В города хлынул неуправляемый поток уличных торговцев, превративший их в сплошной рынок. За импровизированными прилавками можно было встретить врача и колхозника, кандидата наук и сталевара, студентку и прошедшего Афганистан солдата или офицера. А что было делать? Надо было выживать. И выжили! В этом круговороте оказался и я.

Первый опыт бизнесмена я получил, отправившись вместе с женой чартерным рейсом в Пекин. Таких поездок было три. Вспоминаю их с содроганием и отвращением. С трудом куплены билеты. Прибыли в аэропорт, прошли регистрацию и ожидаем посадки в самолёт. Не тут-то было! Рейс задерживался на два часа, потом ещё и ещё. Внешний вид пассажиров, вылетающих в Пекин, напоминал вид белогвардейцев, потрёпанных гражданской войной и поспешно покидающих Россию в поиске приюта на Западе. В зале ожидания вылета мест всем ожидавшим не хватало. Устраивались кто как мог. На одном из ожидавших была одета офицерская шинель, на других шапки-ушанки. Возле одной женщины, сидевшей прямо на полу, поскуливали две карликовые собачки породы «пиккинес». Они что-то ели и жадно хватали свежий воздух. Очевидно, она готовила их к длительному перелёту. В то время эти собачки пользовались у китайцев большим спросом и стоили до двух тысяч долларов. Вывоз же их из нашей страны и ввоз в Китай был запрещён. Но умудрялись и вывозили.

В темноте у одной из колонн расположились несколько молодых мужиков, с бордовыми от принятого спиртного лицами и бычьими шеями, на которых висели толстые золотые цепи с увесистыми кулонами. Вели они себя вызывающе: пили из бумажных стаканов водку, рвали зубами колбасу и куски мяса, орали так, что в потоке отборного мата не было слышно простых русских слов. Один из них выделялся особенно. Весом около двухсот килограммов и грудой накаченных мышц, он как бай, развалившийся под раскидистой чинарой, тупо смотрел на окружающих и иногда выдавливал из себя едва различимые слова, более похожие на фырканье бегемота.

Объявлена посадка в самолёт Ту-104. Он специально был переоборудован под чартерный рейс. В хвостовой части салона самолёта была снята половина пассажирских кресел. Количество перевозимых пассажиров не уменьшено. Приходилось сидеть троим на двух креслах. Всё это было сделано для того, чтобы разместить довольно лёгкий, но объёмный груз пассажиров.

Наконец-то все расселись и успокоились. Самолёт вырулил на взлётную полосу, взлетел и набрал положенную высоту. Начался кошмарный перелёт, в благополучное завершение которого с трудом верилось.

Пассажиры, собравшиеся в небольшие группы по интересам, разложили закуски и начали, в буквальном смысле этого слова, безудержную попойку. Курение, пьяное шатание по салону самолёта, сплошной мат и надрывное пение блатных песен царили в течение всего перелёта. В одной из групп началась разборка, завершившаяся потасовкой. Экипаж самолёта никаких мер по пресечению разгула пассажиров не принимал.

Несколько часов утомительного и небезопасного полёта с промежуточной посадкой в Омске – и мы в современнейшем аэропорту Пекина. Около часа езды и мы развалюхой-автобусом доставлены в пятизвёздочную гостиницу «Двадцать первый век». Она – чудо современной архитектуры, открыла перед нами все свои возможности. Вежливые и внимательные сотрудники неторопливо оформили необходимые документы и выдали ключи от номеров. Номер – люкс. Широкие кровати, застеленные тонкими ослепительной белизны простынями, пышные подушки и мягкие матрацы манили в свои объятия. В большом бассейне, расположенном на первом этаже гостиницы, купались не только проживающие в ней туристы, но и резвились удивительно симпатичные и милые местные дети. Шведский стол ресторана, предлагавший более двухсот различных блюд, удовлетворял желание самого капризного туриста. Хотелось немедленно воспользоваться всем этим и поскорее забыть кошмар только что

завершённого перелёта.

Вояж в поднебесную продолжался пять дней. В первое утро, отведав на выбор вкусной и радуемой глаз пищи, посетили шёлковый рынок. Он напоминал наши вещевые рынки, стихийно возникшие в начале 90-х годов. Разница лишь в одном – у них всё «ихнее», у нас ничего своего. Только – турецкое, польское и растущее по ассортименту и объёмам китайское.

Трудовой день в разгаре. Я, примостившись под одним из деревьев, ожидал жену и её подругу, которые периодически подносили купленный товар. Набит один, второй, третий баул, а они всё подносят и подносят шедевры китайского производства. Прошел обед, уже и перекусить пора. Но как это сделать? Товар не оставишь, моментально украдут. Наконец-то моя супруга вспомнила и обо мне – принесла бутылку пива и упаковку чего-то съедобного. Вкуса этого блюда не ощутил, да мне безразлично было что съесть, лишь бы насытиться и скорее вернуться в гостиницу. Кстати, китайское пиво очень приятное и мягкое на вкус.

«Отоваривание» наконец закончилось. Поймав небольшой автобус и погрузившись в него, прибыли в гостиницу. Перетащив под неодобрительные взгляды обслуживающего персонала баулы, сумки в номера, предались воспоминаниям о первом рабочем дне.

Так прошли насыщенные беготнёй и поисками всего необходимого пять рабочих дней. До экскурсий дело не дошло. И вот он – день отлёта. Спущены вниз тщательно перевязанные тесьмой и обклеенные скотчем баулы. Поданы автобусы. В одном автобусе очень узкие двери. Баулы не проходят. Напряглись и общими усилиями их втиснули. Далее – современнейший аэропорт и соответствующий сервис. Самолёт всё тот же, только вдобавок набитый баулами. Летим в Омск. Выдержав вновь кошмар перелёта, мы в аэропорту Омска. Вот тут-то и началось, чего не увидишь даже в ужасном сне.

Самолёт подрулил к терминалу, не доехав до него метров пятьдесят. Необходимо было вновь пройти пограничный и таможенный контроль. А это означало, что нужно было выйти из самолёта вместе со своим багажом. Темнело. Взлётное поле освещено слабо. Организовав небольшую группу мужчин, способных на разгрузку, выкатили по трапам весь багаж. Пассажиры ринулись разыскивать свои сумки. А далее необходимо было перенести свой багаж в небольшой «зал» таможенного и пограничного контроля. А здесь – подвох. Этим и отличается русский человек, что всегда для своих соплеменников придумает что-нибудь неожиданное. Так вот – этот «зал» находился на втором этаже. С улицы к входной двери,

расположенной на уровне второго этажа, была приделана широкая лестница, сваренная из арматуры. По этой лестнице каждому пришлось перетаскивать свой багаж. Баулы весили 70–80, а то и более килограммов. Мужчины свой багаж осилили, но среди пассажиров много было женщин. Трудно им было найти уверенно стоящего на ногах помощника.

На картину прохождения контроля нельзя было смотреть равнодушно. Каждый спешил проскочить первым, не обращая внимания ни на возраст, пол, желание другого, попавшего в эту ситуацию. Многие ожесточились. И вновь крики, мат, вопли и причитания.

Наконец и этот кошмар закончился. Пассажиры вместе с багажом расположились на первом этаже терминала у места взвешивания и сдачи багажа на погрузку в самолет. Вновь заминка. Время вылета самолёта задерживается. Выяснилось, что в нашем самолёте обнаружена неисправность. В Москву мы будем доставлены другим рейсом, самолёт которого на подлёте к Омску. Медленно проходит время. С нетерпением ожидаем новых объявлений. И вот слышим, что произвёл посадку самолёт, следовавший рейсом… Ура! Дождались. Но рано радовались. Весь багаж на этот самолёт принят не был. Части пассажиров пришлось ждать очередного рейса. Жену в Москву я отправил этим рейсом.

Глубокая ночь. Сон валит с ног. Перекусили прямо на баулах. Вдруг мне пришла мысль обратиться к дежурному по аэропорту и выяснить обстановку. Боялся, что не примет. Но он принял и внимательно выслушал. Я ему объяснил, что везём новогодние подарки в качестве гуманитарной помощи детским домам, расположенным в Москве и области. Опаздывать не хотелось бы, понимая, с каким нетерпением дети ждут подарков…

Дежурный сообщил, что выход из положения вроде бы есть. Только что приземлился военный транспортный самолёт, который следует в Москву. Необходимо было переговорить с командиром самолёта. Разговор был коротким, самолёт не был загружен и проблемы с нашим багажом не было. Короткое ожидание – и мы вылетели. Не полёт, а наслаждение. Незаметно пролетело время до посадки на аэродроме в городе Чкаловске. Поблагодарили экипаж за благополучный перелёт и оказанную нам помощь и преподнесли им подарки. Наконец-то добрались до дома. Первый опыт «челнока» приобретен, но лучше бы его не было.

Морской космический флот

История морского космического флота

Бурное развитие космонавтики пришлось на шестидесятые годы двадцатого столетия. После успешного запуска первого искусственного спутника Земли ОКБ-1 С.П. Королёва приступило к непосредственной подготовке полётов человека в космос. Для обеспечения практически круглосуточной связи Центра управления полётами с космическими кораблями и аппаратами наземные командно-измерительные пункты не могли. Этот недостаток устранялся только с вводом в строй морских плавучих измерительных комплексов. Такая задача была поставлена Советом Министров СССР перед НИИ-4. В мае 1960 года эта задача была успешно решена. Грузовые суда ММФ «Краснодар», «Ворошилов» (позднее «Ильичёвск»), «Долинск» были переоборудованы под плавучие измерительные пункты, способные решать поставленные задачи практически во всех точках Мирового океана.

На этих судах были установлены по две станции приёма и регистрации телеметрической информации, аппаратура Службы единого времени, оборудованы фотолаборатории, необходимые для проявки и дешифровки фотоплёнок. Специального радиоканала для связи с Центром управления не было, использовалась судовая радиостанция. Состав экспедиций состоял из 8-10 человек, персонально назначаемых в каждый очередной рейс. Обычно это были сотрудники НИИ-4 или специалисты наземных измерительных пунктов. Нового юридического статуса эти суда не имели. Официально они являлись судами Министерства морского флота, обеспечивающими рыболовный флот тарой.

В свой первый четырёхмесячный рейс эти суда вышли 1 августа 1960 года. Тогда на них была отработана технология проведения в условиях океана телеметрического контроля работы бортовых систем космических кораблей (КК) и передачи информации в Центр управления полётами (ЦУП). Второй экспедиционный рейс, начавшийся 6 мая 1961 года, был продолжительным и трудным. В различных НИИ, на заводах-изготовителях космической техники, на космодроме, на наземных измерительных пунктах шла непосредственная подготовка к запуску человека в космос.

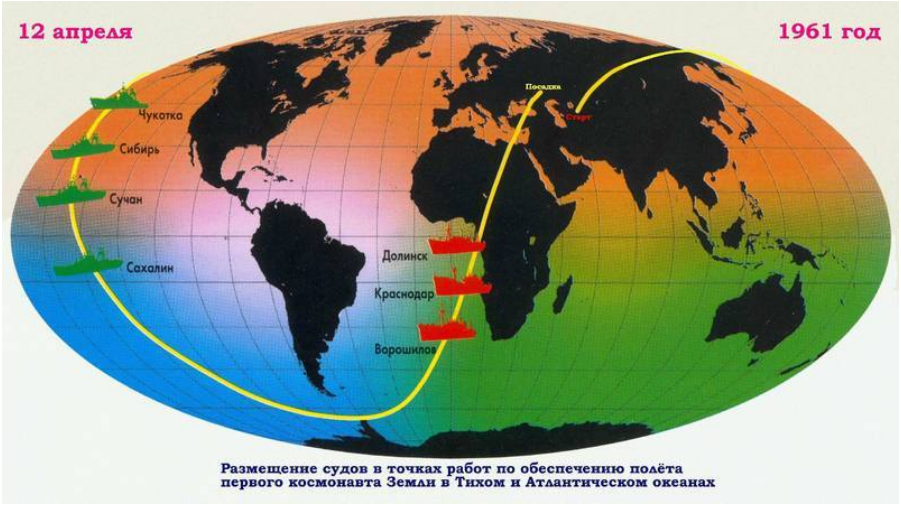
9 марта 1961 года суда ПТК НИИ-4 (плавучий телеметрический комплекс – ПТК) «Краснодар», «Ворошилов», «Долинск» обеспечили контроль работы бортовых систем на этапе спуска четвёртого беспилотного КК «Восток». 25 марта 1961 года

– пятого. На этом были закончены лётно-космические испытания КК «Восток». До запуска КК «Восток» с человеком на борту оставался месяц.

Начало апреля 1961 года. Суда ПТК НИИ-4 прибыли в расчётные точки, расположенные в Гвинейском заливе. Теплоход «Краснодар» находился в точке с координатами: 10° 10′ южной широты и 3° 30′ восточной долготы. Теплоходы «Ворошилов» и «Долинск» южнее и севернее «Краснодара» на 1200–1500 км по трассе полёта КК «Восток» соответственно. Основная задача – чёткое определение включения и выключения двигателей торможения спускаемого аппарата и выдача данной информации в ЦУП.

Корабли ВМФ «Чукотка», «Сибирь», «Сучан» и «Сахалин» располагались в Тихом океане по трассе пролёта КК «Восток» от Камчатки (40° сев. широты) до 8° южн. широты с промежутками 700–900 миль. На них возлагалось решение двух задач. Первая – после выхода КК «Восток» из зоны радиовидимости Камчатского НИПа отслеживать ТМ информацию о частоте пульса и дыхания космонавтов. Вторая – на случай нештатной посадки КК «Восток» проведение поисково-спасательных работ имеющимися на кораблях вертолётами и плавсредствами.

12 апреля 1961 года. Космодром «Байконур» замер в ожидании запуска КК «Восток», пилотируемого первым человеком Земли, дерзнувшим покорить космическое пространство. Время 9 часов 6 минут 59,7 сек. Успешный старт ракеты – носителя. Наземные командно-измерительные пункты (КИП), расположенные от Евпатории до Камчатки, ведут обработку ТМ-информации, поступающей с борта КК «Восток». Доклады в ЦУП: бортовые системы работают нормально, полёт КК проходит по программе. Последним НИПом на территории СССР, в зоне видимости которого пролетит КК «Восток», был НИП, расположенный на Камчатке. Примерно через 25 минут после старта КК «Восток» вошёл в зону видимости данного НИПа. Для прямой двусторонней связи с Ю.А. Гагариным на пункте находился ст. лейтенант А.А. Леонов. Услышав вызов «Зари» (позывной Леонова), Ю.А. Гагарин узнал вызывающего и ответил: «Привет блондину!». Затем передал информацию о состоянии бортовых систем и добавил, что использовал систему АСУ. У Леонова и присутствующих это сообщение вызвало нескрываемую улыбку. Они понимали смысл этой фразы. АСУ – это ассенизационное устройство, необходимое для удовлетворения естественных потребностей.



Размещение судов в точках работ по обеспечению полёта первого космонавта Земли в Тихом и Атлантическом океанах

Начальники первых экспедиционных рейсов в Атлантику на судах ПТК НИИ-4 МО, 1960 г.

Фомин В.Г.
т/х "Ворошилов"

Быструшкин В.В.
т/х "Краснодар",
танкер "Аксай"

Соснин И.А.
т/х "Долинск"

Первые суда Морского космического флота СССР, 1960-1961 гг.

После окончания сеанса связи КК «Восток» вышел из зоны видимости камчатского НИПа и долгих 40 минут находился вне видимости наших средств. Лишь корабли ТОГЭ – 4 продолжали снимать ТМ-информацию с КК «Восток» и оперативно докладывать в ЦУП о частоте пульса и дыхания Ю.А. Гагарина.

Эти минуты бесконтрольного полёта КК «Восток» тянулись мучительно долго. Напряжённая обстановка сохранялась и в

ЦУПе. Приближался момент входа КК «Восток» в зону радиовидимости судов «Краснодар», «Ворошилов» и «Долинск». Этап спуска КК на Землю является наиболее ответственным и сложным. Надежная и исправная работа бортовых систем космического корабля определяет точное выполнение программы посадки, а именно – разворот КК, его ориентация, отделение спускаемого аппарата от орбитального блока и его торможение. И как итог всей этой великой работы – посадка спускаемого аппарата в заданном районе.

Уверенность, что всё пройдёт по программе, была. О том свидетельствовали четыре последних успешных испытательных полёта КК «Восток» с манекенами на борту. Но главного конструктора С.П. Королёва всё ещё беспокоило, что отказ системы ориентации на этапе спуска первого испытательного полёта КК «Восток» привёл его к переходу на более высокую орбиту и последующему сгоранию в плотных слоях атмосферы.

Атлантический океан, Гвинейский залив. Суда ПТК НИИ-4 находятся в расчётных точках и готовы к работе. Погода отличная – полный штиль. Даже жара, особенно в трюме, где находилась станция «Трал», из-за нервного перенапряжения почти не ощущалась. Особая ответственность ложилась на членов экспедиции т/х «Краснодар». Все это понимали. Профессиональная подготовка, высокий уровень знаний, большой практический опыт членов экспедиции гарантировали успех предстоящей работы. Экспедицию возглавлял В.В. Быструшкин.

И вот он долгожданный момент. КК «Восток» входит в зону видимости т/х «Краснодар». Сигнал телеметрии – устойчивый. Операторы станции «Трал» сняли параметры и оперативно выдали в ЦУП информацию о начале и конце работы тормозной двигательной установки. Работа экспедиции завершена. Спустя некоторое время из ЦУПа пришла поздравительная телеграмма за подписью Н.С. Хрущёва, С.П. Королёва и А.И. Соколова, которые выражали благодарность всему личному составу экспедиции и экипажа за проделанную работу.

И всё же работа бортовой системы КК «Восток» на этапе подготовки к спуску дала сбой. Об этом стало известно из послеполетной беседы с Ю.А. Гагариным и расшифровки ТМ-информации, снятой судами ПТК НИИ-4. Нетрудно себе представить, что чувствовал Ю.А. Гагарин, видя, что команда на расстыковку орбитального блока и спускаемого аппарата в расчётное время не прошла. Он понимал, если расстыковка не произойдёт, последствия будут трагичными. Но сделать что-то в данной ситуации ничего не мог. Оставалось ждать и верить, что это незначительный сбой в работе аппаратуры. К счастью, тогда

произошло именно так.

Много позже Б.Е. Черток в своей книге «Ракеты и люди. Горячие дни холодной войны» написал: «По отчёту Гагарина разделение СА (спускаемый аппарат) и ПАО (приборно-агрегатный отсек) произошло через 10 минут после окончания работы ТДУ (по программе должно было произойти через 10 сек.). Из-за этого «Восток» вращался по всем трём осям. При входе в атмосферу сработали термодатчики и дали команду на разделение. Дальнейший спуск прошёл по программе».

О наградах. Эта тема весьма деликатна и болезненна. Зачастую люди, выполнившие основную работу, оставались без наград. Такая несправедливость постигла членов экспедиции НИС «Академик Сергей Королёв», когда после успешного завершения работы по программе «Союз – Аполлон» они остались без обещанных наград. Их получили другие – вышестоящие начальники и врачеватели человеческих душ. Пусть будет бог не с ними! Пусть незаслуженная награда жжёт им грудь и сдавливает дыхание во время красноречивых выступлений.

Члены экспедиций ПТК НИИ-4 наград не получили. По пять членов экипажей судов ПТК были награждены правительственными наградами. Что это? Чья-то ошибка или бюрократская проволочка? Нет! Это безразличие тех, кто должен был поступать по справедливости.

Позже начальник экспедиции т/х «Краснодар» В.В. Быструшкин был представлен к награждению медалью «За боевые заслуги». Принять эту награду по понятным причинам он отказался.

В.В. Быструшкин – инженер-полковник, участник Великой Отечественной войны, лауреат Государственной премии СССР, кандидат технических наук, многие годы работал в НИИ-4 МО. Принимал непосредственное участие в разработке и строительстве научно-исследовательских судов для МКФ. Он частый гость на встречах ветеранов МКФ.

Отдельный плавучий командно-измерительный комплекс (ОПКИК)

В ноябре 1962 года Главкомом РВСН была издана Директива о создании в структуре наземного командно-измерительного комплекса плавучего телеметрического комплекса (ПТК). Этой же Директивой был утверждён штат: офицерский состав – 14 человек, служащие советской армии – 40 человек. Командиром ПТК был назначен В.Г. Безбородов.

В.Г. Безбородов до 1961 года служил на Северном флоте. В связи с консервацией крейсера «Октябрьская Революция» был переведён на службу на НИП – 6, расположенный на Камчатке. Вскоре В.Г. Безбородов прибыл в Москву и приступил к работе в новой должности. Кабинета не было. Стол с пишущей машинкой в одном из кабинетов дома № 6 на Гоголевском бульваре надолго стали местом его напряжённой работы. Двухкомнатная квартира, выделенная ему в одном из военных городков, стала не только местом встреч прибывавших на службу новых офицеров, но и временной гостиницей для них. В сентябре 1963 года был юридически оформлен статус Морского космического флота как отдельного плавучего командно-измерительного комплекса в составе единого контура управления космическими полётами. Тогда же от НИИ-4 была принята вся необходимая материальная часть, переоформлены договора на аренду у Министерства морского флота судов, вошедших в состав ПТК, полностью укомплектованы экспедиции. Первыми начальниками экспедиций были: «Краснодар» – И.Н. Поздняков, А.П. Москалец – «Ильичёвск», С.Л. Масенков – «Долинск» и танкер «Аксай» – Ю.В. Дулин.

Положительный опыт, полученный при эксплуатации научно-исследовательских судов по обеспечению полётов КК и КА, послужил основанием для дальнейшего развития Морского комплекса.

Дальнейшее расширение исследований и освоения космического пространства потребовало строительства и ввода в эксплуатацию более современных судов.

В 1965 году на смену теплоходам «Краснодар» и «Ильичёвск» пришли современные суда «Бежица» и «Ристна», оснащённые новейшей аппаратурой и более мощными радиопередающими средствами. В марте – июне 1967 года под первую Лунную программу Морской космический флот пополнился пятью новейшими научно-исследовательскими судами. Это «Космонавт

Владимир Комаров», оснащённый командно-измерительным комплексом, позволявшим не только контролировать работу бортовых систем космических кораблей и аппаратов, но и вносить изменения в программу их полёта. Это и чисто телеметрические суда: «Боровичи», «Невель», «Моржовец», «Кегостров». Бытовые условия на них способствовали не только плодотворной работе, но и полноценному отдыху.

Под вторую Лунную программу в 1970–1971 годах в состав МКФ вошли ещё два научно-исследовательских судна: «Академик Сергей Королёв» и «Космонавт Юрий Гагарин». Эти суда стали гордостью нашей Родины. По своим техническим характеристикам они значительно превосходили аналогичные суда космических стран. НИС «Космонавт Юрий Гагарин» по праву считался флагманом космического флота.

Научно-исследовательские суда «Долинск», «Ристна», «Бежица», «Аксай» в 1975–1977 годах были выведены из состава морского комплекса и переданы торговому флоту. Их место в 1977–1979 годах достойно заняли новые НИСы: «Космонавт Павел Беляев», «Космонавт Георгий Добровольский», «Космонавт Виктор Пацаев» и «Космонавт Владислав Волков». Эти корабли были оснащены новейшей аппаратурой, в том числе телеметрическими станциями и комплексами автоматизированной обработки телеметрической информации и передачи её в ЦУП.

НИС «Космонавт Юрий Гагарин»

НИС «КЮГ» построено на Балтийском судостроительном заводе в городе Ленинграде в 1971 году. Длина 11-палубного теплохода 231 м, ширина 61 м, осадка 8,5 м, высота борта над ватерлинией 15,4 м, ходовой мостик находится на высоте 25 м над уровнем моря, паротурбинная силовая установка мощностью 19000 л.с., скорость хода 18 узлов. Автономность плавания без пополнения запасов топлива и продовольствия 130 суток. Запасов пресной воды хватало на 60 суток. Две опреснительные установки, производительностью по 20 тонн в сутки каждая, решали эту проблему. На судне было 1500 помещений, в том числе 80 лабораторий, в которых была установлена аппаратура радиотехнического комплекса.

Личный состав экспедиции и экипажа размещался в одно- и двухместных каютах. Численность экипажа – 140 человек, экспедиции – 215 человек.

Для отдыха членов экипажа и экспедиции на судне были спортзал, три плавательных бассейна, кинозал на 250 мест, бильярдная, библиотека и две столовые.

Установка кондиционирования воздуха обеспечивала комфортное проживание личного состава и требуемые климатические условия в лабораториях и специальных помещениях.

На судне установлены две электростанции. Первая – четыре дизель-генератора мощностью по 1500 кВт, предназначенные для питания аппаратуры экспедиции. Вторая – два турбогенератора по 750 кВт, работающие на ходу судна, один дизель-генератор мощностью 300 кВт для работы во время стоянки судна. Кроме этого на судне были два аварийных дизель – генератора мощностью по 100 кВт. Общая мощность всех электроустановок составляла 8000 кВт.

На борту судна были установлены 75 антенн различных типов, в том числе две параболические антенны диаметром 25 метров и две – по 12 метров. Общий вес этих антенн составлял 1000 тонн.

За двадцать лет (1971–1991 гг.) судно совершило 20 экспедиционных рейсов, пройдя 535 700 морских миль, что составляло 11 лет «чистого» плавания.

В свой последний экспедиционный рейс НИС «КЮГ» вышло 17 ноября 1990 года. Завершился рейс 4-го июня 1991 года. За время рейса «КЮГ» обеспечил работы по орбитальной станции «МИР», космическим кораблям «Союз ТМ-10, 11, 12», модулям

дооснащения «Квант», «Кристалл», «Квант-2», «Гамма», «Прогресс М-5, М-7», блокам А-444 и А-445, завершению полёта орбитальной станции «Салют-7», полёты космонавтов Афанасьева, Макарова, Манакова, Стрекалова, Арцебарского, Крикалёва, Тохиро Акиямы (Япония) и Хелен Шерман (Великобритания).

К сожалению, ныне этого корабля нет. После развала СССР оно в 1991 году нагло было захвачено новыми властями Украины. Средств на его содержание и обслуживание не выделялось. К 1996 году оно было полностью разграблено и ободрано. Всё, что можно было продать, продано. Уничтожена уникальная аппаратура, которая могла бы служить ещё долгие годы.

В июне 1996 года НИС «Космонавт Юрий Гагарин» – гордость космического флота, осквернённый и разграбленный, был продан Индии по цене 170 долларов за тонну веса. 29 июня 1996 года оно прибыло в порт «Аланг». На обезображенном и проржавевшем корпусе судна едва просматривалось название «АГАР», остаток от слова «Гагарин».

НИС «Академик Сергей Королёв»

НИС «АСК» построено на судостроительном заводе в городе Николаеве. Введено в эксплуатацию в декабре 1970 года. Порт приписки – город Одесса. За 21 год эксплуатации оно совершило 22 экспедиционных рейса, пройдя 555300 морских миль.

За тот период были проведены работы по обеспечению полётов орбитальных станций «Салют» и «Алмаз», 27 грузовых кораблей «Прогресс», 10 автоматических аппаратов к Луне, Марсу и Венере, моделей орбитального корабля «Буран», станции «Мир» и многих пилотируемых космических кораблей.

Его длина – 182 метра, ширина 25 метров, осадка 7,9 метра, водоизмещение 21500 тонн, число лабораторий – 86. Автономность плавания по запасам топлива – 22500 миль (40 000 км), по запасам воды и продовольствия – 120 суток. Численность экипажа – 120 человек, численность экспедиции – 180 человек.

Члены экипажа и экспедиции размещались в одно- и двухместных каютах. На борту были салон отдыха, спортзал, библиотека, два плавательных бассейна, столовая и кают-компания, рассчитанные на одновременный приём пищи всеми членами судна. На судне имелся медицинский блок, оснащённый необходимым медицинским оборудованием.

Многофункциональный командно-измерительный комплекс обеспечивал передачу на космические аппараты команд и программ управления, измерения их дальности и радиальной скорости, съём телеметрической информации и двустороннюю связь с экипажами КК и орбитальных станций.

На судне было установлено 50 антенн различных типов и назначения, в том числе три параболических, две диаметром 12 метров и одна – диаметром 2,1 метров. Малая антенна, установленная над ходовым мостиком, предназначалась для автоматического сопровождения космических аппаратов в сеансах связи. Большая антенна, расположенная в центре судна, предназначалась для передачи на космический аппарат команд и программ управления, измерения его дальности и угловой скорости. Вторая большая антенна, расположенная в корме, обеспечивала связь судна с ЦУПом через спутник связи «Молния».

К сожалению, НИС «АСК», также как и НИС «КЮГ», было разграблено и продано Индии на металлолом.

НИС «Космонавт Владимир Комаров»

НИС «КВК» введено в эксплуатацию в июле 1967 года. Его длина 156 метров, ширина 23,3 метра, водоизмещение 17 880 тонн, осадка 8,8 м. Главная энергетическая установка – 9000 л.с. Скорость хода 15,8 узлов. Численность экспедиции и экипажа – по 120 человек. Под радиопрозрачными куполами расположены параболические антенны, диаметром 8 метров. Уникальная приёмо-передающая аппаратура позволяла осуществлять связь с космическими аппаратами на окололунных дальностях.

Первый экспедиционный рейс: 01.08.1967 г. – 21.12.67 г. Последний 27-й рейс: 10.10.88 г. – 21.05.89 г. Чуть позже НИС «КВК» было перебазировано в Балтийское морское пароходство, переоборудовано и некоторое время использовалось в научных целях, но по другому профилю.

Очень жаль, что космической флотилии сегодня уже нет. Из одиннадцати научно-исследовательских кораблей на «плаву» остался только один – «Космонавт Виктор Пацаев», который находится в распоряжении «Росавиакосмоса» и эпизодически привлекается к работам по Международной космической станции. Оставшиеся суда в различные годы были списаны и утилизированы, а НИС «Космонавт Юрий Гагарин» и «Академик Сергей Королёв» были фактически захвачены Украиной, разграблены и проданы Индии по цене металлолома. Эти суда, оснащённые современной аппаратурой навигации и связи, по отделке и сервису не уступавшие многим современным круизным судам, а по надёжности и автономности плавания намного превосходили их, могли бы успешно работать на круизных линиях и приносить прибыль государству.

При развале СССР пришедшим к власти было не до науки и престижа страны. Цинично разрушая всё то, что в труднейших послевоенных условиях было создано народом и было его гордостью, они захватывали, грабили и продавали наворованное, баснословно наживаясь и вывозя многомиллионные капиталы за рубеж. Вот и пожинаем плоды теперь, восстанавливая престиж России в тяжелейшей борьбе с коррупцией и обнищанием народа.

НИС «Космонавт Ю. Гагарин»

НИС «Академик С. Королёв»

НИС «Космонавт В. Комаров»

Начальники первых экспедиционных рейсов на судах ОМ КИК

Москалец А.П.

Масенков С.Л.

Дулин Ю.В.

Поздняков И.Н.

Суда проекта "Селена"

НИС "Боровичи"

НИС "Невель"

НИС "Кегостров"

НИС "Моржовец"

Суда проекта "Селена-М"

НИС "Космонавт Владислав Волков"

НИС "Космонавт Павел Беляев"

НИС "Космонавт Виктор Пацаев"

НИС "Космонавт Георгий Добровольский"

Тихоокеанская гидрографическая экспедиция

В состав Тихоокеанской гидрографической экспедиции (ТОГЭ) входили научно-исследовательские корабли, непосредственно подчинённые военно-морскому флоту. Они привлекались для обеспечения полётов космических аппаратов и космических кораблей, поиску головных частей при испытаниях новых баллистических ракет.

Первыми плавучими измерительными пунктами были корабли «Сибирь», «Спасск» и «Сахалин», построенные в 1959 году и составившие соединение 4ТОГЭ. Командиром этого соединения был капитан 1-го ранга М.Ю. Максюта.

В 1961 году в состав Военно – морского флота вошли ещё три плавучих командно-измерительных пункта – это корабли «Чажма», «Чумикан» и «Чукотка», составивших соединение ТОГЭ. Командовал этим соединением капитан 1-го ранга Гатчинский В.Г. Позже эти корабли были сведены в единое соединение – 5ТОГЭ под командованием капитана 1-го ранга Краснова Э.Я. Местом постоянного базирования кораблей была выбрана бухта Авачинская (Камчатка).

В 1984 и в 1990 годах Тихоокеанский флот пополнился ещё двумя новейшими командно-измерительными кораблями, оснащёнными самой современной научной аппаратурой – «Маршал Неделин» и «Маршал Крылов».

Надо отдать должное личному составу этих кораблей, который в труднейших океанских условиях и без заходов в иностранные порты с честью выполнил стоявшие перед ним задачи.

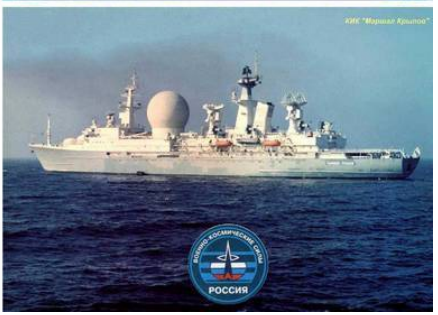
К сожалению, и этот флот не избежал участи Морского космического флота. На плаву остался лишь один корабль – «Маршал Неделин». Но и он эпизодически привлекается к специальным работам. У государства нет средств не только на его использование, но и на содержание. Стоит он в бухте Авачинская, постепенно ржавея и вызывая боль и возмущение у моряков, отдавших этому флоту свои лучшие годы.

Максюта Юрий Иванович

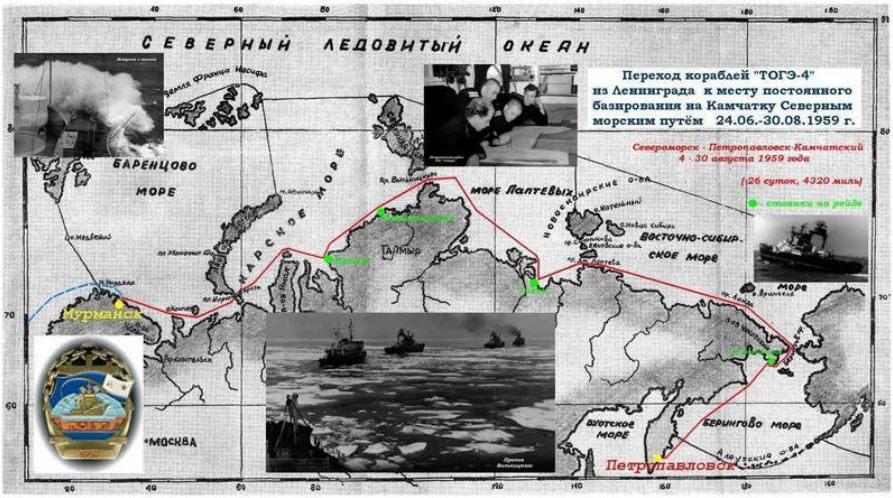
Первый плавучий измерительный комплекс ВМФ СССР, 1959 год.

"Тихоокеанская океанографическая экспедиция - 4" (ТОГЭ-4) .

Корабли ТОГЭ-5 и 35 бригады КИК Тихоокеанского флота СССР



КАРТА АРКТИЧЕСКИХ МОРЕЙ



«Спасите наши души»

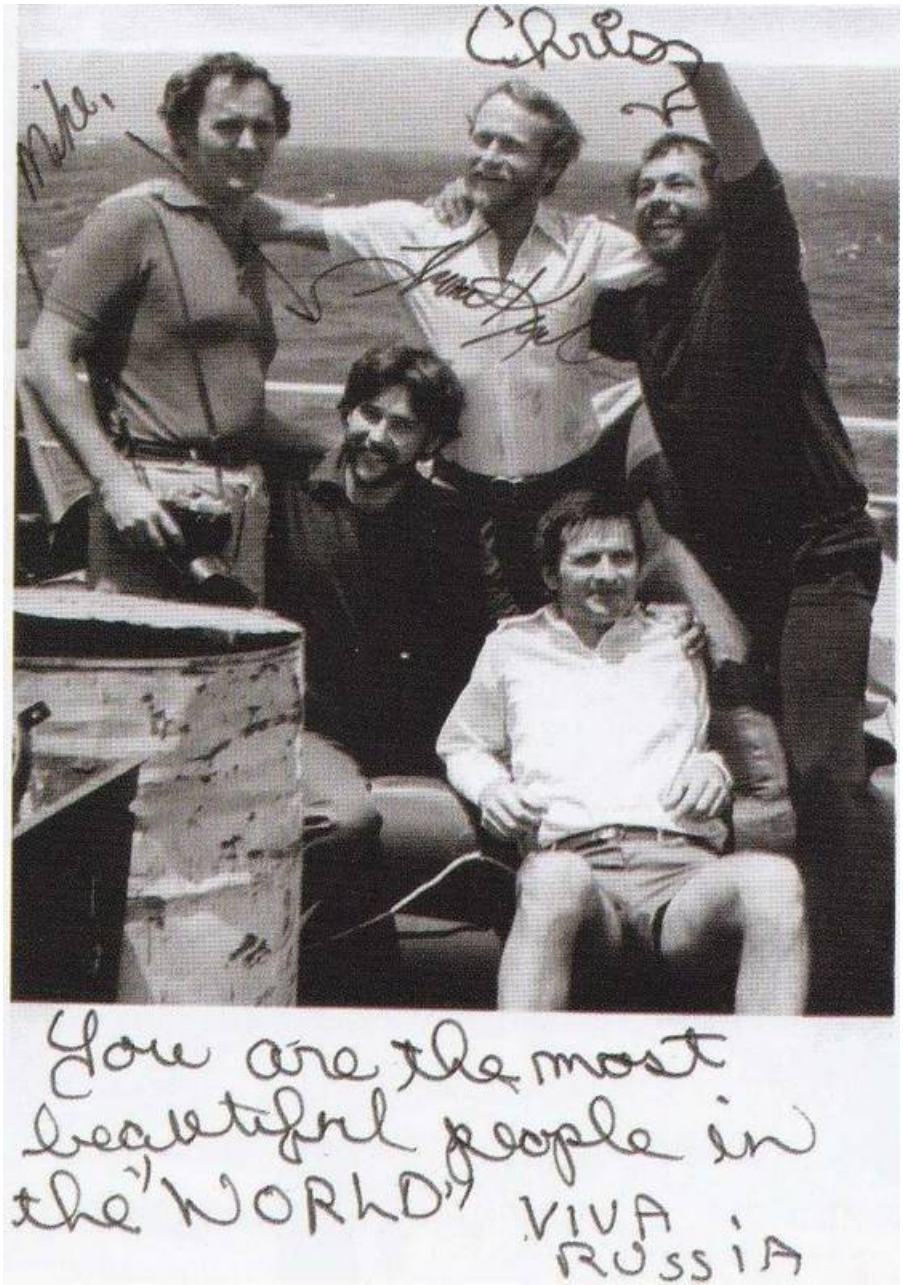
В одном из очередных рейсов НИС «Космонавт Павел Беляев», простояв длительное время в порту Гавана, вышло для пополнения запасов продовольствия и топлива в порт Виллемстад (о. Кюрасао), расположенный вблизи северного побережья Южной Америки.

С каждым часом хода погода заметно ухудшалась, стало ясно, что шторма не избежать. Вскоре по судну прозвучала команда: «Получено штормовое предупреждение. Крепить всё «по-штормовому». Эта команда на корабле выполняется неукоснительно и особенно тщательно. Любой предмет, тем более аппаратура, сорванная во время шторма со своего места, может привести к непоправимым последствиям. Известно, что штормы в районе Карибского бассейна явление довольно редкое, но их сила и жёсткость всегда приводили к огромным разрушениям и человеческим жертвам.

Работы по раскреплению аппаратуры и оборудования закончены. Темнело. Море, вспененное сильными порывами ветра, бушевало и дыбилось, набрасываясь на судно огромными волнами, но усиления шторма не чувствовалось. Появилась надежда, что проскочим без осложнений, до порта оставалось менее двенадцати часов хода.

По громкоговорящей связи прозвучало сообщение, что судно меняет курс и срочно следует в район гибели яхты, успевшей передать сигнал бедствия. Через два часа судно, наводимое самолётом береговой охраны, прибыло в район гибели яхты. Вскоре по светящемуся маячку был обнаружен спасательный плот. Подойдя к нему на возможно близкое расстояние и осветив его мощным прожектором, увидели, что на нём есть люди, которых немедленно надо спасать. Но как? Сильный ветер и огромные волны не позволяли судну подойти к плоту на расстояние, позволяющее зацепить его и подтянуть к борту. Один заход, второй, третий к успеху не привели. Судно, то зарываясь в провалы волн, то поднимаясь на их гребни, вновь и вновь находило плот, пытаясь зацепить его. Но безуспешно.

Наконец, на очередном заходе боцман, заядлый рыбак и яхтсмен, спиннингом, предназначенным для ловли крупной океанской рыбы, всё же зацепил плот и подтянул его к борту судна. И вот спасательный плот с двумя горе – яхтсменами, обессилевшими и почти потерявшими надежду на спасение, подняли на борт. Бесконечная благодарность и слёзы радости были видны на их измождённых лицах.



НИС «КПБ». Карибское море. Спасённые американцы

С рассветом судно вошло в ближайший порт. Спасённые, обогретые и накормленные, не обделённые вниманием, были переданы береговым властям. Прощались они трогательно. Подходили ко всем, кто в эти минуты находился рядом, крепко жали и целовали руки, в их глазах были слёзы счастья, что они

были спасены.

Мы стали свидетелями ещё одной трагедии, разыгравшейся у берегов Канады. В одном из очередных рейсов, работая в районе о. Сейбл, наше судно приняло сигнал SOS. Контейнеровоз, следовавший в порт Галифакс, терпел бедствие. Раньше нас в этот район подошли два эсминца ВМФ Канады. Оказалось, что груз, находившейся на борту контейнеровоза, из-за сильного шторма сместился и вызвал сильный крен на борт, что грозило судну переворотом и гибелью. Команда покинула судно. В спасательных плотах, поднятых на борт эсминцев, живых не оказалось. Все погибли от переохлаждения. Контейнеровоз же остался на плаву и был отбуксирован в порт.

Арест судна

В одном и рейсов НИС «АСК», выйдя из Лас-Пальмаса, в срочном порядке направилось в точку работы. Проходя вдоль западного побережья Африки, в районе территориальных вод Мавритании, судно было арестовано и препровождено в ближайший порт. Капитан и начальник экспедиции с борта были сняты и доставлены в консульство для выяснения причины нарушения судном территориальных вод.

Экспедиция была приведена в готовность к действиям на случай захвата судна. Арест длился одни сутки. Оказалось, что соответствующие службы нашего Министерства морского флота не довели до капитана информацию о том, что Мавритания увеличила границу территориальных вод с 12 до 30 миль. Мы же оказались нарушителями, которым грозили определённые санкции.

Но дело не в санкциях, это проблема государства. Мы же из-за непредвиденных обстоятельств опаздывали в точку работы, что могло привести к определённым последствиям. К счастью, всё обошлось благополучно. Своевременные действия руководства нашей Службы, пароходства и МИДа СССР разрешили этот конфликт.

Провокация в Средиземном море

Почти трагичным стал один из рейсов НИС «Космонавт Владимир Комаров». Успешно завершив специальные работы НИС «КВК» возвращался на Родину. Средиземное море, необычно спокойное в это время года, не предвещало беды. Настроение членов экипажа и экспедиции было приподнятым. До Одессы рукой подать. А там – «гуляй, Вася!»

Стрелки судовых часов перевалили за полночь. На экране локатора отчётливо просматривались полоски точек от траловых поплавков и засветки от многочисленных островов. Встречных судов на экране не наблюдалось. Рулевой матрос, проведший судно через моря и океан, отстоявший тяжелейшие вахты ревущих сороковых широт, спокойно выполнял свои обязанности.

В какой-то момент он заметил на экране локатора точку, двигавшуюся курсом, пересекавшим курс «КВК». Что было дальше, кто кроме рулевого находился в тот момент на мостике и был ли там тот, кто должен был быть в эти ответственные часы именно там?

Вдруг – сильнейший удар. Проснулись даже те, кто крепко спал. Ощущение, что что-то случилось чрезвычайное. Либо сели на мель, приблизившись на недопустимо близкое расстояние к небольшому острову, каких в этом районе было множество, либо столкнулись с каким-то судном.

Люди подсознательно стали выбегать на палубу, забыв про свои спасательные средства. Паники не было, царило любопытство к происшедшему. В районе бака перед ними открылась картина: японский траулер, распоротый пополам форштевнем «КВК», медленно уходил под воду. Экипаж «Комарова» спасал экипаж траулера.

Что же произошло, кто виноват в случившемся? Трагедии на море всегда связаны с большими жертвами. В данном случае их могло быть много.

Международная комиссия установила, что команда НИС «КВК» действовала в соответствии с правилами судовождения, команда японского траулера эти правила не соблюдала. Траулер в момент столкновения шёл на «авторулевом», вахта на ходовом мостике отсутствовала.

Хотя вина НИС «КВК» доказана не была, судно в течение двух лет было лишёно права захода в иностранные порты.

Хочу уточнить, вина вахты КВК в трагедии всё же была. Слухи по судну «ходили» и они были небеспочвенны. Позже местной комиссией было выявлено, что в ту злосчастную ночь вахту нёс

старший помощник капитана. В тот день у него был день рождения, и очевидно, что принятая им доза спиртного повлияла на адекватность принимаемых решений.

Ох, эта лектор

В одном из рейсов на корабле отмечался Международный женский день 8-е Марта. Как и было положено, в таких случаях, вся экспедиция и экипаж были собраны на торжественное собрание: президиум с отличниками боевой и политической подготовки, передовики производства и, естественно, лектор. Подготовленный доклад поручили сделать молоденькой и весьма привлекательной официантке, впервые вышедшей в рейс. Поднявшись на трибуну, она сбивчивым и дрожащим голосом, проглатывая отдельные слова, мучительно доводила расплывающийся перед её глазами текст до слушателей.

С задних рядов порой доносились в её адрес выкрики: «Да не слушать её надо, а …! Глупа, восхитительно глупа!» Стыдно было за таких товарищей. Ещё обиднее было за того, кто подставил её, не понимая, на что обрекает.

Для той девочки рейс был унизительным, первым и последним в её жизни. Придя на Кубу, выяснилось, что она в интересном положении. Врачи военного госпиталя освободили её от этой тяжести. Спустя четыре месяца ей вновь пришлось по этой же причине побывать в том же госпитале. Но и это не остановило её. С приходом из рейса, а он продолжался свыше восьми месяцев, она вновь оказалась в интересном положении. Руководству экипажа пришлось вновь принимать меры. Да, инстинкт, непреодолимое желание, безотказность порой побеждают рассудок…

Музей Морского космического флота

Суда Морского космического флота принимали участие в управлении полётами пилотируемых космических кораблей, орбитальных станций, контроле полета баллистических ракет на этапе их испытаний и старты космических аппаратов с промежуточных орбит к планетам Солнечной системы.

В 1994 году космическая флотилия прекратила своё существование. Бывшие активные участники океанских походов, ставшие ветеранами МКФ, продолжали встречаться, хотя эти встречи были эпизодическими, приуроченными к определённым датам.

Отсутствие помещения не позволяло собрать всех желающих, пригласить учёных, космонавтов и всех тех, с кем приходилось общаться на производстве или по службе. А этим людям было о чём рассказать, чем поделиться. Естественно, на этих встречах постоянно поднимался вопрос о создании музея и клуба ветеранов Морского космического флота, но всё упиралось в помещение. На собственные сборы рассчитывать не приходилось. Их хватало лишь на ту помощь, которая оказывалась семьям наших ветеранов, попавших в трудное положение. Обращения в различные инстанции и к возможным спонсорам поддержки не нашло.

И всё же в 1997 году выход из положения был найден. Благодаря настойчивости И.В. Кузнецова и поддержке его жены Елены Васильевны, работавшей начальником управления культуры Северо-западного административного округа города Москвы, такое помещение было найдено. Дирекция Культурного центра «Митино» не только выделила помещение под музей, но и предоставила возможность проводить регулярные встречи ветеранов МКФ.

Диплом

ФЕДЕРАЦИИ КОСМОНАВТИКИ РОССИИ

DIPLOMA

OF THE COSMONAUTICS FEDERATION
OF THE RUSSIA

НАГРАЖДЁН

КЛУБ ВЕТЕРАНОВ МОРСКОГО КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА

ЗА ЗАСЛУГИ ПЕРЕД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КОСМОНАВТИКОЙ, БОЛЬШОЙ ВКЛАД В ВЫПОЛНЕНИЕ ПРОГРАММ ПИЛОТИРУЕМЫХ КОСМИЧЕСКИХ ПОЛЁТОВ, АКТИВНУЮ ПРОПАГАНДУ ДОСТИЖЕНИЙ И ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КОСМОНАВТИКИ

Президент федерации космонавтики России

Ответственный секретарь

12 апреля 2020 г.

МУЗЕЙ МОРСКОГО КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА

Они были первыми!

Сбор членов Клуба ветеранов Морского Космического Флота
Добро пожаловать!
ПРИГЛАШАЕМ
ПРИГЛАШАЕМ
24 ноября 2012 года

КЛУБ ВЕТЕРАНОВ
"Морского космического флота"

КАЮТКОМПАНИЯ

ЗАДАЧИ
Морского
Космического
Флота

МОРСКОЙ КОСМИЧЕСКИЙ ФЛОТ

МОРСКОЙ КОСМИЧЕСКИЙ ФЛОТ

JANE'S
FIGHTING SHIPS
OF WORLD WAR II
VE
JANE'S

С. Николаев, В.В. Быструшкин

Благов, Аксёнов, Николаев, Пятыгин

Музей Морского космического флота был торжественно открыт в 1998 году. Основой его экспозиции стали уникальные

материалы, находившиеся ранее в частных коллекциях. Особо ценной для музея оказалась безвозмездно переданная В.И. Сокалло уникальная коллекция даров океана, профессионально им собранная и обработанная. Большую работу по расширению экспозиции музея сделал А.А. Капитанов, собрав и подготовив большое количество редких и особенно ценных фотоматериалов.

В настоящее время совет музея ведёт кропотливую работу по обновлению его экспозиции, поиску новых материалов, и в этом активно помогают А.А. Масленников, В.Ф. Жидкин и многие другие. В.Ф. Жидкин возглавляет музей и одновременно является его экскурсоводом и лектором. Благодаря его целенаправленной пропагандисткой работе музей стал широко известен. С начала основания музея его посетило свыше сорока тысяч человек. Очень радует, что большая часть среди них – молодёжь.

В 2002 году музей МКФ принят в Ассоциацию музеев космонавтики России и в настоящее время поддерживает тесную связь с музеем Мирового океана и филиалами музея, расположенными в Одессе и в Санкт-Петербурге.

Музей МКФ (город Москва, школа имени космонавта Владимира Комарова)

Музей расположен в школе, носящей имя космонавта Владимира Комарова. В настоящее время его возглавляет В. Васильев. Заслуга по открытию этого музея принадлежит Илье Никитовичу Позднякову. Большую работу по подбору материалов, привлечению ветеранов МКФ к активной в нём работе, организации различных встреч и пропаганде достижений космонавтики проводит А.А. Капитанов. Благодаря этим людям музей активно развивается и становится наиболее посещаемым в последний год. Посетителями являются ветераны Морского космического флота, специалисты различных НИИ, представители промышленных предприятий, учащиеся школ и студенты вузов. В качестве почётных гостей приглашаются космонавты.

Королёв
Сергей Павлович

Гагарин
Юрий Алексеевич

Комаров
Владимир Михайлович

Беляев
Павел Иванович

Пилюгин
Николай Алексеевич

Крылов
Николай Иванович

Неделин
Митрофан Иванович

Добровольский
Георгий Тимофеевич

Волков
Владислав Николаевич

Пацаев
Виктор Иванович

КОСМОНАВТЫ, ХОДИВШИЕ В РЕЙСЫ НА СУДАХ «СЛУЖБЫ КОСМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

ГЛАЗКОВ
Юрий Николаевич
АРТЮХИН
Юрий Петрович
ТИТОВ
Герман Степанович
АКСЁНОВ
Владимир Викторович
СТРЕКАЛОВ
Геннадий Михайлович
АФАНАСЬЕВ
РЮМИН
Валерий Викторович
САВИНЫХ
Виктор Петрович
КОЛОДИН
Петр Иванович
ЗАИКИН
Дмитрий Алексеевич
ЮРЧИХИН
Федор Николаевич
ГАЙДУКОВ
Сергей Николаевич
КУКЛИН
Анатолий Петрович
ПОНОМАРЁВ
Юрий Анатольевич
ПЕТРУШЕНКО
Александр Яковлевич
КОЗЕЛЬСКИЙ
Владимир Сергеевич

Вместо эпилога

Работая над рукописью, я постоянно возвращался к фотографиям, до боли в глазах всматривался в дорогие и близкие мне лица, многих из которых уже нет в живых.

Летом 2013 года ушёл из жизни **Виталий Георгиевич Безбородов**. Чуть позже – наш врач **Кузнецов Игорь Васильевич**. В декабре 2013 года – **Валентин Сергеевич Феоктистов** .

Валентин Сергеевич родился 7 октября 1937 года. После окончания средней школы поступил учиться в ВВМУ имени А. Попова, которое окончил в 1960 году. После окончания училища и до 1963 года проходил службу на НИПе (Камчатка) в должности начальника станции «Заря». С конца 1963 года и до 1989 года служил в ОМПКИК (МКФ), занимая должности от начальника экспедиции до начальника МКФ.

Валентин Сергеевич принимал участие во многих экспедиционных рейсах, будучи начальником экспедиций НИСов: «Аксай», «Краснодар», «Бежица» и «АСК».

Валентина Сергеевича я хорошо знал. С 1971 и по 1975 год я находился в длительных заграничных рейсах на НИС «АСК», где он был заместителем начальника экспедиции по связи.

В последние годы жизни В.С. Феоктистов тяжело болел. Перенёс несколько сложнейших операций. Несмотря на состояние здоровья, он принимал активное участие в работе Клуба ветеранов Морского космического флота.

Валентин Сергеевич за успехи в военной службе был награждён многими правительственными наградами и памятными медалями Федерации космонавтики России.

С **Кузнецовым Игорем Васильевичем** я познакомился в первый день моего прихода в Морской комплекс. После окончания медицинского института он был распределён на службу в ОМКИК. Выйдя на пенсию, работал в кардиохирургии Центрального военного госпиталя им. Вишневского. Как специалист высокой квалификации он пользовался заслуженным авторитетом у работников госпиталя и ветеранов МКФ. Многим он лично помогал, не отказывал в помощи и членам их семей. На похоронах один из молодых кардиохирургов, работавший под началом Игоря Васильевича, сказал, что ему и многим молодым врачам будет не хватать поддержки и бесценного опыта Игоря Васильевича, что на работе он ещё долгое время будет искать глазами, этого доброго, порядочного и интеллигентного человека.

Академик **Владимир Васильевич Губанов** – ветеран

Морского космического флота, генеральный директор компании «Альтернативные коммуникационные технологии» (АЛТЕК). Родился 29 апреля 1940 года в городе Москве. Закончил МАИ. Ходил в экспедиционные рейсы на НИС «Бежица» и «Моржовец», лауреат Госпремии СССР, академик, автор более 40 научных работ. Являлся советником Президента России по обороне.

Владимир Васильевич был постоянным участником встреч ветеранов Морского космического флота. Умер он 26 декабря 2008 года.

Да! Сколько их было. Обо всех не напишешь. Память же о них жива. Во время встреч ветеранов с чувством тревоги ожидаю той минуты, когда по сложившейся традиции сообщат об ещё ушедших в мир иной. Что делать – это жизнь, и так будет до тех пор, пока будет жить хотя бы один ветеран Морского космического флота!

Хочется верить, пройдут годы и ушедшие из жизни ветераны, слетевшись в межзвёздную флотилию, пролетая маленькой туманностью в безбрежном океане Вселенной, с необыкновенной нежностью и любовью вспомнят голубую планету Земля, с которой были связаны лучшие мгновения их бытия.

В заключение приведу проникновенные слова, написанные бывшим сотрудником МКФ Павленко Олегом Максимовичем.

Олега Максимовича я хорошо знал. В пятом экспедиционном рейсе на НИС «Академик Сергей Королёв» он был главным инженером. Сталкиваться с ним по работе приходилось довольно часто. Запомнились его простота и открытость, почти девичья застенчивость.

Как-то зайдя к нему в каюту, я обратил внимание на рабочий стол, сплошь заваленный какими-то бумагами. Подумал, что увлечённо работает над диссертацией. Оказалось, что это были наброски стихотворений, которыми он «баловался» в свободное время. Позже с некоторыми из них мне удалось познакомиться. Его стихотворения отличались простотой и доходчивостью, будоражили память и вызывали приятную ностальгию по безвозвратно ушедшему времени. В 2013 году Олег Максимович выпустил четырёхтомник «Океанские опоры космических мостов», в котором с исторической достоверностью рассказал об этапах развития космонавтики, о людях, совершивших этот героический подвиг. Вот одно из его стихотворений:

Я в зал смотрю и вижу море,
На волнах пена – седина…

Мне Ваши лица – как страницы
О бурях, штормах и зарницах,
Как штурм Луны вела Страна.

Вот там «Долинск» приник к причалу,
У «Ристны» трап готов к завалу,
«Кегостров» с «Невелем» в ночи
Ушли. А там «Боровичи»,
Окликнув «Моржовец» гудком,
Ушёл открыто, не тайком.

И «Комаров», блестя шарами,
Пошёл, обласканый волнами,
Поведать Миру, что Страна
Героев помнит имена.
Ряды прибоем набегают.
Огни «Гагарина» сверкают.
И «Королёв», как лебедь белый
Рейд украшает своей сферой.
Одесский рейд, как Байконур,

Антенн весь полнится фигур.
А у потемкинских ступеней
Смотрящих – просто наводненье!
Мы там, в толпе. Наш слух ласкают
Слова: «ДА! НИСы восхищают».

Смотрю я в зал и вижу лица,
Чья жизнь – истории страницы!
И пусть тома её огромны,
А наши подвиги так скромны,
Оставить внукам их должны,
Им наши подвиги нужны.

Где наши судьбы не носило,
Нам имя Сталина светило.
Под вой сирен, бомбёжек ад –
И победителей парад!

Нас разбудил Хрущёв Никита,
Сказав, что карта культа бита!!!
От счастья мыслить очумели.
И в космос первые взлетели.

Такие нам открылись дали,
Наш «Шарик» – словно диск медали
Висит, украсив грудь Вселенной
Весь голубой и несравненный.
Висит один среди планет,
Где солнце есть, а жизни нет.

И мы прозрели все тогда,
Войны не будет никогда,
И этот тяжкий к миру путь
Судьба дала и нам хлебнуть.

Нам время выпало на диво,
И рассказать о нём правдиво
Наш долг!
Должны мы рассказать о СКИ
И положить свои мазки
На холст истории страны,
Которой были мы верны.

Нам жребий выпал не кровавый,
Страну мы укрепляли славой,
И свой мы ощущали взлёт,
Когда «Зонд-5» ушёл в полёт,
Когда «Союзы» стыковались
И старты «Марсов» совершались.

Как пятикратного героя
Страна родила в дни застоя.
Как Миша с Борей власть делили
И СССР похоронили.

И как реформ великих сила
Зарплаты вовсе отменила,
И как Российский славный флот
Теперь, как бомж, подачек ждёт.

Всего промчались тридцать лет,
А СКИ ОМЭР в помине нет.
Сожгло всё пламя перестройки…
Строй оказался наш не стойкий.
И нынче мы – остатки СКИ
Должны собрать!

Пусть через годы наш задел
Откроет юношам раздел
Морских космических работ…
Я верю – море призовёт!!

И выйдут в море корабли,
А в космос полетят с Земли
Сигналы к Марсу и Мирам,
И воздадут всем первым ВАМ
Хвалу творцам и их делам.

К празднованию 50-летия полета в космос Ю. А. Гагарина автор книги осмелился и написал песню и музыку, посвящённую тем, кто на НИС «Академик С. Королев» штурмовал моря и океаны, выполняя ответственные задания Родины.

КОРОЛЕВЦАМ

И снова в поход к чужим берегам,
За тысячи миль навстречу ветрам.
Шторма и туманы ревущих широт,
Полгода работы, короткий отчет.

«Союзы», «Салюты», облеты Луны,
«Венеры» и «Марсы» стартуют с Земли.
В морях, океанах космический флот
Нелегкую вахту достойно несет.

Последний виток, дан средствам отбой,
Взят курс на Гавану, а там и домой.
Канары, Босфор, Одессы причал,
И радости слезы у тех, кто встречал.

Наград не давали, за ними не шли,
Свой долг выполняли Отчизны сыны.
В любую погоду и ночью и днем
На связи мы были виток за витком.

Полгода мы дома, и снова в поход
Уйдет на работу космический флот.
Работа, работа, в порт редкий заход,
Не в каждом порту нас весточка ждет.

Потёмкинский спуск, знакомый причал,
Где НИС «Королев» уже ожидал.
Друзья и родные поднялись на борт,
Чтоб нас проводить в далекий поход.

Прощальные тосты в порыве одном
Звучали за спешно накрытым столом:
«Успешной работы, ни тени беды,
Семь футов под килем чистой воды»

«И вдруг как набат по судну сигнал:
На берег сойти всем, кто провожал».
Заплачет дочурка, сын руку сожмет,
Скупую слезу супруга смахнет.

Последний гудок – Одесса прощай,
Полгода пройдут, и вновь нас встречай.
Оставлен маяк во тьме за бортом,
Лишь чайки устало нам машут крылом.

Припев: Знаю, что трудно. Верю, что ждешь.
Снова на встречу к причалу придешь.
В нежных объятиях сомкнутся уста,
Забыта разлука, нет счастью конца

Андрей Григорьевич Карась возглавлял Главное управление по Космическим средствам с 1970 года. Его первым заместителем был генерал-майор В.И. Щеулов.

Лично Андрея Григорьевича я не знал, но видел много раз. Высокого роста, не по возрасту статный, умевший носить военную форму, он всем своим обликом внушал уважение и зачаровывал. Люди, непосредственно работавшие с ним и хорошо знавшие его, говорили, что наряду с мягкостью и отзывчивостью, он в определённых ситуациях мог принимать исключительно твёрдые

и ответственные решения.

Как-то судьба столкнула меня с ним. Будучи дежурным по Управлению, уже за полночь, закрыв на задвижку входную дверь, я отлучился в туалетную комнату. Спустя некоторое время я услышал настойчивый стук в дверь. Естественно промелькнула мысль, кто бы это мог быть? Если посторонний, то внешняя охрана предупредила бы меня.

Открыв дверь, я оторопел. Передо мной стоял Андрей Григорьевич Карась – красивый, чуть уставший. Он не вспылил, не возмутился. Спокойно прошёл в зал и попросил открыть сейф. Зато сопровождавший его полковник с неприятным лицом, перекошенным от злости, готов был испепелить меня.

Через несколько минут, положив документы, Андрей Григорьевич по-доброму посмотрев на меня, как бы извиняясь за причинённое неудобство, пожелал спокойного дежурства и неторопливо вышел. Отойдя от пережитого шока, я понял, что есть в Вооружённых силах высшие начальники, способные не только бездушно повелевать, но и с пониманием относиться к простому человеку.

Таким Андрей Григорьевич Карась остался в моей памяти.

Иван Дмитриевич Папанин – дважды Герой Советского Союза, доктор географических наук, полярный исследователь. Многие годы он возглавлял Отдел морских экспедиционных работ при Академии наук СССР, в который входил Морской космический флот.

При всемирной известности Иван Дмитриевич Папанин был удивительно скромным и отзывчивым человеком. Многим нашим сотрудникам он помогал и не отказывал даже в небольших просьбах.

Вспоминаю такой случай. Главный инженер нашей Службы С.Л. Масенков поручил мне и В.С. Яворскому выехать в город Минск для решения вопроса о возможности установки на вновь строящихся научно-исследовательских судах ЭВМ единой серии. Зная о трудности устройства в гостиницы Минска, я обратился к Ивану Дмитриевичу с просьбой дать соответствующее

ходатайство на имя директора одной из них, да не какой-то, а «Интурист».

Созвонившись с ним и объяснив просьбу, я был им принят. Когда я подходил к кабинету, то невольно испытывал волнение: ещё бы, мне предстояло не только увидеть, но и пообщаться с человеком, чьё имя было легендарным, о котором так много слышал и читал: Войдя в кабинет, я увидел Ивана Дмитриевича, как лунь седого, не по годам крепкого, с особенным блеском в глазах.

Спрашивая меня о том, как проходит служба, как переношу длительные океанские рейсы, он, как бы в скользь, ознакомился с письмом и подписал. Поблагодарив его, я вышел, переполненный необыкновенным чувством удовлетворения и благодарности случаю.

ПОРТЫ ЗАХОДОВ СУДОВ МКФ

СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА

Сент-Джонс (Канада)
Галифакс (Канада)
Санта-Крус (Канарские о-ва)
Лас-Пальмас (Канарские о-ва)
о. Лансаротте (Канарские о-ва)
Сидни (Канада)
о. Вознесения (Великобрит.)
Джеймстаун (о. Св. Елены)
Гамильтон (Бермудские о-ва)
Порт-Стэнли (Фолклидские о-ва)
Азорские о-ва

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АМЕРИКА

Порт-оф-Спейн (о. Тринидад)
Веракрус (Мексика)
Гавана, Мариэль (Куба)
Сантьяго-де-Куба
Сьенфуэгос (Куба)
Бухта Нипе (Куба)
Виллемстад (о. Кюрасао)
Фор-де-Франс (о. Мартиника)
Бриджтаун (Барбадос)
Ораньестад (о. Аруба)

ЮЖНАЯ АМЕРИКА

Ресифи (Бразилия)
Сантус (Бразилия)
Сан-Луис (Бразилия)
Сальвадор (Бразилия)
Рио-де-Жанейро (Бразилия)
Парамарибо (Суринам)
Монтевидео (Уругвай)
Буэнос-Айрес (Аргентина)
Вальпараисо (Чили)
Кальяо (Перу)
Джорджтаун (Гайана)

АФРИКА

Танжер (Марокко)
Абу-Даби (ОАЭ)
Уолфиш-Бей (Намибия)
Оран (Алжир)
Бизерта (Тунис)
Сеута (Испания)
Касабланка (Марокко)
Александрия (Египет)
Суец (Египет)
Порт Сайд (Египет)
Дакар (Сенегал)
Конакри (Гвинея)
Фритаун (Сьерра-Леоне)
Тема, Токаради (Гана)
Абиджан (Кот-Дивуар)
Ломэ (Того)
Лагос (Нигерия)
Пуэнт-Нуар (Конго, Бенин)
Момбаса (Кения)
Кейптаун (Юж.Африка)
Дурбан (Юж. Африка)
Порт-Луи (о. Маврикий)
Магадишо (Сомали)
Котону (Дагомея)

АЗИЯ

Пор-о-Франс (о. Кергелен)
Латакия (Сирия)
Бомбей (Индия)
Коломбо (Шри-Ланка)
Сингапур Аден (Йемен)

Список руководителей, ходивших в экспедиционные рейсы в должности начальника экспедиции

Фамилия, имя, отчество	Перечень судов и номер возглавляемого рейса	Количество рейсов
Аникеев Михаил Александрович	«КПБ»: 7,8,9,10,11,12,13-й рейсы	7
Аброскин Олег Михайлович	«КВВ»: 2,3,4,5,6-й рейсы, «АСК»: 15-й рейс	6
Безбородов Виталий Георгиевич	«Долинск»: 2-й рейс	1
Бонах Владимир Григорьевич	«Бежица» 7 и 8-й рейсы «Моржовец»: 9,10,11,12,13-й рейсы	7
Боцва Владимир Яковлевич	«Боровичи»: 17,18-й рейсы; «КВП»: 6,7,8,9-й рейсы	6
Буров Николай Александрович	«Кегостров»: 23,24-й рейсы; «КПБ»: 14-й, *коммерч. рейс* «Колумб-500» - 1992 г.	3
Валиев Олег Хаджаевич	«КВК»: 7-й рейс; «КЮГ» 1-ый рейс	2
Вернигора Леонид Алексеевич	«КГД»: 15-й, *коммерческий рейс*	1
Власов Михаил Иванович	«Долинск»: 3-й рейс (первая половина рейса); «Кегостров»: 3-й р.	1,5
Выдранков Алексей Васильевич	«Моржовец»: 14,15,16,17-й рейсы; «КГД»: 6,7,8,9,10-й рейсы	9
Грищенко Александр Евгеньевич	«КГД»: 16 и 17-й, *коммерческие рейсы*	2
Дулин Юрий Васильевич	«Аксай»: 1, 2-й рейс; «Долинск»: 4-й(1/2), 5-й рейсы; «Бежица»: 2-й рейс; «КВК»: 3, 6, 8-й рейсы; «КЮГ»: 2, 3, 4-й рейсы	10,5
Дымов Олег Михайлович	«КВК»: 4-й (вторая половина) рейса	1/2
Жарков Николай Семёнович	«Невель»: 3,4,5,6,7,8,9-й рейсы; «КЮГ»: 7,8,9,10,11-й рейсы; «КВВ»: 1-й рейс.	13

Продолжение табл.

Фамилия, имя, отчество	Перечень судов и номер возглавляемого рейса	Количество рейсов
Журин Владимир Фёдорович	«Бежица»: 9 и 10-й рейсы; «Боровичи»: 11,12,13,14,15, 16-й рейсы; «АСК»: 16,17,18,19,20-й рейсы	13
Зотов Михаил Михайлович	«Моржовец»: 24-й рейс	1
Ключников Владимир Николаевич	«Невель»: 23-й рейс; «КВП»: 12-й рейс	2
Кизьяков Владислав Семёнович	«Боровичи»: 9,10-й рейсы; «КПБ»: 1,2,3,4,5	7
Кравцов Анатолий Петрович	«КВВ»: 7,8,9,10,11,12-й рейсы	6
Колесников Николай Виненелевич	«КВП»: 10-11-й рейсы	2
Косыгин Анатолий Александрович	«Ристна»: 8 и 9-й рейсы	2
Круглов Борис Николаевич	«КВК»: 9-й рейс	1
Ларских Владимир Иванович	«КВВ»: 13, 14 и 15-й рейсы	3
Лиманский Василий Васильевич	«КВК»: 29, 30, 31-й рейсы	3
Мамалыгин Вадим Семёнович	«КЮГ»: 17,18-й рейсы	2
Масенков Сергей Леонович	«Долинск»: 1,3-й рейсы; «Рисна»: 1 и 2-й рейсы	4
Масленников Анатолий Афанасьевич	«Ристна»: 10-й рейс; «Долинск»: 10-й рейс; «Невель»: 10,11-й рейсы; «КВП»: 1-5-й рейсы	9
Маслов Алексей Васильевич	«КВК»: 14,15,16,17,18,19,20, 21,22-й рейсы; «КЮГ»: 12,13-й рейсы.	11
Минкин Анатолий Иванович	«Кегостров»: 8,11,12,13,14, 15,16,17-й рейсы; «Бежица»: 5-й рейс	9
Мовчан Геннадий Викторович	«Боровичи»: 20,21,22-й рейсы	3
Монаков Сергей Сергеевич	«КВП»: 13 и 14-й рейсы	2
Москалец Альберт Прокофьевич	«Ильичёвск»: 1,2-й рейсы; «Моржовец»: 1-й рейс; «АСК»: 4,5,6,7-й рейсы.	7
Немытов Юрий Валерьянович	«Боровичи»: 1-й рейс	1
Никифоров Владимир Геннадиевич	«Ристна»: 3 и 4-й р.; «Моржовец»: 3, 4, 5, 6-й рейсы; «КВК»: 9, 10, 12, 13-й рейсы; «КЮГ»: 5, 6-й рейсы	12

Продолжение табл.

Фамилия, имя, отчество	Перечень судов и номер возглавляемого рейса	Количество рейсов
Журин Владимир Фёдорович	«Бежица»: 9 и 10-й рейсы; «Боровичи»: 11,12,13,14,15, 16-й рейсы; «АСК»: 16,17,18,19,20-й рейсы	13
Зотов Михаил Михайлович	«Моржовец»: 24-й рейс	1
Ключников Владимир Николаевич	«Невель»: 23-й рейс; «КВП»: 12-й рейс	2
Кизьяков Владислав Семёнович	«Боровичи»: 9,10-й рейсы; «КПБ»: 1,2,3,4,5	7
Кравцов Анатолий Петрович	«КВВ»: 7,8,9,10,11,12-й рейсы	6
Колесников Николай Виненелевич	«КВП»: 10-11-й рейсы	2
Косыгин Анатолий Александрович	«Ристна»: 8 и 9-й рейсы	2
Круглов Борис Николаевич	«КВК»: 9-й рейс	1
Ларских Владимир Иванович	«КВВ»: 13, 14 и 15-й рейсы	3
Лиманский Василий Васильевич	«КВК»: 29, 30, 31-й рейсы	3
Мамалыгин Вадим Семёнович	«КЮГ»: 17,18-й рейсы	2
Масенков Сергей Леонович	«Долинск»: 1,3-й рейсы; «Рисна»: 1 и 2-й рейсы	4
Масленников Анатолий Афанасьевич	«Ристна»: 10-й рейс; «Долинск»: 10-й рейс; «Невель»: 10,11-й рейсы; «КВП»: 1-5-й рейсы	9
Маслов Алексей Васильевич	«КВК»: 14,15,16,17,18,19,20, 21,22-й рейсы; «КЮГ»: 12,13-й рейсы.	11
Минкин Анатолий Иванович	«Кегостров»: 8,11,12,13,14, 15,16,17-й рейсы; «Бежица»: 5-й рейс	9
Мовчан Геннадий Викторович	«Боровичи»: 20,21,22-й рейсы	3
Монаков Сергей Сергеевич	«КВП»: 13 и 14-й рейсы	2
Москалец Альберт Прокофьевич	«Ильичёвск»: 1,2-й рейсы; «Моржовец»: 1-й рейс; «АСК»: 4,5,6,7-й рейсы.	7
Немытов Юрий Валерьянович	«Боровичи»: 1-й рейс	1
Никифоров Владимир Геннадиевич	«Ристна»: 3 и 4-й р.; «Моржовец»: 3, 4, 5, 6-й рейсы; «КВК»: 9, 10, 12, 13-й рейсы; «КЮГ»: 5, 6-й рейсы	12

Окончание табл.

Фамилия, имя, отчество	Перечень судов и номер возглавляемого рейса	Количество рейсов
Чуднов Владимир Леонидович	«Моржовец»: 18,19,20,21,22,23-й рейсы	6
Щеглов Анатолий Васильевич	«Бежица»: 6-й рейс; «Моржовец»: 7,8-й рейсы	3
Шкут Павел Тихонович	«КЮГ» - *0*-й рейс, 30.07.71 г. – 20.08.71 г. Перегон судна из Ленинграда в п/п Одесса, с проверкой работы аппаратуры и оборудования в разных климатических условиях и одним заходом в п. Гибралтар. На борту 24 чел. эксп. из к/сос.	1

Фото из личного архива автора и его сослуживцев

Барселона

Бомбей

Лондон

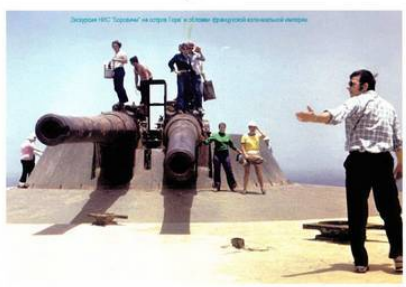
Марсель

Рейк-Явик

Рио-де-Жанейро

Сингапур

Сиэтл



Дакар